

9(Дар)

0.72

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Махачкала 1986

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

3 (Д. 25)
0-72

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сборник

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

Махачкала 1986

Ответственный редактор и составитель
Т. М. Айтберов

Сборник посвящен актуальной проблеме — освободительной борьбе народов Дагестана против арабских, персидских и турецких завоевателей. Сборник охватывает период с VII в. по XVIII в. Статьи написаны на материале в основном не известных ранее кавказоведам письменных источников, часть которых является дагестанской по происхождению.

Сборник рассчитан на специалистов по кавказоведению и ориенталистике, на студентов-историков, а также на широкие круги читателей, интересующихся прошлым Северокавказского региона нашей Родины.



130253

ВВЕДЕНИЕ

Дагестанцам в течение средневековой эпохи их истории, растянувшейся на много столетий, пришлось не раз сражаться с могучими империями Востока. В этих битвах обитатели «Страны гор» показали образцы героизма и самоотверженности, помноженные на высокое искусство горной войны. Они не раз громили войска «потрясателей вселенной», имевшие в своем составе отряды, сформированные из жителей гор гораздо более высоких, чем дагестанские.

Изучение борьбы дагестанцев против империй Востока, за свободу экономических и внешнеполитических связей, за сохранение своего общественно-политического устройства и своей культуры является почетным долгом нашей исторической науки, вооруженной марксистско-ленинской методологией. На этом поприще, которое достойно служит делу патриотического воспитания дагестанской молодежи, сделано уже немало, благодаря трудам А. А. Али-Заде, М. И. Артамонова, В. В. Бартольда, В. Г. Гаджиева, А. Е. Криштопы, Л. И. Лаврова, Р. М. Магомедова, А. И. Тамая, М.-С. К. Умаханова, А. Р. Шихсаидова, О. А. Эфендиева и других исследователей. Много, однако, еще предстоит выполнить, ибо в руки дагестановедов попали ныне письменные источники, не использованные в работах, опубликованных ранее. Главной задачей при этом является конкретная разработка частных вопросов на основе или с привлечением ранее неизвестного материала. Это убеждение и было отправным пунктом при формировании сборника, среди авторов которого большинство — сотрудники сектора востоковедения Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. К участию в работе были, однако, привлечены и сотрудники сектора досоветского периода истории Дагестана Института ИЯЛ, а также — в рамках сотрудничества и кооперации академической и вузовской науки, о чем говорилось на XXVII съезде КПСС — преподаватели и аспиранты исторических кафедр Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина.

Статьи доктора исторических наук, заведующего сектором востоковедения Шихсаидова А. Р. и Айтберова Т. М. посвящены нашествиям арабов и их политических наследников на Восточном Кавказе. В первой работе охватывается весь Дагестан VII—VIII вв., но внимание обращается лишь на узловые моменты политической истории. Во второй — берется одна из частей «Страны гор», от прихода арабов до монгольского нашествия, приводится полная сводка фактов, а основное внимание уделяется вопросам хронологии и исторической географии, без решения которых освободительная борьба выглядит как нечто аморфное, не динамичное. Три статьи освещают отдельные моменты борьбы дагестанцев с державой Сефевидов. Особого внимания здесь заслуживают обобщающая работа старших научных сотрудников сектора досоветской истории Б. Г. Алиева и М.-С. К. Умаханова, а также исследование аспиранта А. С. Шмелева, написанное на материале ранее неизвестных документов, выявленных автором. Солидное

место занимают в сборнике и работы, в которых разбираются конкретные моменты из борьбы горцев Дагестана против Надир-шаха. А. Н. Козлова и Г. М. Мирзамагомедов предлагают здесь свое толкование некоторых событий, опирающееся на иранские и дагестанские письменные материалы, которые ранее в дагестановедении не привлекались. Интересной представляется работа доцента Н. А. Сотавова, в которой раскрываются толкования и концепции зарубежных авторов.

Следуя доброй традиции, сложившейся в Институте ИЯЛ, часть сборника было решено выделить под «Материалы», где приводятся переводы источников с краткими комментариями.

Представляется, что сборник «Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья» сыграет положительную роль при создании в будущем нового большого обобщающего труда по средневековой истории Дагестана, а также в деле военно-патриотического воспитания подрастающего поколения жителей республики.

А. Р. ШИХСАИДОВ

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА ПРОТИВ ХАЛИФАТА VII—VIII вв.

(в трудах арабских авторов)

Арабская историческая литература IX—X вв. стала заметной вехой в историографии стран Ближнего Востока, Кавказа, Средней Азии. Жанр «книг завоеваний», получивший в IX—X вв. широкое развитие и рассчитанный на описание и прославление арабских завоевательных войн, процесса исламизации областей, оказавшихся под арабской властью, стал вместе с тем единственным сохранившимся письменным свидетельством о жизни ряда народов в указанное время. Большое число произведений этого жанра содержит ценные сведения по истории и культуре северокавказского общества раннего средневековья. Наибольшее число этих сведений посвящено истории Дагестана.

Из авторов произведений, посвященных истории арабских завоеваний, в частности походов в районы Восточного Кавказа, следует указать в первую очередь Халифу ибн Хаййата¹, ал-Балазури², ал-Йакуби³, ат-Табари⁴, Ахмада ибн Асама ал-Куфи⁵, Балами⁶, а также Ибн ал-Асира⁷.

Отрывки из сочинений ал-Балазури, ал-Йакуби, Балами, Ибн ал-Асира по истории народов Азербайджана и Северного Кавказа были в свое время переведены на русский язык⁸, что содействовало широкому использованию этих важных источников многими представителями исторической науки — не ориенталистами.

В 1981 г. был опубликован новый ценный перевод — извлечение из истории Азербайджана и Дагестана VII—IX вв. из «Книги завоеваний» Ахмада ибн Асама ал-Куфи. Все это можно считать подготовительным этапом к выполнению «кавказской части» выдвинутой И. Ю. Крачковским и не осуществленной до сих пор программы создания корпуса арабских источников по истории народов нашей страны¹⁰. Создание корпуса древнейших источников (в том числе и арабских) по истории народов СССР остается важнейшей задачей советской исторической науки и по сей день¹¹.

Настоящая статья посвящена анализу сведений арабских авторов об освободительной борьбе народов Дагестана в VII—VIII вв. В единственном случае нами привлечен и персидский источник — переработка сведений ат-Табари, осуществленная Балами.

Несколько слов об авторах, сочинениями которых мы пользуем-

ся. Из дошедших до нас исторических сочинений самый ранний труд по истории ислама и арабских завоеваний принадлежит пракскому автору IX в. Абу Амиру Халифе ибн Хаййату ал-Лайси ал-Усруфи (ум. в 240/854-5 г.). Сочинение Халифы ибн Хаййата «Тарих»¹² было обнаружено сравнительно недавно, опубликовано в 1967 г. в Багдаде пракским ученым Акрамом Дийа ал-Умарн при содействии Иракской академии наук по списку XIII в., хранящемуся в вакуфном фонде Публичной библиотеки в Рабате (Марокко)¹³.

В советской историографии на сочинение Халифы ибн Хаййата как источник по истории народов Кавказа впервые обратила внимание Т. М. Сиппенкова¹⁴.

В «Тарихе» описаны многие события по истории арабских завоеваний, не встречающиеся у последующих авторов. Вместе с тем многие данные Халифы ибн Хаййата перекликаются с сообщениями последующих авторов Халифата, таких как ал-Балазури, ал-Йакуби, ат-Табари и др.

Халифа ибн Хаййат был известен в арабской историографии — Ибн Надим, Ибн ал-Ади, аз-Захаби и другие приводят несколько названий его сочинений, в том числе «Тарих» и «Табакат ар-риджал»¹⁵. Дата его смерти точно не установлена, но большинство авторов указывают 240/854—5 г. В числе источников «Тариха» — Мухаммад ибн Исхак ал-Мадини, Хишам ал-Калби, Абдаллах ибн ал-Мугейра и др.¹⁶

Много ценных сведений по военно-политической истории Дагестана принадлежит крупнейшему арабскому историку Абу Джафару Мухаммаду ибн Джарру ат-Табари (839—923)¹⁷. Его обширный фундаментальный труд «История посланников и царей»¹⁸ написан на арабском языке и представляет собой в дошедшем до нас виде сокращенную редакцию всемирной истории от «сотворения мира» до 302/914—5 г. Историк науки Дж. Сартон назвал ат-Табари «одним из величайших мусульманских историков», и огромный исторический труд автора дает основание для такого утверждения. Он пользовался многочисленными и разнообразными источниками, среди которых важное место занимают сочинения Мухаммада ибн Исхака (ум. в 848 или 849 г.)²⁰. Академик В. В. Бартольд писал, что ат-Табари большей частью «ограничивается пересказом своих источников, иногда соединяет в одном рассказе данные, заимствованные из различных сочинений... Полное отсутствие критики в его труде удивительно даже для того времени»²¹. Такое отсутствие выбора «надежных» источников имеет и свою положительную сторону, так как дает возможность их сравнительного анализа.

«История посланников и царей» содержит много ценных сведений о средневековом Дагестане и Северном Кавказе в целом²².

Автор основательно использовал сведения, полученные от лиц, принимавших непосредственное участие в арабских походах на Кавказ²³.

Новые возможности в изучении истории раннесредневекового Дагестана открывает осуществленное в Хайдаррабаде восьмитомное

издание «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний») Абу Ахмада ибн Асама ал-Куфи²⁴.

Хотя арабский текст «Китаб ал-футух» был издан лишь в 1968—1975 гг., имя автора Ахмада ибн Асама ал-Куфи, сведения, содержащиеся в персидской редакции его сочинения давно привлекали внимание исследователей. Правда, интерес не носил «самостоятельного характера», так как был подсказан, как правило, необходимостью прокомментировать другие источники. Так, например, небольшой отрывок (персидский текст и перевод на английский язык) о событиях 27 и 28 гг. хиджры на Восточном Кавказе опубликован М. А. Казембеком в качестве иллюстративного материала к одной из глав «Дербенд-наме»²⁵.

Еще раньше, в 1844 г., академик Б. А. Дорн в обстоятельной статье, посвященной восточным источникам по истории хазар и их войн с арабами, использовал небольшой отрывок из сочинения Ахмада ибн Асама ал-Куфи в качестве приложения к тексту Табарри-Балами, а именно рассказ о походе Масламы ибн Рабиа в Дагестан по маршруту Ширван—Баб—Таргу(?)—Баланджар²⁶. По сравнению с текстом ат-Табари в передаче Балами персидский текст Ахмада ибн Асама давал мало нового, потому Б. А. Дорн ограничился использованием лишь небольшого отрывка.

Находка арабского текста Ахмада ибн Асама ал-Куфи в одной из константинопольских библиотек поставила это сочинение в ряд ценнейших памятников раннесредневековой арабской историографии. Первоначально, однако, интерес к сочинению ал-Куфи оставался все еще «попутным». Так, в обстоятельной работе о путешествии Ибн Фадлана на Волгу привлекается обширный отрывок из «Китаб ал-футух» о походе Марвана через Дагестан и Хазарию к «Реке славян» и принятии ислама хазарским каганом²⁷.

Только А. Нимат Курат посвятил обстоятельную статью арабскому тексту «Китаб ал-футух», его спискам, значению в освещении арабских завоеваний в Средней Азии и Хазарии. В статью дается также текст двух отрывков из ал-Куфи о походе арабов на Кавказ.

Даже небольшие отрывки арабских текстов из сочинения ал-Куфи привлекли внимание исследователей. В. Ф. Минорский писал, что «арабский оригинал Ибн Асама, недавно обнаруженный в Турции, показывает, что персидский переводчик опустил немало эпизодов»²⁹. Как писал М. И. Артамонов, «арабский текст... оказался весьма интересным, особенно в части, относящейся к арабо-хазарской войне. Здесь имеются также подробности, которых нет ни у одного другого писателя, касающихся той же части»³⁰.

Указанные выше отрывки не могли, при всей их ценности, дать хотя бы частичное представление обо всем богатстве содержания «Китаб ал-футух». Это стало возможным лишь в связи с изданием полного арабского текста в Хайдарабаде в 1968—1975 гг.³¹ В 1981 г. в Баку издан русский перевод сведений Ахмада ибн Асама ал-Куфи, касающихся истории Азербайджана и Дагестана³².

Из всех других авторов исторических сочинений жанра «завое-

ваний» ал-Куфи наиболее близок персидский автор Балами. Еще А. Н. Курат установил, что труд Балами во многих местах совпадает с текстом Ибн Асама, а не Табарн (что объясняется либо непосредственным заимствованием, либо использованием общего источника)³³.

Абу Али Мухаммад ибн Мухаммад Балами (ум. в 974 г.) — везир саманидских правителей Абдалмалика и Мансура I. В 963 г. Балами приступил к персидскому переложению арабского текста ат-Табарн, получившему впоследствии название «Тарих-и Табарн» («История Табарн»). Как указывал З. М. Бунятов, «исследователи, пользующиеся трудом Балами, должны знать, что последний, переводя с арабского сочинение ат-Табарн, включил в этот перевод значительное количество отрывков из «Китаб-ал-футух» Ибн Асамн ал-Куфи»³⁵.

Выше уже отмечалось наблюдение А. Н. Курата о чрезвычайной близости текста Ибн Асама ал-Куфи и Балами по сравнению с другими сочинениями, в частности с «Историей посланников и царей» ат-Табарн. Это утверждение верно лишь частично; как мы убедимся ниже, Балами окажется не самым близким к Ибн Асамн ал-Куфи автором, когда речь идет о первом этапе арабских походов.

Указанные источники выступают не в качестве менее достоверных или более достоверных, а как единый комплекс, каждая часть которого важна по-своему, взаимно дополняют и уточняют друг друга. Если Ибн Асам ал-Куфи наиболее точен по части описания маршрутов или же «богат» своей географической номенклатурой, то Халифа ибн Хаййат и ат-Табарн более обстоятельны в характеристике арабских военных акций, и в отличие от всех других названных авторов последний датирует события, хотя и приводят рядом взаимоисключающие данные. Ат-Табарн оказался единственным автором, сохранившим тексты охранных грамот жителям Азербайджана, Мукана, ал-Баба, в то время как остальные лишь глухо упоминают о них; ал-Балазури и ал-Йакуби более точны в описании мероприятий арабов по части формирования социальной опоры в лице местных правителей; Балами вводит в текст много новых фольклорных мотивов (сведения о стене Йаджудж и Маджудж, о кольце с рубином, принадлежавшем дербентскому правителю Шахрийару), он точен в терминах, вносит новые оттенки в их объяснение, но в то же время не описывает некоторые, с его точки зрения, маловажные события, как, например, второй поход на Баланджар, хазарские походы в Закавказье. Балами более конкретен в рассказах о взятии городов, о колонизационной политике арабов.

При всех различиях, историков указанного времени объединяет одно обстоятельство — все они верны духу времени: история войн и политических переворотов, т. е. чисто военная и политическая сторона, является главной (вернее, почти единственной) темой при описании отдельных событий.

Изучению истории арабских завоеваний на Кавказе, героической

борьбе его народов за независимость в советской исторической науке придается немаловажное значение. Имеется ряд серьезных, основанных на первоисточниках работ по истории Азербайджана, Армении³⁶. В ряде обобщающих работ имеются ценные разделы о взаимоотношениях Дагестана и халифата, о борьбе народов Дагестана за свою независимость³⁷. Нет, однако, специальной работы по истории арабских завоеваний в Дагестане, о последствиях этих событий для развития экономической и социальной жизни, о героических усилиях местного населения по сохранению своей независимости.

Весьма интересны сведения о первых походах арабов в Дагестан. Ал-Балазури, ал-Иакуби, Халифа ибн Хаййат, автор «Дербенд-наме», т. е. четыре важных источника по истории арабских завоеваний, относят первый поход арабов в Дагестан ко времени правления халифа Османа (644—656) и связывают его с именем Салмана ибн Рабиа. Ат-Табари же говорит о нескольких попытках разведывательного характера, причем первый поход отнесен к 22/642—3 г.³⁷, и если он и связан с именем Салмана ибн Рабиа, то не в качестве главного лица, а лишь распорядителя добычи. Возглавлять же этот поход халиф Омар поручил Сураке ибн Амру, а помощниками его выступают Абдаррахман ибн Рабиа (брат Салмана), Хузайфа ибн Асид, Букайр ибн Абдаллах Халиб ибн Маслама.

Во время этого похода был завоеван ал-Баб (Дербент), жители которого, «Арминийи и Армана» получили от имени Сураки ибн Амра охранную грамоту следующего содержания: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это то, что пожаловал (а'та) Сурака ибн Амр, амир повелителя правоверных Омара ибн ал-Хаттаба — Шахрбаразу и жителям Арминийи и ал-Армана. Он представляет им безопасность (амаи) их жизни и имущества, религиозной общины (милла), если они не будут совершать вредных поступков и не выступят [против]. Что касается жителей Арминийи и ал-Абваба* — пришлых издалека (тура) и оседлых (тунна) и тех, кто вокруг них, то он договорился с ними, что они будут участвовать во всех походах и выполнять всякое дело, которое правитель (вали) сочтет благим. Кто согласен на это, тот освобождается от [всех] повинностей (джиза), кроме призыва в войско (хашр), а призыв в войско — это замена их повинностей. [Если] в ком-либо из них не будет нужды и он остается на месте, то на нем то же, что и на жителя Азербайджана по части повинностей, указания пути (дилал) и стоянки война в течение [одних] суток. Но если они собраны [в войско], то [все] это снимается с них, если же оставлены [на местах], то берется с них. Засвидетельствовано Абдаррахманом ибн Рабиа, Салманом ибн Рабиа, Букайром ибн Абдаллахом. Написал и засвидетельствовал Марзи ибн Мукаррин»³⁸.

* может быть «ал-абвабов» (проходов).

Казалось бы «мирный договор» с жителями такой крупной административной единицы как Арминийя, куда входил ал-Баб, должен был обеспечить здесь безопасность контингента арабских войск. Однако из текста ат-Табари мы узнаем также, что в целом итоги этого похода были для арабов малоутешительными, ибо перед самым 24/644—5 г. сообщается о том, как «в дни отошли от религии (кафара) жители Арминийи, и Муавия приказал Хабибу ибн Масламе идти на ал-Баб, а в 24/644—5 году совершается один поход в Азербайджан и Арминийю»³⁹. Но сопротивление местного населения продолжалось. В 30/650—51 г. арабские войска опять были отправлены «в поход на ал-Баб в помощь Абдаррахману ибн Рабиа». Хотя ат-Табари и не пишет об акциях населения Восточного Кавказа против арабских военных сил, четыре следующих один за другим похода арабов в район Дербента в течение каких-нибудь восьми лет, явно свидетельствуют об этом⁴⁰. Косвенно об этом свидетельствуют и данные ал-Куфи, который обрисовал нестабильную обстановку, непрочность позиции Халифата в Арминийи (т. е. на Восточном Кавказе и в Закавказье), когда за короткий период правления халифа Османа (644—656) сменилось по крайней мере четыре наместника Арминийи.

Более подробно о походе 25/645—6 г. сообщает ал-Куфи. По его данным, правитель Сирии, Джазиры и пограничной области при халифе Османе Муавия и завоеватель Азербайджана в 24/644—5 г. известный полководец Валид ибн Укба направили сначала Хабиба ибн Масламу и Салмана ибн Рабиа в Арминию IV⁴¹, против Византии. Затем халиф направляет Салмана на завоевание восточных районов Кавказа (восточных областей Арминийи). После завоевания Бардаа, Джурзана, Ширвана и Маската, Салман «направил послов к владыкам гор (*мулук ал-джибал*) ...К нему прибыли владыка (малик) ал-Лакза, владыка Филана и владыка Табаристана (Табасарана — А. Ш.). Все они доставили ему деньги и подношения и согласились ежегодно вносить известную контрибуцию»⁴².

Далее Салман вступает в ал-Баб, в котором находилось, как пишет ал-Куфи, трехсоттысячное хазарское войско. Однако и это выступление кончилось неудачей. В районе Баланджара хакан «во главе 300-тысячного войска повернул назад, на мусульман, и сражался с ними до тех пор, пока они не были все перебиты. Говорит (автор): были убиты Салман ибн Рабиа ал-Бахили и все, кто был с ним»⁴³.

Этот текст открыто повествует о поражении арабских войск в Дагестане. Но много случаев, когда борьба народов Кавказа, в том числе и Дагестана, завуалирована, скрыта под общими трафаретными фразами. Обычно заключение «мирных договоров» и выдача охранных грамот рассматривается как итог «полюбовной сделки» завоевателей и завоеванных, по крайней мере добровольной уступки силе. Однако обычно таким уговорам предшествует демонстрация силы. В своей знаменитой «Книге завоеваний стран» ал-Балазури так описывает поход Салмана: «Передают, что Салман

ибн Рабиа ал-Бахили двинулся, по приказу (халифа) Османа в Арран и занял Байлакан по мирному договору, по которому он гарантировал его жителям жизнь, имущество, и стены их города, обязав их вносить джизью и харадж. Потом Салман прибыл в Барда... Жители города закрыли перед ним ворота и ему пришлось возиться с ними несколько дней. Он совершал набеги на селения его (т. е. на прилегающие к городу селения), на пашнях которых урожай уже был снят. И они (вынуждены были) заключить такой же мир [т. е. на тех же условиях что и Байлакан] ...И заключили с ним мир владетели Шахкана и Шабирана с условием вносить подать. Заключили с ним мир [также] и жители Хайзана, Царь Ширвана и остальные владыки (малики) гор, жители Маската, Шабирана и города ал-Баба». Ал-Йакуби пишет о «мире», который заключили «царь лакзов, жители Шабирана и жители Филана»⁴⁴.

В 31/651—652 г. «Хабиб ибн Маслама завоевал Армению», и это означало, что Баб ал-абваб оказался, наконец, в итоге пятого похода, в руках арабов. Когда в 32/652—653 г. арабы начали поход в Хазарию, то Абдаррахман ибн Рабиа уже был правителем ал-Баба⁴⁵. Баб ал-абваб уже воспринимается арабами как опорный пункт для дальнейшей агрессии на север и в горные районы Дагестана.

Эта ориентация военных сил видна из того, что в 32/652—653 г. Салман ибн Рабиа назначен «над проходами Баланджара (фурадж)», т. е. над проходами, ведущими на Баланджар, точно так же как раньше Абдаррахман был назначен над «проходами ал-Баба»⁴⁶.

Оценивая первый этап арабских завоеваний на Восточном Кавказе, М. И. Артамонов считал, что «столкновение арабов с хазарами в середине VII в. было малозначительным эпизодом, так сказать первым знакомством между будущими упорными противниками»⁴⁷. Это правильно лишь в том случае, если иметь в виду длительную и ожесточенную борьбу на Восточном Кавказе, начало которой было положено чуть позже, в I четверти VIII в.

От 653 до 722 г. ни ал-Куфи, ни другие авторы не дают известий о крупных походах арабов в Дагестан, не считая кратких сообщений о том, что в 89/707—708 г. Маслама ибн Абдалмалик «совершил поход на тюрков, достиг ал-Баба в области Азербайджан и захватил там крепости и города», а в 91/709—710 г. он же «совершил поход на тюрков и достиг ал-Баба из области Азербайджан»⁴⁸. Оба эти сообщения принадлежат ат-Табари. Ибн ал-Асир также пишет о походе Масламы против тюрков (хазар) «со стороны Азербайджана» в 88/706—707 г. и о его же походе «против тюрков со стороны Азербайджана, пока достиг ал-Баба, он завоевал [много] городов и крепостей и установил на них катапульты»⁴⁹.

Ибн Асам ал-Куфи также дает очень важное сообщение: наместник Армянский, Джазиры и Азербайджана «Мухаммад ибн Марван вызвал сына своего брата Масламу ибн Абдалмалика, передал ему войско и приказал идти походом на город ал-Баба, чтобы сразиться с хазарами, которые там находились. В городе

заселю 80000 хазар, и город был взят только с помощью одного хазарина, который указал тайный ход в цитадель. С богатой добычей Маслама вернулся к своему дяде, и этим не замедлили воспользоваться хазары: они пришли вторично, заняли город ал-Баб, как это было и раньше»⁵⁰.

Таким образом, ат-Табари, Ибн ал-Аспр и ал-Куфи кратко сообщают о неизвестных другим авторам попытках арабов овладеть Баб ал-абвабом. Важность этих известий заключается в том, что они позволяют выделить период между первой и второй «арабо-хазарскими войнами» (от 665 до 722 г.) в отдельный этап, характеризующийся многочисленными, часто безуспешными попытками арабов укрепиться в Баб ал-абвабе, одним из наиболее крупных укрепленных пунктов Кавказа. Этот этап особенно важен, если рассматривать его в русле арабо-византийско-армянских взаимоотношений.

Сведения ал-Куфи, ат-Табари и Ибн ал-Аспра, взятые вместе, воссоздают картину, сложившуюся после первого разведывательного похода арабских войск на Восточный Кавказ. Термин «арабо-хазарские войны», введенный, насколько нам известно, М. Д. Давлопом, не охватывает выделенный нами этап, хотя он также характеризуется борьбой населения Восточного Кавказа против арабов, но при особых обстоятельствах: инициатива в этих столкновениях остается обычно на стороне хазар. Центр тяжести арабских походов перемещается на войну с Византией за овладение Арменией. В арабской историографии Восточный Кавказ временно «оставлен в стороне», ибо восточнокавказский материал не укладывался уже в схему «книг завоеваний», в концепцию арабских вторжений. В результате остались «незамеченными» такие крупные события, как хазарские вторжения в Закавказье 662, 664, 669, 684 гг., отмеченные Моисеем Каланкатуйским, Варданетом Гевондом и другими авторами⁵¹.

В целом представляются более верными и соответствующими духу источников три этапа в восточнокавказской политике арабов, вернее, в арабо-восточнокавказских отношениях.

Первый этап — от первых арабских походов до конца 50-х годов VII в., т. е. этап хронологически незначительный (около 20 лет), но характерный попытками укрепиться в Дербенте, и при этом глубокими рейдами севернее Дербента, имевшими пока еще характер разведки или «предупредительной» войны.

Второй этап — от начала 60-х годов VII в. до начала 20-х годов VIII в., примерно 60 лет, характеризуется отсутствием условий для реализации завоевательных планов арабов, попытками их сохранить за собой Дербент, неудачами в столкновениях с дагестанцами и хазарами. Частые нападения хазар фактически свели на нет итоги первого этапа.

Конец VII—начало VIII в. «было временем наибольшего проявления арабского государства»⁵², когда в правление Абдалмалика (685—705) было покончено с распрями, подавлены восстания, положение в халифате стабилизировалось.

Третий этап — от 20-х годов VIII в. до середины того же века, продолжительностью около 40 лет. Это этап сильных военных действий на Северном Кавказе и успехов арабского оружия, но вместе с тем и активного участия народов Дагестана в борьбе за свою независимость.

Ибн ал-Асим ал-Куфи, Балами и ат-Табари сохранили обстоятельное описание третьего этапа, причем ат-Табари, с одной стороны, а Ибн Асам ал-Куфи — с другой, характеризуют его с разных точек зрения. Для ат-Табари важны хронологическая последовательность событий, демонстрация многочисленности арабских вторжений и походов. Для ал-Куфи и Балами характерна не фиксация всех событий, а выделение и подробное освещение наиболее важных из них.

По данным ат-Табари, действия на Северном Кавказе выглядят следующим образом:

- | | |
|-------------|---|
| 103/721—722 | — вторжение «тюрок» в ал-Лан. |
| 104/722—723 | — поход Джарраха на Баланджар, разгром «тюрок». |
| 105/723—724 | — поход на ал-Лан, пока не дошел до Баланджара и за Баланджар. |
| 106/724—725 | — поход Джарраха на ал-Лан. |
| 106/724—725 | — поход Муслима ибн Саида на «тюрок». |
| 110/728—729 | — Маслама ибн Абдалмалик совершил поход против «тюрок». |
| 111/729—730 | — «тюрки» совершили поход в Азербайджан. |
| 112/730—731 | — Саид ибн Амр разгромил в Закавказье три «тюркских» отряда. |
| 112/730—731 | — Маслама ибн Абдаллах, следуя за «тюрками», прошел ал-Баб. |
| 113/731—732 | — успешный поход арабов в страну хазар. |
| 114/732—733 | — Маслама «запер ал-Баб после того, как нанес поражение хакану». |
| 117/735 | — Марван послал отряды против хазар и против туманшаха. |
| 120/737—738 | — поход Исхака ибн Муслима ал-Укайли против туманшаха, поход Марвана в «землю тюрок». |
| 121/738—739 | — поход Марвана на Сарир. |
| 126/743—744 | — отправка Исхака ибн Муслима ал-Укайли против жителей ал-Баба ⁵³ . |

Если ат-Табари, как уже отмечалось, точен в датировках событий, то ал-Куфи и Балами как бы «разворачивают» события, о которых ат-Табари сообщает в конспективной форме, или же дает такой материал, какой, видимо, оставался до ат-Табари недоступным.

В обработке ат-Табари знаменитый поход наместника Арминий и Азербайджана Джарраха приобрел такую форму:

«Год 104/722—723. В этом году ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками, эмир Арминий и Азербайджана, совершил поход в зем-

лю тюрок, захватил Баланджар, разбил тюрок, утопил их и все их потомство в воде. Мусульмане захватили столько пленных, сколько хотели. Ал-Джаррах захватил крепость (хисн), прилегающую к Баланджару и изгнал всех жителей.

Год 105/723—724. Рассказ о событиях этого года. Среди событий этого года — поход ал-Джарраха ибн Абдаллаха ал-Хаками на ал-Лан. Он дошел до городов и крепостей, [расположенных] позади (мин вара) Баланджара. Он захватил часть [их], изгнал часть населения его и захватил большую добычу...

Год 112/730—731. В этом году тюрки прошли через ал-Лан и встретил их ал-Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками с воинами из Сприи и Азербайджана, и [не успело полностью] собраться у него войско. И погибли смертью храбрых мучеников ал-Джаррах и те, кто был с ним в мардж Ардабила («поле Ардабиля»)»⁵⁴.

Ахмад ибн ал-Асам ал-Куфи описывает поход Джарраха более обстоятельно: узнав о выступлении Джарраха, хазары оставили город ал-Баб и «укрепились в своей стране». Малик Лакза⁵⁵ известил хазар о сроке выступления арабов. Арабы захватили Баб ал-абваб, послали карательный отряд в землю Хайдак (в тексте:

Хадак). Преодолев сопротивление местного населения, арабы захватили Хасин, Баруфа (Таргу) и Баланджар, затем направились в Азербайджан⁵⁶. Но самое обстоятельное описание принадлежит Балами, топонимическая номенклатура порой там уникальна, неизвестна ни одному другому источнику, выступления горцев против завоевателей или арабской власти показаны более полно. Вот отрывок Балами о жестоких карательных экспедициях арабов: с наступлением утра Джаррах «...позвал одного из своих приближенных, дал в его распоряжение три тысячи воинов и сказал ему: иди в сторону земли (замин) Хида^а, разорь [там] все, что встретишь, убивай каждого, кто вздумает оказать сопротивление вам и вернись ко мне до восхода солнца. Потом он позвал другого человека, дал в его распоряжение две тысячи воинов и сказал ему: иди в землю Парси и в Дарвак и также вой и разорь».

Сам Джаррах с остальной частью армии отправился в сторону земли (замин) Нахраван, в шести фарсах от Баб ал-абваба. К утру [оба отряда] вернулись с десятью тысячами крупного рогатого скота и овец и тремя тысячами невольников».

Далее идет обстоятельный рассказ о сражениях с хазарами, о победе Джарраха над ними, взятии городов Хусайн, Б. р'у (Таргу), Баланджара после ожесточенных боев. Завершается текст сообщением о вторжении хазар в Азербайджан, поражении и гибели Джарраха⁵⁷.

Ал-Балазури также пишет о походе Джарраха, его известия чрезвычайно важны для нас потому, что раскрывают участие многих народов Дагестана в антиарабской борьбе. У него мы встречаем известия о мальке Лакза, предупредившем хазар о возможном наступлении арабов, о рейде Джарраха в земли Гумика. Кстати, вместе Хасина он называет Хамзин⁵⁸.

Выше мы уже приводили сведения арабских авторов о многочисленных походах арабского полководца Масламы в Дагестан в первой трети VIII в. Халифа ибн Хаййат добавляет к этому ценное известие о том, что в 107/725—726 г. при наместничестве Мас-

ламы, ал-Харис ибн Амр ат-Таи совершил поход на рустак Хашдан (Хайдак?) и страну ал-К.р. (Лакз?)⁵⁹ Именно Маслама, захватив после многодневной осады Баб ал-абваб, предпринял меры, рассчитанные на укрепление города как важного опорного пункта для дальнейшего вторжения в земли Дагестана и Северного Кавказа. Баб ал-абваб превращался в город с арабским населением, которое должно было составлять социальную опору халифата на Восточном Кавказе. «...Маслама приказал разделить город на четыре четверти (квартала): четверть для жителей Палестины, четверть — для остальных жителей Сирии и Джазиры». Далее он назначил Карра (?) ибн Сувайда «правителем Баб ал-абваба и приказал ему превратить башни города в амбары для пшеницы, ячменя, оружия...»⁶⁰

В «Дербенд-наме» сохранились яркие страницы, повествующие о сражениях горцев с арабами, о расправах над местным населением во время походов Масламы (в тексте: Абу Муслима) в горные районы Дагестана. После того, как Маслама восстановил Баб ал-абваб «...и укрепил его, он отправился в вилайат Кумук, сражался с его жителями, нанес им поражение, убил его правителя (кабир)... Затем он вернулся в вилайат Хайдак, сражался с его жителями, убил их хакима, обложил хараджем тех, кто принял ислам, убил тех, кто не принял ислам и разделил их имущество среди участников сражения, назначил хакима над ними из своей родни. Затем он отправился в вилайат Табасаран, сразился с ними ожесточенно, нанес им поражение и убил их правителя (кабир), посадил тех, кто принял ислам, взял имущество тех, кто не принял ислама, и убил их, разделил имущество среди воинов»⁶¹.

Многочисленные данные арабских и местных хроник о военно-политической обстановке на Восточном Кавказе, о роли местного населения в арабо-хазаро-византийских взаимоотношениях, о взаимоотношениях местного и пришлого населения, о борьбе против арабской агрессии — все это дает возможность шире, чем обычно, понять значение термина «арабо-хазарские войны». Д. М. Данлоп, М. И. Артамонов и ряд других исследователей понимают этот термин как борьбу хазар и арабов за господство на Восточном Кавказе. Роль и значение дагестанских народов совершенно не принимаются ими во внимание. Поэтому вся история Восточного Кавказа прослеживается сквозь призму интересов Арабского халифата и Хазарского каганата или столкновения интересов этих двух крупных государств. Совершенно не учтена роль Дагестана в ограждении Закавказья от воли хазарских вторжений и роль борьбы дагестанских народов в ограждении районов Нижнего Поволжья от арабских нашествий. Д. М. Данлоп и М. И. Артамонов вполне справедливо отметили решающую роль хазар, остано-

вивших арабов на пути к Волге и Дону. В. Ф. Минорский отметил решающую роль арабов, разгромивших хазар и отвлекших тем самым их внимание от славян. М. И. Артамонов особо подчеркнул роль каганата в жизни Древнерусского государства. Решение этих очень важных вопросов отвлекало исследователей истории хазар или арабов, истории их взаимоотношений от того неоспоримого факта, что крупнейшие события VII—VIII вв. происходили на территории Восточного Кавказа (в том числе и Дагестана), народы которого приняли в них самое активное участие. Рассмотренные выше источники арабского или же кавказского происхождения предоставляют в распоряжение исследователя материал, рассказывающий о немаловажной и активной роли народов Восточного Кавказа в событиях международного значения.

Наиболее полно и четко борьба дагестанских народов против арабских войск прослеживается во время походов арабского полководца, впоследствии халифа Марвана (744—750) во внутренние районы Дагестана.

Халифа ибн Хаййат пишет: «Год 114/732. В этом году [халиф] Хишам ибн Абдалмалик отстранил Масламу ибн Абдалмалика от [правления] Арминией, Азербайджаном и Джазирой и назначил туда Марвана ибн Мухаммада ибн Марвана»⁶².

Как уже отмечалось, ат-Табари писал, хотя и в конспективной форме о многочисленных походах в горные районы Дагестана. Походы эти, датированные 117/735 г. — на Туман, 120/737—738 г. — на завоевание «крепостей туманшаха и разрушение его земли», 121/738—739 г. — на Сарир. Эти сообщения кратки, но они «распределены» по годам, в то время, как у ал-Куфи эти сведения представлены обширно, с большими подробностями, хотя нет датировок и многочисленные отдельные выступления изложены как одновременный акт. Именно ал-Куфи рассказывает об ожесточенных боях, которые пришлось вести арабам, чтобы захватить горные районы Дагестана.

Однако есть одно событие, которое ал-Куфи вообще не упоминает, это событие 117/735 г., о котором ат-Табари упоминает лишь вскользь. Зато Халифа ибн Хаййат пишет более подробно: «Год сто семнадцатый. В этом году Марван, наместник Арминии и Азербайджана, послал в горы Кабка два отряда. Один из этих отрядов захватил три крепости ал-Лана, а другой — попал на туманшаха, который оказался под властью Марвана ибн Мухаммада. Последний послал его к [халифу] Хишаму ибн Абдалмалику, который вернул его к Марвану, а тот вернул [туманшаха обратно] в его владения (мамлака)».

Последующие же события наиболее полно освещены в сочинении Ахмада ибн Асама ал-Куфи.

Как сообщает ал-Куфи, Марван, выступив во главе 120-тысячного войска из Сирии, захватил земли Азербайджана и Арминий, приказал войскам, находившимся в Баб ал-абвабе «начать вторжение в страну хазар с целью достижения города Самандара». Сам же Марван вторгся в Баб ал-Лан, «где убивал, брал в плен

и сжигал», и направился на Самандар, захватил его, затем город ал-Байда, где находился хазарский хакап, который «принял ислам и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников».

После этого Марван возвращается в Баб аб-абваб вместе с «40 или более тысяч пленных безбожников». Весной следующего года он вторгся в «земли Сарира», где крепость ал-Блал, которая сопротивлялась целый месяц. Наконец 8-тысячному отборному отряду удалось ворваться в крепость. Все защитники крепости были убиты, «затем он распределил их жен, детей и имущество между своими воинами и приказал разрушить стены крепости и сравнять их с землей».

Защитники крепости 'Амик (Кумух -?)⁶³ также «упорно сражались с ним, но Марван одержал над ними победу и перебил их воинов. Он пленил их жен и детей и разрушил их крепость». Преследуя малика Сарира, Марван достиг крепости Дж.р.х. (Хай-радж—Хунзах)⁶⁵ «осадил её, но несколько дней никак не мог овладеть ею ни прямо, ни хитростью». Только через год крепость была взята хитростью, и правитель Сарира запросил мира. Крепость Туман также запросила мира. Защитники крепости Хамзин «вступили с ним в сражение. Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и мусульманы потеряли много убитыми». Затем и эта крепость была захвачена, а защитники все были убиты. Хамзиншах бежал, укренился в другой крепости, и только после того, как арабские «конники разрушили 300 их селений», он вынужден был заключить мир. «После этого Марван ибн Мухаммад стал покорять одну крепость за другой, пока не покорил все крепости стран ас-Сарир, Хамзин, Туман, Снidan, а также и те, до которых добрался»⁶⁶. Затем он вернулся в Баб-ал-абваб.

Весной следующего года Марван пригласил к себе правителей (малик) Ширвана, Лайзана, Филана, Табасарана и других владений, только царь лакзов отказался прибыть к нему, но также был вынужден бежать из крепости⁶⁷.

Походы Марвана получили обстоятельное освещение и в сочинении Халифы ибн Хаййата: «Год сто двадцать первый (поход Марвана ибн Мухаммада из Арминий). В этом году выступил Марван ибн Мухаммад из Арминий, а Марван был её наместником (вали). Он прибыл в крепость Сарира (кал'а байт ас-Сарир), убивал и пленял /там/. Затем он прибыл во вторую крепость, убивал и пленял. Затем он вошел в Гумаск, крепость, в которой резиденция правителя (байт ал-малик), где жил и малик Сарира. Потом правитель бежал /оттуда/ и вошел в укрепление (хиси) Хап.зад.ж, где /находится/ золотой престол. Марван осаждал эту крепость «и зиму и лето» и /правитель Сарира/ заключил с ним мир... После этого Марван вступил в землю Туман, правитель (ма-

лик) которой заключил с ним мир, в землю Зарубукран⁶⁸, правитель которого заключил мир. Затем Марван вступил в Хумрин, правитель которого отказался заключить мир, потому он сражался месяц /завоевая/ крепость за крепостью. Он разрушил страну Хамрин, /только после этого/ Хамрин попросил мира, и /Марван/ заключил мир. Затем Марван вступил в земли М.с.дар, насильно добился мира, спустился /в/ Кирап, и заключили с ним мирный договор Табаристан /Табасаран/ и Филан»⁶⁹.

Все приведенные выше данные из истории третьего этапа рисуют напряженную военно-политическую обстановку на Кавказе, когда столкновения носят систематический характер, когда 20—30 годы VIII в. выделяются как время наибольшей военной активности, время ожесточенных арабо-хазарских схваток и не менее ожесточенных схваток дагестанских народов за сохранение своей политической независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The History of Khalifat ibn Khajjat, vol. 1—2. Ed. by Akram Diya al-Umar. Bagdad, 1386/1967.

² Lieber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmad ibn Djabir al-Befad sori... ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866.

³ Kitab al-Boldan auctore Ahmed ibn abi Jacob ibn Wadhif al-Katib al-Jacubi, ed. M. J. de Goeje. Ed. 2. Lugduni Batavorum, 1892 (BGA, VIII); Ibn Wahdid que dicitur al-Jacubi. Historiae. Lugduni Batavorum, 1887.

⁴ Annales quos scripsit Abu Djarir Mohammed ibn Djarir al-Tabari cum aliis ed. M. J. De Goeje, ser. I—III. Lugduni Batavorum, 1879—1890 (арабск. яз.). Новое критическое издание: Tarikh at-Tabari, Edition critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim, v. I—X. Caire, 1960—1970 (арабск. яз.). В этом издании, по сравнению с предыдущим, никаких серьезных изменений или дополнений по части событий из Восточном Кавказе не имеется.

⁵ *Китаб ал фатух ли-Аби Мухаммад/б. Асам ал-Куфи*, дж. I—VIII. Хайдар-абад, 1968—1975 (араб. яз.).

⁶ Chronique de Abou—Djarir Mohammad ben Djarir ben Jazid Tabari, trad. sur la version persane d'Abou—Ali Mohammad Belami... par M. Zotenberg. Paris, 1867—1874, t. I—IV.

⁷ Ibn el-Athiri Chronicon quod perfektissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg. Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876, vol. I—XIV (араб. яз.).

⁸ *Баладзори*. Книга завоевания стран: Текст (араб.) и перевод. /Пер. П. К. Жузе.— В кн.: Материалы по истории Азербайджана. Баку, 1927, вып. 3, *Пакуби*. История: Текст и перевод. /Пер. П. К. Жузе.— Там же, вып. 1, *Ибн ал-Асир*. Тарих ал-Камиль /Пер. с арабск. П. К. Жузе. Баку, 1940. Еще в 1844 г. был издаи ныне совершенно устаревший перевод Балами, осуществленный с немецкого на русский. (См.: Дорн Б. Известия о хазарах восточного

историка Табарн /Пер. П. Тяжолова — Журнал Министерства народного просвещения, 1844, ч. X, III, № 7—8).

⁹ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асем ал-Куфи*. Книга завоеваний /Пер. с арабск. Буниятов З. М. Баку, 1981.

¹⁰ *Крачковский И. Ю.* О подготовке свода арабских источников для истории Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии.— Записки Института востоковедения АН СССР. М.; Л., 1932, т. I.

¹¹ Корпус древнейших источников по истории народов СССР: Материалы конференции археографов-медиевистов РСФСР. 11—12 апреля 1972 г. М., 1973.

¹² *The History of Khalifat ibn Khajjat*, vol. 1—2. Ed. by Akram Dija al-Umari. Bagdad, 1386/1967.

¹³ *The History of Khalifat ibn Khajjat*, с. 5.

¹⁴ *Синенкова Т. М.* «История» Халифы ибн Хайата как источник по истории арабских завоеваний на Кавказе и в Закавказье.— В кн.: Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1980, вып. 5.

¹⁵ *The History of Khalifat ibn Khajjat*, с. 21—22.

¹⁶ Там же, с. 26—45.

¹⁷ *Brockelmann C.* Geschichte der Arabischen Litteratur. Bd I. Weimar, 1898. S. 142—143; Supplementband, I. Leiden, 1937, S. 217—218; *Paret R.* Al-Tabari — Encyclopédie de l'Islam, I—IV, pp. 607—608; *Sezgin F.* Geschichte der arab. Schrifttums, I, S. 323—328; Ахмад Мухаммад ал-Хуфи. Ат-Табари. Каир, 1963 (араб. яз.). *Бельма В. И.* Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX—XIII вв.— В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, М., Л., 1939, т. I, с. 21—23.

¹⁸ *Annales quos scripsit Abu Djarfar Mohamamad ibn Djarir at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje, ser. I—III.* Lugduni—Batavorum, 1879—1890; *Tarikh at-Tabari par Abu Jafar ibn Jarir at-Tabari.* Edition critique par Маhammad Abul Fadl Ibrahim, v. I—X. Caire, Здесь же (т. I, с. 5—22) — обстоятельные сведения об ат-Табари, его сочинениях, списках «Истории посланников и царей».

¹⁹ *Sarton G.* Introduction to the History of Science, I.—From Homer to Omar Khajjam. Baltimore, 1927, p. 642.

²⁰ *Wellhausen J.* Der arabische Reich und seine Sturz. Berlin, 1902, S. III—VIII; *Медников И. А.* Об одном из источников ат-Табари.— В кн.: Ал-Музаффарий: Сборник статей учеников профессора В. В. Розена. СПб, 1897.

²¹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Сочинения. М., 1963, т. I, с. 47.

²² *Шихсаидов А. Р.* Книга ат-Табари «История посланников и царей» о народах Северного Кавказа. — В кн.: Памятники истории и литературы Востока. М., 1986.

²³ *Буниятов З. З.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 15.

²⁴ *Китаб ал-футух ли-Абн Мухаммад ибн Асама ал-Куфи*, ч. I—VIII.

²⁵ *Derbend-Nameh.* Translated from a select turkish version and published with the texte and with notes by M. A. Kazem-Beg. SPb., 1851 (раздел: «Extrait from the translation of Ibn-i Aasem, from a part containing the event of the 27 and 28 jars the Hidjret).

²⁶ *Dorn B.* Beiträge zur Geschichte der Schirwanschache.— IV. Tabary's Nachrichten über die Chazaren, nebst Auszügen aus Hafiz Abru, Ibn Aasem-El Kufy, u. a. — «Mémoires de l'Acad. imp. des sciences de St.-Petersbourg», VI sér., scienc.

ces politiques, histoire, philologie, t. VI, 1844, с. 490—494 (нем. пер.), 596—599 (перс. текст).

27 «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», XXIV, 3. Leipzig, 1939, S. 296—298, 303—304.

28 Kurat A. N. Abu Muhammad Ahmad b. A'sam al-Kufi'nin Kitab al-Futuhu. Ancara. Unuversitesi Dil ve Tarih-Cografija Fakültesi Dergesi, VII. 1949, с. 255—282.

29 Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 27.

30 Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 21.

31 См. прим. 5.

32 Абу Мухаммад Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний.

33 Стори Ч. А. Персидская литература. М., 1972, ч. I, с. 614.

34 Дата завершения труда Балами не указана. (См.: Грязневич П. А., Болдырев А. Н. О двух редакциях «Тарих-и Табарӣ» Балами.— Советское востоковедение, 1957, № 3, с. 55).

35 Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний, с. 4.

36 Бунятов Зия. Азербайджан в VI—IX вв. Баку, 1965, с. 15; Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат. Ереван, 1977.

37 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I; Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1961; История Дагестана. М., 1967, т. I; имеется ценная брошюра — Магомедов Р. М. Завоевание Дагестана арабами в VII—IX веках. Махачкала, 1940.

38 Annales quos scriptit Abu Djafar at-Tabari, I, 2663.

39 Там же, с. 2673, 2804.

40 Там же, с. 2807—8, 2856.

41 Об антивизантийском характере этого похода см.: Тер-Гевондян А. Н. Армения и Арабский халифат, с. 26—27.

42 Ахмад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний, с. 10—11.

43 Там же.

44 Lieber expugnationis regionum auctore Imamo Ahmad... al-Baladsori. с. 203—204; Баладзори. Книга завоеваний стран, с. 13—14.

45 Annales quos scriptit Abu Djafar at-Tabari, I, 2871, 2889.

46 Там же, 2889, 2667.

47 Артамонов М. И. История хазар, с. 180.

48 Annales quos scriptit Abu Djafar at-Tabari, ser. II, 1200, 1217. М. Данлон (со ссылкой на Caetani, Chronographie, 1088) писал: «имеется известие о захвате ал-Баба в 90 г. хиджры, в котором Мухаммад ибн Марван имел успех. Маслама, говорят, вступил в Азербайджан и дошел до Баба». (Dunlop D. M. The History of the Jewish Khazars. New-York, 1967, p. 60).

49 Ibn el-Athiri Chronicon, V, 439.

50 Ахмад ибн Асам ал-Куфи. Книга завоеваний, с. 14—15.

51 Каганкатвацц Моисей. История агван /Пер. с армянского К. Патканова, СПб, 1861, с. 149—150, 185—186; История халифов вардапета Гевонда. /Пер. с арм. К. Патканова. СПб, 1862, с. 10.

52 Заходер Б. Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М., 1944, с. 32.

53 Annales quos scriptit Abu Djafar at-Tabari, ser. II, 1437, 1458, 1462, 1472, 1474, 1506, 1531, 1537, 1560, 1562, 1573, 1635, 1667, 187).

54 Там же, 1454—1455, 1530.

- 55 Так в переводе. В арабском тексте стоит: малик ал-К.р.
- 56 *Ахмад ибн Асам ал-Куфи*. Книга завоеваний, с. 16—25. Халифа ибн Хаййат описывает кратко походы 104/722—723 и 105/723—724 гг. (Тарих Халифа ибн Хаййат, I, 329—342; II, 349.
- 57 Dorn V. Beiträge zur Geschichte der Schirwanschache, IV, S. 512—514.
- 58 Lieber expugnacionis regionum, auctore Imamo Ahmad ibn Djabir al-Belad sosi, с. 206; *Баладзори*. Книга завоеваний стран. с. 16.
- 59 Тарих Халиф ибн Хаййат, т. 2, с. 350.
- 60 *Китаб ал-футух ли-Абн Мухаммад ибн Асам ал-Куфи*, VIII, с. 69.
- 61 *Саидов М. С., Шихсаидов А. Р.* «Дербенд-наме». — В кн.: Восточные источники о Дагестане. Махачкала, 1980, с. 36—37.
- 62 Тарих Халифа ибн Хаййат, т. 2, с. 359.
- 63 Балами: Ами.
- 64 Балами: Мяхтар Сермеза, а по списку В: С.р.м.р.
- 65 Балами: Х.мран; С—Х.рин; Д-Хамзин.
- 66 Балами: «Марван пришел в ярость и /приказал/ убить всех, кто в крепости. Затем он брал крепости одну за другой, и вскоре вся страна Хмран была завоевана». Список С добавляет: «С.р.м.з., Туман, Сидан и окрестные земли — все было захвачено» (Dorn V. Beiträge zur Geschichte der Schirwanschache, IV. Tabary's Nachrichten über die Chazaren, с. 541—543). У М. Зотенберга (Chronique de Abu Djafar Mohammad ...Tabari, IV, 292) Хамзин, Серир, Туман, Сандан и окрестные земли.
- 67 *Ахмад ибн Асам ал-Куфи*. Книга завоеваний, с. 48—60.
- 68 Тарих Халифа ибн Хаййат, т. II, с. 367. У ал-Балазури (с. 207) Зиркиран.
- 69 Тарих Халифа ибн Хаййат, ч. 2, с. 367.



Т. М. АЙТБЕРОВ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОСТОЧНОГО ДАГЕСТАНА В VII—XIII вв.

(к хронологии и географии борьбы с мусульманами)

С послеордынского времени и до начала XIX в. в центральной части Восточного Дагестана (понижение к морю дагестанского нагорья, лежащего между речками Дарвагчай и Джанга-Кулачай) существовало, как известно, одно крупное государство — уцмийство Кайтагское. Факт этот дает основания для изучения истории названной части Дагестана как территориального целого и в те далекие времена, когда между Дарвагчаем и Джанга-Кулачаем имелось несколько независимых друг от друга государств.

Бытующие ныне представления об истории центральной части Восточного Дагестана в VII—XIII вв. нуждаются (в связи с обнаружением новых источников) в некоторых, часто существенных коррективах. С другой стороны — в связи с различной, причем иногда просто безосновательной и тенденциозной, трактовкой отдельных вопросов возникла необходимость показать не специалистам: какое же решение является верным. Это и есть причины написания данной статьи.

Государства, которые рассматриваются в этой работе, расположены в ней согласно алфавиту.

Гамри

В трудах арабских и персидских авторов IX—X вв. неоднократно упоминается Хамриин//Хамзини, который одни современные исследователи ошибочно отождествляют с Кайтагом, а другие — с крепостью Хумара в Карачаево-Черкесии¹. В. Ф. Минорский установил, что Хамриин//Хамзини представляет собой всего лишь искаженное написание топонима Хамри (по-даргински *ХIвямри*, *ХIямри*)², фиксируемого в восточных арабографических источниках еще и в формах Хумрин, Хумран. В XVIII—XIX вв. Хамри, иногда Гамри (от кумыкского *Гьамри*), называли населенные даргинцами и кумыками земли, занимавшие ту часть бассейнов речек Гамриозень и Инчхаозень, которая расположена на территории нынешних Каякентского и Сергокалинского районов ДАССР³.

Гамри как особое политическое образование, занимавшее бассейн Гамриозеня и земли, лежащие к северу, фиксируется источниками только для VIII в., хотя мы не исключаем его существования в VII в. В то время «страна» (*билад*) Гамри состояла из значительного числа (якобы более чем из 300) селений (*карийа*)⁴ и

одного «города» (*мадина, шахр*) Таргу, (в рукописях, Йазгу, Йаргва, Бар'у, Баргва, Бар'уфа, Бар'уза), именуемого в источниках также «крепость (*кала*) [страны] Хамри»⁵. Правда Таргу обозначен у Ибн Хаййата (ум. в 240/854—55 г.) арабским термином *рустак*⁶ (> ср. перс. *ростак*, первоначальное значение «русло реки»), переводимым обычно «волость», но разыскания В. Г. Котовича и его коллег не оставляют сомнений в том, что Таргу был именно «город»⁷, как говорят Ибн Асам ал-Куфи (ум. в 926 г.), Балами (ум. в 974 г.) и армянский автор VIII в. Гевонд⁸.

Судя по тому, что арабы обложили гамринцев данью в 30 тысяч муддов зерна⁹, можно, опираясь «на запись в хронике» Самуила Анийского (XII в.)¹⁰ предположить наличие у них не менее 10-и тысяч дворов или 40—50 тыс. душ населения. Это, в свою очередь, после соотнесения с количеством населенных пунктов в Гамри VIII в., позволяет думать, что селения там состояли в среднем из двух-трех десятков дворов. Занятием населения было земледелие¹¹.

Обращаясь к вопросу языковой принадлежности гамринцев, нужно прежде всего отметить, что араб Ибн Хаййат пишет о бегстве одного из армянских князей в 736 г. «в [страну] хазар» и убийстве его гамринцами (с. 348). С другой стороны — армянин Гевонд (с. 28) характеризует местоположение гамринского «города» Таргу на 713/14 г. как «страну гуннов», а сам Таргу называет гуннским городом, что, кстати, находит подтверждение в тексте Ибн Асама ал-Куфи (ч. II, с. 113; ч. III, с. 32), где Таргу именуется под 32/652—53 г. и 104/722—23 г. одним «из городов хазар». Все это наводит на (находящую подтверждение в археологическом материале)¹² мысль, что население Гамри говорило на одном из тех языков, которые были в ходу среди обитателей степей, лежащих к северу от Дагестана. Языки же эти могли принадлежать к числу тунгусских, тюркских, угорских или каких-либо иных.

Ибн Хаййат упоминает «владельца» (*малик*) Хамри (с. 352), а Ибн Асам ал-Куфи (ч. VIII, с. 79) называет его шахом; именно с ним заключили мир арабы в 121/738—39 г. и именно на него возложили организацию поставок гамринской дани в Дербент¹³. Следовательно, Гамри VIII в. было княжеством¹⁴.

В позднесредневековом Дагестане встречалась такая форма организации политической власти: князь имеет лишь небольшую дружину и сидит в крупном населенном пункте — «городе», жители которого (будучи крестьянами-труженниками) не несут отработочных и натуральных повинностей, ибо являются «войском» этого князя, кормящегося за счет обитателей окружающих более или менее мелких селений, которым он должен обеспечить порядок и безопасность; типичный пример — Авария. В данной связи обращает на себя внимание то, что Гамринское княжество состояло из одного «города»¹⁵ и значительного количества небольших селений. На основании этого мы допускаем, что политическая струк-

тура в Гамринском княжестве VIII в. была близкой к упомянутой выше: князь Гамри, сидевший в «городе» Таргу был наследственным предводителем таргунцев, опираясь на которых, он управлял массой селений и получал повинности с их обитателей. Упомянутое выше отнесение источниками гамринского «города» Таргу к числу городов гуннских и хазарских позволяет при этом считать, что князья Гамри VIII в. находились под сюзеренитетом каганов Хазарии.

Коснемся теперь политической истории. Самое раннее событие, имеющее отношение к истории Гамри — это поход арабов во главе с Салманом ибн Рабиа ал-Бахили на хазар в 32/652—53 г. По словам Ибн Асама ал-Куфи (ч. II, с. 113), Салман, пройдя Дербент, достиг одного из городов хазар, который называется Таргу (*Иаргва*). Население Таргу, как можно понять из поврежденного текста письменного источника, при подходе арабов покинуло свой город, а те, не задерживаясь, двинулись к Баланджару.

В 713/14 г. другой арабский полководец Маслама ибн Абд ал-Малик, воюя с хазарами, проник, по словам Гевонда (с. 28), в «страну гуннов, и расположился лагерем при гуннском городе Таргу». Взять последний Маслама, однако, не сумел.

В 104/722—23 г. Джаррах ибн Абдаллах ал-Хаками, по словам ал-Балазури, умершего в 892 г. (с. 16), Ибн Хайята (с. 329) и Ибн Асама ал-Куфи (ч. VIII, с. 31, 32), после победоносного сражения с сыном хазарского кагана у Дарвагчая подошел — перед взятием Баланджара — к стране (*билад*) Хамри и сразился с её народом (*ахл*): первоначально Джаррах осадил и взял по мирному договору населенный пункт Хасин¹⁶ (в переводе с арабского «Крепкий», но не исключено, что эта форма — плод «творчества» одного из переписчиков), население которого он, получив предварительно контрибуцию, переселил в Закавказье, в «Хайзан»¹⁷; затем Джаррах подошел «к одному из городов хазар, который называют» Таргу, после шестидневной осады принудил его жителей просить мира, вслед за чем переселил их также в Закавказье, но уже в Каблинскую волость.

В 118/736 г. в ходе военных действий, которые вел в Армении Марван ибн Мухаммад, один из армянских вождей по имени Вартанес бежал, как пишет Ибн Хайят (с. 348), «в [страну] хазар», но «жители (*ахл*) Хумри убили Вартаниса и послали его голову Марвану».

В 121/738—39 г. Марван, который пришел к мысли, что сила Дагестана в его труднодоступных и густонаселенных горах, вступил в Гамринское княжество, предварительно подчинив бассейн трех Койсу, сверху — с гор. Он, как указывают Ибн Хайят (с. 352), ал-Балазури (с. 18), Иакуби (ум. в 897 г.)¹⁸, Ибн Асам ал-Куфи (ч. VIII, с. 78, 79), Балами (с. 544—545), — вначале осадил «крепость [страны] Хамри», то есть Таргу, где засел гамринский шах, и после месячной осады взял её «силой», в результате чего мусульмане захватили «имущество, женщин и детей»; шаху, правда, удалось в последний момент бежать, он добрался «до другой кре-

пости, где и закрепился». Разозленный сильным сопротивлением, особенно тем, что в бою у стен «крепости [страны] Хамри» было убито много мусульман, Марван из-за незначительного инцидента перебил «всех мужей той крепости». Разгромив затем «более трехсот» гамринских «селений», Марван окружил крепость, в которой укрылся вышеупомянутый шах. Последний запросил мира и получил его на условии, как мне кажется, однократного предоставления «пятисот голов плена» и ежегодной поставки 30 тыс. муддов зерна в хранилища Дербента¹⁹.

В 60-е годы VIII в. хазары, как известно, усилились, причем настолько, что стали совершать походы в Закавказье, даже через Дербентский проход. Можно допустить, что именно тогда из-под власти халифата вышло и Гамри, которое прежде — до 121/738—39 г., находилось в составе Хазарии. Естественно, что этот выход должен был повлечь за собой (при удобном случае) нападения мусульман с целью восстановить status quo. В 791 г. такое нападение предпринял, по словам Якуби (с. 10) и Ибн Асама ал-Куфи (ч. VIII, с. 254), наместник Арминий и Азербайджана Фадл ибн Иахья ал-Бармаки. Он, пройдя Дербент, подошел к «крепости [страны] Хамри», то есть к Таргу, но был отброшен, после чего возвратился в Закавказье. На этом сведения о Гамри кончаются.

Кайтаг

Здесь речь пойдет о землях, которые обозначались термином Кайтаг в арабских и персидских текстах домонгольского времени.

Самое раннее упоминание Кайтага мы имеем в трудах Ибн Асама ал-Куфи (*Хайдак*)²⁰ и Балами (*Хайда*, *Джанда*, *Джандав*; все они безболезненно сводятся к форме *Хайдак*)²¹. Относится оно к 104/722—23 г.

Имеющиеся письменные источники позволяют примерно обрисовать границы изучаемого здесь политического образования в VIII в.

Прежде, однако, чем браться за это, обратим внимание на то, что, согласно сведениям А. И. Лопухина, в начале в XVIII в. южной границей уцмийства Кайтагского была речка Дарвагчай²², долина которой является частью естественно-географической границы между Центральным и Южным Дагестаном: северная сторона этой долины служит южным пределом традиционного расселения кайтагцев, а по самому верху южной стороны долины проходит Длинная дербентская стена. С учетом этого факта укажем на следующее: по сообщению Ибн Асама ал-Куфи (ч. VIII, с. 31) и Балами (с. 551—513), в 104/722—23 г., Джаррах, выступивший из Дербента и направивший перед этим отряд на разграбление Кайтага, назначил встречу с ним у речки Дарваг (у ал-Куфи: *ал-Ран*, у Балами: *Нахраван*); по словам ал-Масуди (ум. в 956 г.), в его время «на границе» с Кайтагом, примерно в 3-х милях (около 6 км) от Дербента обитали, политически связанные с последним, «мусульмане арабы», которые были «защищены от» кайтагцев «зарослями и реками»²³. Все это в свою очередь позволяет думать, что в VIII в., подобно тому, как это имело место и позднее, южной границей Кайтага была речка Дарвагчай.

Северной границей Кайтага VIII в. являлась — вопреки предположению В. Ф. Минорского, что кайтагцы уже в VIII в. заняли Башлы, расположенное на р. Артозень²⁴ — южная сторона бассейна Артозени и такое положение сохранялось до XIII в.; подробные обоснования этому будут приведены ниже.

Упоминаемый в восточных источниках IX—X вв. при описании событий VIII в. топоним Зирихгеран, вопреки устоявшемуся в науке мнению, локализуется автором этих строк не в районе с. Кубачи, а западнее последнего (на это обратил внимание еще В. В. Бартольд)²⁵ — в Аштынском микрорегионе, то есть в верховьях р. Уллучай. Этот западный или аштынский Зирихгеран никогда в своей истории не был политически связан с Кайтагом. Поэтому мы можем предположить, что западная граница Кайтага VIII в. проходила — если брать Уллучай — чуть выше кайтагского с. Ицари, обитатели которого в языковом отношении сильно отличаются от своих верхних соседей-аштынцев; Ицари (точнее Ицаринский округ — «магал» с центром в с. Ицари) считалось, между прочим, и в XVIII—начале XIX вв. крайним западным пределом земель, подвластных кайтагским правителям — уцмиям (Записка, с. 219, 220).

Таким образом, получается, что Кайтаг в VIII в. в территориальном отношении соответствовал примерно бассейну Уллучай, о котором известно, кстати, что именно там издавна расселены носители кайтагского диалекта даргинского языка.

В географическом сочинении ал-Истахри (ок. 951 г.), которое по сути дела представляет собой дополненную редакцию труда Ахмада ибн Сахля ал-Балхи (ум. в 934 г.), Кайтаг (*Хандах*) назван — относительно, видимо, IX в. — в качестве одной из административно-территориальных единиц арабской провинции Арминийа²⁶. В состав её он вошел, по всей вероятности, не ранее 104/722—23 г. (поход Джарраха), но и не позднее 121/738—39 г., когда Марван завоевал весь Дагестан и включил его княжества в состав Арминийи.

По преданиям, в той горной части ареала распространения кайтагской речи, которая традиционно именуется Ирчамул²⁷ в давние времена существовали «города»²⁸. Следы этих «городов» и приписываемые их обитателям близлежащие кладбища позволяют думать, что предания являются не безосновательными, то есть в ирчамульских горах, где в XVIII—XIX вв. были в основном мелкие села, в более раннее время существовали весьма крупные населенные пункты. В данной связи следует обратить внимание на одно, относимое примерно к середине IX в. сообщение восточного автора Ибн Руста. Из него ясно видно, что в названное время Кайтаг (*Хайдак*) считался не страной, а городом (*мадина*) — местом пребывания владетеля (*малик*)²⁹; здесь нельзя не вспомнить слова Я. Рейнегса (XVIII в.), писавшего, что в горах центральной части Восточного Кавказа находятся заброшенные стены «старинного большого города», относительно которых «некоторые ученые люди хотели убедить меня, что эти руины — старинный город Кай-

дек, который построил Чингис-хан, назвавший его Кайдек по имени своего родного города [расположенного] в Туране»³⁰. Учитывая этот факт, нельзя не остановиться на том, что обитатели территории между селениями Баршамай и Джавгат, традиционно именуемой *Хайдак* (в данной работе «Каракайтаг»), согласно «Истории Каракайтага»³¹, были древними переселенцами из «громадного города» Жалаги, который располагался вблизи с. Варсит нынешнего Кайтагского района. Не исключено, как нам кажется, что «город» Хайдак, упоминаемый Ибн Руста как раз и соответствует

«громадному городу» Жалаги; Жалаги могло быть узкорегionalным, горским — даргинским — названием этого «города», а Хайдак — названием общепозвестным³², подобно тому, как столица Аварского ханства местным населением именовалась *Хунзах*, а среди тюрок и пращев была известна как *Авар*.

По Ибн Русте (с. 220), владетель Кайтага имел староиранское имя Адур-Нарсе. Не исключено, что он, как и другие кайтагские правители доисламской эпохи, носил зафиксированный у ал-Истахри (с. 26, 27) опять же староиранский титул хайдакан-шах (в рукописи: хандакан-шах), то есть шах Кайтага.

Ибн Руста дает сведения о Кайтаге в главе «Сарир» (с. 219, 220), но несмотря на это, по мнению В. Ф. Минорского (с. 218), названное политическое образование должно считаться «независимым от Сарира». Однако согласно «Худуд ал-Алам» (с. 192) «город» Хайдак являлся местопребыванием сипах-саларов (букв. «начальников войска») сарирского правителя. Учитывая в этой связи то, что фиксируемое многими восточными источниками и подтверждаемое дагестанской традицией XVIII в. (она донесена до нас текстом «Тарих Дагестан») отождествление Сарира-Аварии с центральной и северной частями нынешнего горного Дагестана³³ относится ко времени ранее 40-х гг. X в., мне кажется целесообразным идти против довольно ясных показаний авторов IX—XII в.

Таким образом, есть достаточно оснований считать, что примерно к середине IX в. Кайтаг вышел из халифатской провинции Армений и оказался в составе христианского Сарира, который, судя по всему, возглавил в IX в. борьбу дагестанцев против мусульман и потому объединил вокруг себя весьма многие земли.

Переходя к X в. нужно упомянуть первую для этого столетия достоверную, точно датированную письменную фиксацию Кайтага: в 326/937—38 г. по приказу эмира Дербента Абд ал-Малика ибн Хашима его «помощник» Абу-л-Фаварис с «отрядом дербендцев и хайдакцев» предпринял нападение на Шандан³⁴. Этот факт не дает, однако, оснований характеризовать кайтагцев первой половины X в. как верных и постоянных союзников мусульман Дербента. Скорее отношения у них были преимущественно враждебными, ибо ал-Масуди (332/943—44 г.) пишет, что Дербент «терпит много ущерба от царства Хайдак», население которого является «вреднейшим из ...соседних народов» (с. 192, 202).

Понятие Кайтаг относительно X в. в источниках отождествляет-

ся уже не с городом (*мадина, шахр*), а с более или менее обширной территорией: это «владение» (*мамлака*) и «местность» (*сук*)³⁵.

Арабский автор ал-Масуди пишет (с. 192), что к 332/943—44 г. «Хайдак ... входил в состав земель хазарских царей». Сообщение это находит определенное подтверждение в тексте письма хазарского царя Носифа (сер. X в.) испанскому саповнику еврею Хасдаю ибн Шафруту, где сказано, что граница Хазарии доходит до Дербента, а затем, углубляясь на запад, — в горы, обнимает ряд трудноопределяемых горских земель³⁶. В числе последних был, кажется, и Сарир (в тексте: С-риди), в состав которого Кайтаг входил в IX в. Можно поэтому предположить, что к началу X в. влияние хазар на Северо-Востоком Кавказе заметно усилилось (известно, например, что в 288/901 г. «хазары со своим царем.. напали на» Дербент, а около 932 г. их царь Аарон разгромил алан), в результате чего Кайтаг вошел в состав Хазарии³⁷. Но судя по тому, что кайтагские правители, в отличие от своих северных соседей-владельцев Семендера, в иудейской Хазарской империи не были принуждены к принятию иудаизма, можно предположить наличие у Кайтага того времени статуса территориально-политической единицы с весьма широкой автономией.

Перемена сюзерена не отразилась на западной, северной и южной границах Кайтага — они остались, как видно, без каких-либо существенных изменений. Кайтаг, таким образом, продолжал в территориальном отношении соответствовать бассейну реки Уллучай.

Кайтагские правители первой половины X в. называли себя выходцами из арабского племени Кахтан³⁸. Но при этом, как указано у ал-Масуди, они носили второстепенный древнетюркский титул салифан (с. 202—203), упоминаемый в китайских источниках применительно к центрально-азиатским тюркам в форме сылифа. Это известие о кайтагских салифанах дало В. Ф. Минорскому основание сделать вряд ли обоснованное предположение, что *салифан*, который во время дербентских смут примерно в 916/17 г. подошел к Дербенту «с хазарским войском» (с целью оказать помощь эмиру Абд ал-Малику ибн Хашиму) являлся правителем Кайтага³⁹.

В «Истории Ширвана и Дербента» имеется целый ряд упоминаний о Кайтаге XI в., когда он после крушения Хазарии был самостоятельным княжеством. Так в ней говорится, что в 432/1040—41 г. «хайдакцы взяли цитадель» Дербента и «захватили» самого эмира Абд ал-Малика ибн Мансура, после чего разрушили срединную стену города (с. 72). У эмира Лашкари ибн Абд ал-Малика, после его убийства людьми брата — Мансура — в 446/1055 г. «родился в Хайдаке» сын Абд ал-Малик «от хайдакской жены эмира» (с. 43). В 456/1063—64 г. большое число кайтагцев прибыло на помощь упомянутому выше Мансуру, бывшему тогда эмиром Дербента и враждовавшему с дербентскими раисами. В результате произошедшего сражения эмир Мансур, опиравшийся в числе прочих и на кайтагцев, сумел добиться успеха и упрочить свое положение.

ние (с. 73). В 1064 г. этот эмир Мансур женился на дочери ранса Али ибн Хасана (с. 75), чья «мать была дочерью Рума, эмира Хайдака»⁴⁰. В 1065 г. дербентским эмиром, с согласия рансов, стал мальчик Абд ал-Малик ибн Лашкари ибн Абд ал-Малик, «который жил» у Пируза, сына Сакбана (рукопись Б: Фируз, сын ас-Сакбана) Кайтагского, возможно, являвшегося его родичем по линии матери — «хайдакской жены» эмира Лашкари (с. 76). В 1066 г., под давлением ширваншаха Фарiburза, дербентский эмир Абд ал-Малик ибн Лашкари был изгнан из города и тогда Пируз, сын Сакнана (так в тексте — Т. А.) «взял его в Хайдак» (с. 58, 77). В 1068 г. произошло сражение между ширваншахом и дербентским эмиром — упомянутым Абд ал-Маликом, которого поддерживали кайтагцы; с их помощью ширваншаху было нанесено поражение. Затем, однако, в том же 1068 г. эмир Абд ал-Малик «снова бежал в Хайдак» (с. 61, 78). В 463/1070—71 г. дербентцы призвали к власти «эмира Абд ал-Малика из Хайдака» (с. 79). В 1075 г. эмир Абд ал-Малик был в очередной раз изгнан из города и по «обыкновению отправился в Хайдак искать подкрепления, чтобы вернуться к власти», но это ему не удалось (с. 79).

Весь этот материал, приводимый в «Истории Ширвана и Дербенда», при рассмотрении его в свете сообщения ал-Масуди (с. 192) о мучениях, претерпеваемых мусульманами Дербента от кайтагцев («Народ ал-Баба терпит много ущерба от царства Хайдак»), заставляет думать, что, как минимум, уже в первой четверти X в. Кайтаг превратился в заметную и притом весьма активную силу на Северо-Восточном Кавказе. Причиной этому было, по-видимому, то, что в условиях мира, обеспеченного мощью Сарира, а затем Хазарин, кайтагцы численно увеличились; кроме того, нельзя здесь не отметить и возможности хотя бы частичного усвоения ими достижений мусульманского Востока и хазарских военно-политических институтов.

Свою мощь и политическую роль на Северо-Восточном Кавказе Кайтаг сохранял по меньшей мере до середины 70-х годов XI в. Это в свою очередь привело, как мы видели, к тому, что постепенно кайтагская элита начала котироваться (начиная, видимо, с 40-х годов XI в.) в глазах дербентской мусульманской аристократии, чванлившейся своим арабским происхождением.

Обратимся теперь к вопросу распространения ислама на территории Кайтага.

В традиционной дагестанской историографии выдвигаются две основные версии исламизации Кайтага. Первая из них представляет собой по сути дела мазинское (Маза — лезгинское селение, располагавшееся на территории нынешнего Ахтынского района ДАССР) предание, записанное по-арабски в доступном нам виде, видимо, в начале XVII в.; ниже мы будем называть это «Историей Маза»⁴¹. Согласно ей, Кайтаг был мусульманизирован войском во главе с лицами арабского (точнее корейшитского) происхождения, прибывшим примерно в конце XI—начале XII в. Вторая версия излагается в «Дербенд-наме», источнике конца XVII века.

В нем утверждается, что население Кайтага было обращено в ислам в 115/733—34 г. воинами арабского полководца Абу Муслима (в одном списке: Маслама) ибн Абд ал-Малика, который посадил кайтагским правителем своего родича Хамзу⁴²; в арабоязычной редакции «Дербенд-наме» эти «деяния» приписаны, видимо, под влиянием «Истории Абу Муслима», Абу Муслиму ибн Абд ал-Рахману, который якобы «пришел» после Абу Муслима ибн Абд ал-Малика⁴³. Следует при этом отметить, что версия, изложенная в «Дербенд-наме», существовала по меньшей мере с начала XII в., представляя собой скорее всего дербентское предание; испанский араб Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Дербент в 1130 г. пишет, что в числе горских народов, обращенных в ислам в VIII в. Масламой ибн Абд ал-Маликом, были якобы кайтагцы (*хайдак*)⁴⁴.

Что же говорят по поводу исламизации Кайтага другие источники? Нужно прежде всего отметить, что арабские и персидские авторы IX—X вв., повествуя о событиях VIII в., не упоминают Масламу в какой-либо связи с Кайтагом, и тем более ничего не говорят о распространении ислама на территории последнего этим или другим арабским полководцем указанного времени. Самые ранние сведения об исламе в Кайтаге относятся примерно к середине IX в. Тогда, по словам Ибн Русте (с. 220), кайтагский правитель Адур-Нарсе придерживался сразу «трех религий»: в пятницу «он молился с мусульманами, по субботам — с евреями, а по воскресеньям — с христианами», ибо как он объяснял, желал «достигнуть истины всех религий»⁴⁵. Из этого сообщения можно, по-видимому, сделать вывод, что к названному времени традиционное кайтагское общество поразил кризис и поэтому его элита вступила на путь «религиозных исканий», пытаясь решить, что же лучше: ислам арабов, иуданзм хазаров или христианство, на котором остановилась, например, сарирская верхушка?

Текст ал-Истахри, где Кайтаг отнесен к числу стран «неверных»⁴⁶, позволяет предположить, что еще в начале X в. ислам не являлся религией кайтагских правителей; скорее всего он был к тому времени отвергнут ими после первых шагов на пути поиска «истинной веры». Однако в 332/943—44 г., по сообщению ал-Масуди (с. 202), правитель Кайтага его сын и его семья, то есть фактически социально-политическая верхушка, были уже мусульманами, хотя остальное население страны не придерживалось еще этой религии. Таким образом, к 40-м годам X в. Кайтаг стал, с точки зрения мусульманского права, частью *дар ал-ислама*, то есть территорией, где политически господствуют мусульмане.

Мусульманизация простых кайтагцев произошла, надо полагать, не в форме единовременного акта принятия ислама целой общиной, а постепенно, в индивидуальном порядке, под влиянием превосходства находившейся на подъеме мусульманской технологической, бытовой и духовной культуры, а также вследствие естественной для народа ориентации на свою элиту. Судя по тому, что к 1130 г. для дербентцев жители Кайтага были старинными мусульманами (ал-Гарнати, с. 49), а также учитывая тот неоспори-

мый факт, что в «Истории Ширвана и Дербенда» кайтагцы ни разу не названы «неверными» (в отношении гумиков, сарирцев и шандацев этот эпитет употреблен неоднократно), мы полагаем, что исламизация простого населения Кайтага произошла в пределах второй половины X—начале XI вв.⁴⁷ Наличие на территории Кайтага арабской эпиграфики XI—XII вв. (селения Ицари, Хадаги, Баршамай)⁴⁸ подтверждает, как представляется, обоснованность предложенной здесь датировки.

Кайтаг VIII—XI вв. занимал территорию географически в определенной степени обособленную — бассейн горной реки. Основным местом торговых контактов для его населения был, не какой-либо населенный пункт на даргинских землях, а как можно заключить из текста ал-Истахри, Дербент⁴⁹, который после принятия кайтагцами ислама стал, судя по сообщению ал-Гарнати (с. 25), видимо, еще и культурным центром. В качестве оформленного политического образования Кайтаг просуществовал в течение, как мы видели, по меньшей мере 300 лет. Такое сочетание географического, политического и иных, связанных с ними факторов, привело к тому, что самое позднее к началу XII в. сложился кайтагский язык, четко отличающийся современниками — по сообщению ал-Гарнати (с. 26) — от других языков Северо-Восточного Кавказа, например, зирихгеранского, тюркского.

Отдельные сведения о Кайтаге конца XII—начала XIII вв. содержатся в так называемой «Хронике Махмуда Хиналугского», которая представляет собой запись преданий одной из ветвей рода кайтагских правителей, переселившейся в Ширван и осевшей там на княжеских правах; запись произведена, как считает А. Е. Криштопа, в XVII в.⁵⁰ В этом источнике упоминается кайтагский уцмий Султан-Мухаммад, умерший при жизни ширваншаха Гершасиба (упом. под 1204 г.). После смерти этого уцмия, власть должна была перейти якобы его сыну Ахмаду — предку вышеназванной ветви уцмиевского рода, но последнего изгнал брат Бий-Киши, опиравшийся на шамхала (с. 1074 г.). Читая «Хронику» может понять, что в конце XII—начале XIII в. столицей Кайтага было с. Калакорейш. Более достоверный эпиграфический материал не позволяет, однако, согласиться с этим; на данном вопросе мы остановимся ниже.

Предгорные земли, лежащие между Улучаем и Дарвагчаем, согласно преданиям («Записка», с. 189, 190), издавна принадлежали кайтагцам, сидевшим в горах, которые, как сказано в «Истории Каракайтага», пропитание «добывали себе, работая на равнине». После ликвидации Хазарской империи (965 г.) и «прекращения смут» на названные земли переселилась одна из горских кайтагских по языку общин. Это были обитатели «громадного города» Жалаги, которые «разошлись по тем местам и обителям», потеснив какое-то, вероятно, мусульманское население и завладев якобы «по желанию» последнего его «недвижимостью (акар), лугами и садами». Следует при этом отметить, что всё, доставшееся им имущество, эти жалагинцы, расселившиеся характерными для

димости, претендовали на арабское происхождение, но в действительности не имели его.

В «Истории Маза» сказано, что арабы, пришедшие через Ширван, убили правителя «вилаята Кайтак» по имени Гаданфар (по-арабски «Лев»), обосновались «в вилайате Кайтак» и сделали своим местопребыванием «город Кала Курайш». Таким образом, читателя как бы наводят на мысль, что с. Калакорейш уже с конца XI в. являлось столицей правителей Кайтага. Здесь, однако, обращает на себя внимание то, что вышеупомянутый Ахсабар назван в его эпитафии «владыкой» не крупного княжества Кайтаг, а лишь Калакорейша. Отсюда видно, что указание «Истории Маза» на то, что лица, сидевшие в Калакорейше, автоматически являлись правителями всего Кайтага по сути дела опровергается более достоверным эпиграфическим материалом XIII—XIV вв.

Когда же Калакорейш превратилось в местопребывание «владык»? В связи с этим вопросом обращает на себя внимание наличие в данном селении ступового михраба—памятника высокопрофессионального чужеземного — восточного — искусства XI—XII вв.⁵⁴ Это явное свидетельство пребывания там богатых мусульман, почитавших восточную культуру и разбиравшихся в ней. Зная же, что в традиционном дагестанском обществе разбогатеть по-настоящему можно было прежде всего через наследственное выполнение военно-административных и судейских, то есть «владычских», функций, мы считаем возможным говорить о появлении «владык» в Калакорейше по меньшей мере с XII в.

Тот факт, что бассейн Уллучая занимало в изучаемое время княжество Кайтаг, а бассейн Артозения — Шандан (о нем подробнее будет сказано ниже), заставляет думать, что территория, подвластная «владыкам» Калакорейша представляла собой бассейн р. Бугам (левый приток Уллучая), скорее, его среднее и нижнее течение. Предания позволяют предполагать, что названная территория включала и *Джухут катта* «Еврейское ущелье», («Записка», с. 189), расположенное между Калакорейшем и Маджалисом.

Уркарах

Занимавшая горное плато, расположенное выше истоков Артозения, Уркарахская община (*Уркарахъи*) впервые упоминается, по моему, у ал-Истахри. Он сообщает, что в числе «неверных», собиравшихся с торговыми целями в Дербенте, были *карадж*⁵⁵. Это, как остроумно и обоснованно доказал В. Ф. Минорский, искаженное написание слова «Уркарах»⁵⁶.

Под 332/943—44 г. ал-Масуди (с. 203) сообщает, что «город» (*балда*) *Уркарах* (в тексте: *К-р-дж*, у Якута: *Ал-Курдж*) является местопребыванием правителя с титулом *барзбан* (от ср. — перс. *марзбан* «хранитель границы»), страна которого лежит северо-западнее Кайтага.

Тот факт, что каждый «правитель этого царства зовется» барзбаном, (с. 203) наводит на мысль, что уркарахское барзбанство первой половины X в. генетически являлось одним из политико-

административных образований, созданных Сасанидами на Северо-Восточном Кавказе во второй половине VI в.

Уркарахский правитель, согласно ал-Масуди (с. 204), к 332/943—44 г. был мусульманином. В 385/995 же году, как сказано в «Истории Ширвана и Дербенда» (с. 69) обратился в ислам уже «народ» Уркараха «благодаря» дербентскому эмиру Маймуну ибн Ахмаду.

В 424/1032—33 г. в направлении Дербента и пограничных областей двинулся, как сказано в «Истории Ширвана и Дербенда» (с. 70, 71), правитель Алании вместе с русами. «Прежде всего» они двинулись на Уркарах, где пребывал отряд мусульман во главе с неким Хусравом и главным раисом лезгинского с. Аных (А-н-к) Хайсамом ибн Маймуном⁵⁷. Последние «с помощью» уркарахов сразились с наступавшими, нанесли поражение и многих перебили, после чего «навсегда были прекращены притязания неверных на эти исламские центры».

В 457/1065 г. влиятельный дербентский раис Муфарридж ибн Музаффар вместе с дядей ширваншаха Мамланом ибн Язидом и некоторыми уркарахскими раисами пошел, согласно «Истории Ширвана и Дербенда» (с. 77), в округ Маскут «собирать урожай».

На этом сведения письменных источников об Уркарахе домонгольского времени прекращается.

Итак, первоначально Уркарах представлял собой политическое образование, судя по-всему, структурно близкое к Гамри. Просуществовав, после освобождения от арабского господства, самостоятельно, с сохранением своих древних (сасанидских по происхождению) политических традиций, по меньшей мере до 40-х годов X в., Уркарах превратился к концу названного столетия в один из «исламских» центров Дербентского эмирата. Для этого «дербентского» периода в истории Уркараха характерным, судя по «Истории Ширвана и Дербенда» и уркарахской эпиграфике XI—XII вв., было изменение формы правления, а именно — переход от княжества во главе с барзбанами к аристократической республике во главе с раисами.

Шандан

Проводя разыскания в области исторической географии Восточного Кавказа, В. Ф. Минорский остановился на топониме Шандан, который — методом исключения — он локализовал в Центральном Дагестане, в бассейне речки Акушлики⁵⁸. Изучив все доступные ныне письменные источники, я пришел к другому мнению о местонахождении Шандана — он располагался в Восточном Дагестане, в бассейне речки Артозень, между Гамри и Кайтагом. Аргументы, на которые опирается последняя точка зрения, следующие.

Ибн Хаййат (с. 352) пишет, что в 121/738—39 г. Марван ибн Мухаммад из Зирихгерана направился в Гамри, подчинил его, «затем пришел Марван в землю М-с-дар и захватил её на основании мирного договора (сулх), затем осел Марван в Лакзане (в тексте: Киран)». Ибн Хаййата дословно повторяет Ибн ал-Асир (1160—1133) с той лишь разницей, что захваченная земля у него

названа *М-с-даз*⁵⁹. Согласно ал-Балазури (с. 18), который, однако, даты не указывает, Марван из Зирихгерана прибыл в Гамри, «затем пришел он в С-н(б)-дан, захватил его» без боя, после этого он обложил повинностью людей «шаха Табарсарана, ...затем осел Марван перед крепостью Лакза». Последнего автора повторяет Ибн ал-Асир (с. 133), который, правда, указанный поход датирует ошибочно 114/732—33 г., а территорию, куда «пришел» Марван, именует «С-г-дан». Ибн Асам ал-Куфи (т. VIII, с. 79) пишет, не называя даты, что после покорения Сарира Марван подчинил Турман, затем Гамри, и, таким образом, «захватил все крепости страны ас-Сарир, Хамзин, Турман и С-н-дан»; после чего Марван прибыл в Дербент, откуда пошел на Лакз. У Балами (с. 542—545) интересующий нас топоним отсутствует, а путь Марвана представлен так: Сарир, Гамри, Дербент, Лакз.

О том, что *М-с-дар*/*М-с-даз*/*С-н(б)-дан*/*С-г-дан*/*С-н-дан* представляют собой различные формы написания одного и того же топонима (который мы согласны пока условно читать *Шандан*) спора, как известно, нет⁶⁰. Это в свою очередь позволяет говорить о том, что восточные авторы IX—X вв. и Ибн ал-Асир вынуждают нас локализовать Шандан не в Центральном Дагестане, а в Восточном, где-то между Гамри и Дербентом.

Обратимся теперь к «Истории Ширвана и Дербенда». В ней (с. 65) говорится, что в 273/886—87 г. дербентский эмир Мухаммад ибн Хашим «напал» на Шандан «и покорил принадлежащие» ему селения Дибгаш (в тексте: *Д-н-к-с*) и Чицили (в тексте: *Ш-л-ш-л-и*), которые, как известно, лежат в верхней части бассейна реки Артозень⁶¹. В 326/937—38 г. (с. 66) по приказу эмира Абд ал-Малика ибн Хашима, его «помощник» Абу-л-Фаварис «с конницей» из дербентцев и хайдакцев был послан к селению Ираки (в рукописи: *А-ран*)⁶². Они внезапно напали на врага ночью, убили много знатных лиц Шандана и овладели «вторично селением Дибгаш (в тексте: *Дик-ш*/*Р-б-к-ш*).

Текст «Истории Ширвана и Дербенда» свидетельствует, таким образом, что «Шандан» располагался к северу от Кайтага, то есть бассейна Уллучая, и включал селения Дибгаш, Ираки и Чицили.

Любопытны и оригинальны сведения относительно локализации Шандана, которые сообщает компилятор начала XIII в. Якут ал-Хамави. Он пишет, что «Шанзан» — территория, «прилегающая к стране хазар»⁶³, то есть расположенная где-то в предгорьях, к северу от Дербента.

Все эти сведения, взятые вместе, довольно убедительно свидетельствуют, что Шандан находился в восточной части Дагестана, между Гамри и Кайтагом. Зная же, что на названной территории единственное географически возможное место для концентрации людей и возникновения политического образования — бассейн Артозеня, можно (с учетом факта вхождения в состав Шандана IX—X вв. селений Дибгаш, Ираки и Чицили) утверждать, что Шандан находился в указанном бассейне.

В долине Артозеня, согласно дагестанским арабоязычным источ-

никам, существует по меньшей мере с XVI в. топоним Баршли. Известный ориенталист М. д'Оссон еще в начале XIX в. высказал мнение, что Баршлийя арабских авторов IX—X вв. (там в VI в. произошла встреча Хосрова Ануширвана с тюркютским предводителем) тождественен Баршли, расположенному на Артозене⁶⁴. Это отождествление наводит в свою очередь на мысль, что в VI в. бассейн Артозена был буферной территорией между империей тюркютов и Ираном Сасанидов, северную границу которого могли составлять Уркарахское барзбанство и территории, подвластные шахам Кайтага.

Ал-Балазури (с. 18) пишет, что Шандан, подчинившийся арабам в 121/738—39 г., должен был внести победителям один-единственный раз 100 «голов», а затем поставлять ежегодно в Дербент по 5 тыс. муддов зерна. Это, как мне кажется, свидетельствует, что населявшие предгорье и прилегавшие к нему горы шанданцы, насчитывавшие не менее 1700 дворов, были земледельцами.

Ал-Балазури (с. 18) упоминает владыку (*сахиб*) Шандана, который и должен был вносить шанданскую дань в зернохранилища Дербента. Якут же, повествуя о положении, имевшем место в XI в. (т. III, с. 238), называет «владельца» (*малик*) «Шанзана». Это и позволяет отнести Шандан VIII—XI вв. к числу княжеств.

Ибн Руста (с. 220) сообщает, что примерно в середине IX в. город Дибгаши (в рукописи: *Р-н-х-с* > *Д-б-дж-ш* // *Дибджаш* — арабское произношение даргинского Дибгаши)⁶⁵ с его огромным священным деревом входил в состав Сарира, подобно Кайтагу. Это его указание находит подтверждение в «Худуд ал-Алам» (с. 192), где священное дерево, правда, не упомянуто, но зато отмечено, что Дибгаши — «город», находящийся в цветущем состоянии.

Для ал-Истахри (с. 109) Шандан — одна из стран неверных, лежащая к северу от Дербента. Из текста «Истории Ширвана и Дербенда» видно, что восточнокавказские мусульмане были согласны с названной характеристикой и поэтому предпринимали исламские походы на Шандан: в 273/886—87 г., в 297/909—910 г., в 326/937—38 г. В 429/1037 г. шанданцы сами напали на Дербент (с. 71) и «пограничную область», но были отражены, хотя и «среди мусульман были также потери». В 423/1040 г. раис Али ибн Хасан «вместе с дербендцами предпринял исламский поход против Шандана» (с. 72), после чего Шандан в «Истории Ширвана и Дербенда», доведенной до 1075 г., больше не упоминается. Одной из причин этому явилось, видимо, то, что в результате названных походов, с одной стороны, и общего превосходства мусульманской культуры — с другой, «владелец его (Шандана — А. Т.)», по словам Якута (т. III, с. 328), «перешел из христианства в ислам в дни [правления халифа] ал-Муктади»⁶⁶, то есть между 1040—1075 годами.

Выше мы уже говорили, что название «Шандан» является для нас чисто условным, ибо местность, соответствующая ему (бассейн Артозена), обозначается в источниках еще и иначе: *М-с-дар*, *С-г-дан*, *Шанзан* и т. д. При таком положении дел закономерна

попытка установить действительное звучание разбираемого топонима. Но нужно предварительно отметить, что почти все топонимы Дагестана, зафиксированные восточными источниками IX—XI вв., удалось правильно расшифровать лишь через их локализацию и последующее привлечение традиционной местной топонимики (например: *Адмик* оказался *Гумиком*, то есть Кумухом). Исходя из этого, обратим внимание, с одной стороны, на то, что горцы-даргинцы называют ныне своих соседей кумыков (в том числе и обитающих по Артозеню) джандарами (*джандар*, мн. ч. *джандарт*)⁶⁷, с другой — на то, что упомянутые выше формы написания могут быть безболезненно сведены к *Шандар*, который мог звучать как *Чандар*; пример: на Востоке писали *Шаш*, а читали *Чач*, писали *Шиз*, а читали *Чиз*. Такое совпадение между предполагаемым старинным названием территории бассейна Артозеня (*Чандар*) и современным названием части её обитателей (*джандар*) наводит на мысль, что предложенное выше сведение имеющихся форм к одной (*Шандар*) является верным. Таким образом, государство, располагавшееся между Гамри и Кайтагом называлось скорее всего не «Шандан», а *Чандар*; в данной связи отметим, что в XIX в. в Хивинском ханстве проживала «особая этническая группа, очевидно туркменского происхождения» именуемая *чандыр* (*ч-н-д-р*)⁶⁸.

Итак, Шандан, а правильное предположительно — *Чандар*, было небольшим княжеством, располагавшемся в бассейне Артозеня в VIII—XI вв.

Рассмотрев историю пяти политических образований, из которых в послеордынское время сложилось Кайтагское уцмийство, можно выделить следующие общие для них черты: во-первых, каждое из этих образований занимало отдельный, геоморфологический замкнутый микрорегион; во-вторых, все они состояли из «города» (*балда*, *мадина*, *шахр*) и ряда селений (*карья*); в-третьих, во главе каждого из них стояли — во всяком случае первоначально — наследственные правители-князья (*малик*, *сахиб*, *уцуми*, *шах*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. I, с. 38; *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962, с. 228; *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с. 36; История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 124; *Байчоров С. Я.* О протобулгарских географических названиях в верховьях Кубани.— В кн.: Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978, с. 116—119.

² *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 132.

³ Записка о сословно-поземельном строе в Кайтаге, 1901 г.— В кн.: Феодальные отношения в Дагестане. /Сост., пред. и прим. Хашаева Х. М. М., 1969, с. 228—234.

⁴ *Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи.* Китаб ал-футух. Хайдарабал, 1975, ч. 8, с. 79.

5 *Ибн Асам ал-Куфи. Книга ... Хайдарабад, 1969, ч. 2, с. 113; Он же. Книга ... ч. 8, с. 32; Баладзори. Книга завоевания стран. (Текст и перевод): Материалы по истории Азербайджана. /Пер. Жузе П. К. Баку, 1927, с. 16, 18; Якуби. История. Текст и перевод: Материалы по истории Азербайджана /Пер. Жузе П. К. Баку, 1927, с. 7, 10; Dorn V. Beitrage zur Geschichte den Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen, IV. Tabari's Nachrichten über die Chazaren. St.-Pbg., 1841, S. 513. М. И. Исаков полагал, однако, что «крепость [страны] Хамри» тождественна городищу Эски-юрт, расположенному недалеко от с. Каякент. (См.: Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966, с. 26). В связи с этим нельзя не обратить внимания на сообщение Я. Рейнегга (конец XVIII в.), который писал, что выше Каякента находятся стены старинного горного укрепления, именуемого Хумри (См.: Reineggs J. Allgemeine historisch-geographische Beschreibung des Kaukasus. Aus dessen nachgelassenen Papieren gesammelt und herausgegeben von F. E. Schröder. Gotha und St.-Pbg., 1796, Th., I, S. 106.*

6 *The History of Khalifat ibn Khajjal. vol. 1—2. Ed. by Akram Diya al-Umari. Bagdad, 1386/1967, p. 329.*

7 *Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу.— В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 227—228; Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище Таргу.— В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 57—82.*

8 *Ибн Асам ал-Куфи. Книга ... ч. 2, с. 13; Там же, ч. 8, с. 32; История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. /Пер. Патканьяна К. СПб., 1862, с. 28.*

9 *Баладзори. Книга ... с. 18; Ибн Асам ал-Куфи дает, однако, иную цифру: 500 муdd. (См.: Ибн Асам ал-Куфи. Книга ... ч. 8, с. 79).*

10 *Еремян С. Т. Армения в период арабского завоевания.— В кн.: Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 481.*

11 *Баладзори. Книга ... с. 18.*

12 *Котович В. Г., Котович В. М., Салихов Б. М. Городище ... с. 73.*

13 У ал-Балазури «владелец» не упомянут (с. 18).

14 См.: *Котович В. Г. О местоположении ... с. 222.*

15 По мнению В. Г. Котовича, там было несколько городов (см.: *Котович В. Г. О местоположении... с. 222).*

16 В. Г. Котович отождествляет Хасин с городищем Эски-юрт в низовьях Гамрнопеня. (См.: *Котович В. Г. Указ. соч., с. 222—224).*

17 В. Ф. Минорский отождествлял этот *Хайзан* — с оговоркой «очевидно» — с Кайтагом. (См.: *Минорский В. Ф. История ... с. 132).* Я же полагаю, что в тексте речь идет о Хайзана, располагавшемся на территории нынешней Аз. ССР.

18 *Якуби. История ... с. 7.*

19 *Баладзори. Книга ... с. 18. Ибн Асам ал-Куфи говорит иначе: гамринский шах обязался поставлять ежегодно по 500 душ и по 500 муdd провизии (ч. 8, с. 79).*

20 *Ибн Асам ал-Куфи. Книга ... ч. 8, с. 30.*

21 *Dorn V. Beitrage..., S. 511.*

22 *История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. /Под ред. Косвена М. О. и Хашаева Х. М. М., 1958, с. 31. См. также Оларий А. Под-*

робное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах /Пер. Барсова П. М., 1870, с. 970, 976.

²³ Масуди о Кавказе.— В кн.: *Минорский В. Ф.* История ..., с. 203.

²⁴ *Минорский В. Ф.* История ..., с. 128, 129.

²⁵ *Бартольд В. В.* Дагестан.— Сочинения. М., 1965, т. 3, с. 410.

²⁶ *Караулов П. А.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане — В кн.: Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1901, вып. 29, с. 26, 27.

²⁷ *Комаров А.* Списки населенных мест Дагестанской области.— В кн.: Сборник статистических сведений о Кавказе /Под ред. *Воронова И.* Тифлис, 1869, г. I, с. 89, 90.

²⁸ *Магомедов Р. М.* По аулам Дагестана. Махачкала, 1979, с. 48; *Алиев Б. Г.* Предания и легенды народов Дагестана.— В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981, с. 154.

²⁹ Ибн Руста о Дагестане.— В кн.: *Минорский В. Ф.* История ..., с. 220; *Караулов Н. А.* Сведения ..., Тифлис, 1903, вып. 32, с. 46—49. Автор XI в. Гардизи, чей текст почти полностью совпадает с текстом Ибн Руста, называет Кайтаг (в рукописи: *Джандан*), правда, областью (*вилаяй*), но в сочинении X в. «Худуд ал-алам» Кайтаг (в рукописи: *Хандан*) именуется городом (*шахр*). (См.: *Бартольд В. В.* Извлечения из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*. — Сочинения. М., 1973, т. 8, с. 40, 61; *Худуд ал-алам мин ал-машрик ила-л-магриб*. Бе кушеш-и дуктур-и Минучихр Ситуда. Тихрап, 1340, с. 192.

³⁰ *Reineggs J.* Ibid., S. 106.

³¹ Об этом источнике см. ниже.

³² *Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1961, с. 66.

³³ *Шихсаидов А. Р.* Дагестанская историческая хроника «Тарих Дагестан» Мухаммада-Рафи.— В кн.: Письменные памятники Востока. М., 1977, с. 104; *Магомедов Р. М.* По аулам ..., с. 39, 40.

³⁴ *Минорский В. Ф.* История ..., с. 66.

³⁵ Масуди о Кавказе ..., с. 192.

³⁶ *Коковцев П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, с. 87, 98—102.

³⁷ *Бартольд В. В.* Дагестан.— Сочинения. М., 1965, т. 3, с. 410; *Минорский В. Ф.* История ..., с. 128, 192, 202, 203.

³⁸ Масуди о Кавказе, с. 202, 203; *Бартольд В. В.* Дагестан, с. 409.

³⁹ *Минорский В. Ф.* История..., с. 66, 127—129.

⁴⁰ В рукописи: *Р-в-м* (вар. *Б-рум, З-нз-м*); В. Ф. Минорский высказал предположение, что читать следует «Пируз» (См.: История, с. 75). Мы, однако, зная, что среди кайтагских правителей был, по преданиям, некий Рум (*Рум-талхбан*), живший в глубокой древности (См.: *Магомедов Р. М.* По аулам ..., с. 15), считаем, что имя «эмира» Кайтага читать нужно *Рум*.

⁴¹ Источник этот подготовлен нами к печати.

⁴² *Тарихи Дербенд-наме* /Под ред. *Алиханова-Аварского*. Тифлис, 1898, с. 72—82.

⁴³ *Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.* Дербенд-наме.— В кн.: Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980, с. 36—38.

⁴⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарпати в Восточную и Центральную Европу /Публ. *Большакова О. Г., Монгайт А. Л.* М., 1971, с. 49.

45 По Гардизи (XI в.), три религии одновременно исповедовали жители Кайтага. (См.: Бартольд В. В. Извлечение ..., с. 40, 61).

46 *Абу Исхак Ибрахим бин Мухаммад ал-Фарси ал-Истахри*. Ал-масалик ва-л-мамалик. Тахкик ад-дуктур Мухаммад-Джабир Абд ал-Али ал-Хини, Кахира, 1961, с. 109; *Караулов Н. А.* Сведения ..., вып. 29, с. 13, 14.

47 По мнению А. Р. Шихсаидова, Кайтаг стал мусульманским в XII—XIV вв. (См.: *Шихсаидов А. Р.* Ислам ..., с. 194).

48 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980, ч. 3, с. 29; наши материалы.

49 *Ал-Истахри*. Ал-масалик, с. 109; *Караулов Н. А.* Сведения ..., с. 13, 14.

50 *Берже А.* Кайтахские рукописи.— Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1868, т. II, с. 1073—1077; *Криштопа А. Е.* К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане. — В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1976, вып. 7, с. 152—156.

51 Восточные источники ..., с. 117.

52 *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана X—XVII вв. как исторический источник. М., 1984, с. 145, 146.

53 Там же, с. 128—132; по мнению А. Р. Шихсаидова, имя покойного читать следует «Хайдар или Хайдан», или же Х-л-д-р (с. 127), а датируется саркофаг «XIII или началом XIV в.» (с. 130).

54 *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники. М., 1966, ч. I, с. 76, 77; П. М. Дебиров названный михраб датирует, однако, XII—XIII вв. (См.: Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966, с. 17—27).

55 *Ал-Истахри*. Ал-масалик, с. 109; *Караулов Н. А.* Сведения ..., вып. 26, с. 14.

56 *Минорский В. Ф.* История ..., с. 129—131.

57 В списке А этот Хайсам ибн Маймун назван дербентцем и главой дубильщиков. Это, видимо, результат контаминации главного раиса Аныха (в Кусарском районе Аз. ССР) Хайсама ибн Маймуна (упом. под 424/1032—33 г.) с дербентским главой (раис) дубильщиков Хайсамом ибн Маймуном (упом. под 457/1064—65 г.). (См.: *Минорский В.* История ..., с. 70, 71, 75).

58 *Минорский В. Ф.* История ..., с. 138—142.

59 *Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur*. ed. Tornberg C. J. Vol. V, Upsaliae—Lugduni Batavorum, 1871, p. 240.

60 *Минорский В. Ф.* История ..., с. 139.

61 Там же, с. 139.

62 Идентификация эта принадлежит нам.

63 *Jacut's geographisches Wörterbuch*, hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd. III, Leipzig, S. 328.

64 *D'Ohsson M. C.* Des peuples du Caucase et de pays au nord de la Mer Noire et de la mer Caspienne, dans les dixième siècle, ou voyage d'Abou-el-Cassim, Paris, 1828, p.* 10.

65 *Минорский В. Ф.* История ..., с. 139.

66 В тексте Якута по ошибке написано «ал-Муктадира».

67 *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 44; *Магомедов Р. М.* История ..., с. 66, 91.

68 Письменные памятники Востока. М., 1970, с. 32—36.

А. А. ИСАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ КАЙТАГЕ

Кайтаг (Хайдак-Хайдак) — одно из крупных государственных образований средневекового Дагестана. Он имеет многовековую и богатую историю. Однако всестороннее изучение и освещение истории Кайтага затруднялось малочисленностью письменных источников. Поэтому каждый новый письменный памятник, в котором содержатся хотя бы краткие сведения по истории названного образования приобретает определенное значение.

В 1977 г. в даргинском с. Чираг (Агульский р-н ДАССР) мною был найден небольшой (объем — 58 л., формат — 11×18 см. по 9—13 строк на странице) рукописный сборник. На его первых 34-х листах написаны близкие к дословному переводы с арабского на сюргинский (сиргинский) диалект даргинского языка тексты двух местных сочинений: а) «Дербенд-наме» (1—23 л.)¹, б) безымянное сочинение по истории средневекового Кайтага (23—34 л.); список условно обозначим буквой «А». На остальных листах сборника — различные не исторические тексты².

Сборник не имеет переплета, первых и последних листов. В нем не указано время перевода и переписки, нет сведений о переводчике и переписчике.

Тексты обоих исторических сочинений написаны одним лицом, каламом на тонкой белой фабричной бумаге с неразборчивыми водяными знаками, черными чернилами, четким дагестанским насхом. С целью различения арабских слов и выражений от даргинских первые надчеркнуты красными линиями. Написанные параллельно на арабском и даргинском языках тексты обоих сочинений полностью огласованы, что облегчает процесс их правильного чтения, особенно местных топонимов, антропонимов и терминов.

В рукописном фонде Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (ф. 14, № 1720) хранится небольшой (объем — 23 л., формат — 11×18 см, по 10—11 строк на странице) рукописный сборник. Бумага белая тонкая фабричная с прямыми линиями; на 14-м листе имеется филигрань (водяной знак) в форме квадрата, по углам верхней части которого дважды зафиксирована цифра «5», а внизу — «Аки. общ. Кюммене». Сборник написан черными чернилами, каламом, чет-

ким дагестанским насхом. Рукопись без переплета, верхняя половина первого листа порвана.

В сборнике содержатся написанные на кубачинском диалекте даргинского языка местные сочинения: 1) «Дербенд-наме» (л. 1—19 б.); 2) родословные: а) кайтагских и теркемейских (л. 19 б.—20), б) казикумухских (л. 20.—20 б) талханов-князей, в) кайтагского талхана Рустам-хана л. 20 б. — 21 б., 3) безымянное сочинение по истории средневекового Кайтага (л. 21 б. — 24 б.); это список «Б». В конце текста «Дербенд-наме» (л. 19 б) по арабски написано: «Заключил переписку 17 рамадана 1326 г.» (13 октября 1908 г.); этой датой мы датируем переписку всего сборника. В сборнике не указаны дата перевода, а также имена переводчика и переписчика.

Сравнительный анализ текстов списков «А» и «Б» показывает, что список «Б» не полный и является кратким извлечением из списка «А».

Это же сочинение сохранилось до наших дней в нескольких списках и на арабском языке. Один из них (список «В») найден мною в 1983 г. в личной библиотеке жителя селения Адаги (Адагъи) Кайтагского района Муртазалиева Магомеда. Список переписан Ахмедханом, сыном Мухаммед-Расула из Бажлуки на память своему любимому другу Раджабу, сына Булатбека из Аршаги, но дата переписки не указана.

В списках «А» и «Б» содержатся ценные сведения об освободительной борьбе, общественно-политической и хозяйственной деятельности населения средневекового Кайтага.

В целях установления своего господства в Дагестане арабские захватчики в VII—IX вв. систематически совершали прикрываемые религиозными лозунгами опустошительные набеги³.

В списках «А», «Б» сочинения по истории средневекового Кайтага говорится о том, что арабские войска под руководством «потомков Хамзата и Аббаса» в 200/815—16 г. вышли из Мекки и, под видом распространения ислама, ведя опустошительные набеги по пути своего следования, дошли «в страну Хайдак». Арабские завоеватели обратились к населению Кайтага с требованием покориться, кайтагцы ответили отказом. Тогда «арабы напали на кайтагцев, убили их талхана по имени Газанфар, пленили его детей, захватили его имущество, завладели его имуществом, насильно распространили среди кайтагцев ислам и назначили талханом в этой стране Хан-Мухаммада, сына Султан-Ахмада, из потомков Хамзата-араба»⁴.

В связи с этим следует отметить, что «в дореволюционной историографии Дагестана утвердилась концепция об иноземном происхождении государственной власти, об арабском (или иранском) истоках государственности в дагестанских владениях. Местные исторические хроники («Тарихи Дагестан», «Асарн Дагестан») связывали происхождение дагестанских феодальных правителей — майсумов, умнев и шамхалов с именем арабского полководца Абу-Муслима»⁵.

В списках безымянного сочинения по истории средневекового Кайтага содержатся ценные сведения, опровергающие эту ошибочную концепцию. В них сказано, что еще до прихода арабов в Кайтаг в нем был местный феодальный правитель — талхан Газанфар, который, защищая свободу и независимость своей родины, вступил во главе населения Кайтага против арабских захватчиков и был убит ими в неравном бою. Арабы застали местного феодального владетеля и в Табасаране⁶, а поставленный арабами на место Газанфара Хан-Мухаммад утвердил его на эту должность, выдал за него свою дочь и сам женился на его дочери.

В списках «А», «Б» Хан-Мухаммаду приписывается строительство «в стране Кайтаг» многих селений. «До строительства этих селений,— сказано в списках,— в горах был город и его называли Джалаги (Жалагы). Этот город находился на верхней границе их селений».

В процессе экспедиционной работы в 1979—1985 гг. мне удалось собрать интересные сведения об этом средневековом городе. В покрытых лесом горах, между селениями Ирчамульского магала Верхнего Кайтага: Бажлук, Пиляки, Кирки, на довольно большой территории сохранились остатки средневекового города Джалаги и рядом с ним около десяти старых кладбищ.

Согласно сведениям исторических преданий, это был многолюдный горный город, в котором, как отмечает Р. М. Магомедов, жил убитый арабскими захватчиками кайтагский талхан Газанфар⁷.

Местные жители Ирчамульского магала говорили нам о написанной на арабском языке книге, в которой подробно сказано об этом городе и его судьбе, но поиски этой рукописи ещё не дали положительных результатов.

Среди местного населения бытуют предания, в которых содержатся интересные сведения об этом городе. Абдурагим Саламов и другие жители селений Варсит, Пиляки, Кирдик, Бажлук рассказывали нам предание, согласно которому однажды в город Джалаги прибыли семь иноземных всадников с драгоценным оружием. Приезжие были очень голодны, и они попросили у жителей этого города что-нибудь поесть, но последние сами испытывали страшный голод. Обессиленные от голода всадники попытались обменять золотые ружья и шашки на зерно, которое поместилось бы в ножны шашки и ствол ружья, однако их настойчивые просьбы не увенчались успехом, и, не найдя ничего съедобного, они погибли с голоду.

Житель селения Бажлук 1907 года рождения Герейхан Ашурбеков в 1983 г. рассказывал мне, что его 120-летний дедушка прочитал когда-то надпись на одном из надгробных камней джалагинского кладбища: «Если бы мы могли найти зерно, хотя бы для заполнения ствола ружья, мы не умерли бы с голоду, но у нас и этого не хватило и мы погибли».

Написанные на сургинском и кубачинском диалектах даргинского языка списки «А» и «Б» интересны и в лексикографическом аспекте.

В арабско-даргинском двуязычном списке «А» слова арабского текста имеют в даргинском соответствующие эквиваленты даргинского языка: *аскар* — *хлуреба* «войско» (л. 24), *бустан* — *анхъ* «сад» (л. 27), *кариа* — *ши* «селение», «аул» (л. 27) ⁸.

Отдельные арабские слова переведены на даргинский язык с помощью прочно вошедших в словарный фонд даргинского языка других близких по смыслу ориентализмов: *балда* — *шагьар* «город» (л. 25), *факир* — *мискин* «бедный» (л. 34), *насл* — *тухум* «потомки», «род» (л. 26), *вилаят* — *улка* «родина», «область» (л. 24 б), *никах* — *магьар* «калым», «приданное» и др.

Многие, имеющиеся в даргинском тексте списка «А», ориентализмы (преимущественно арабизмы) прочно вошли в активный словарный фонд даргинского языка, поэтому одни из них повторены в даргинском тексте без изменений: *хукм* — *хлукму* «решение» (л. 33 б.), *зулм* — *зулму* «насилие», «угнетение» (л. 27), *адат* — *гла-сат* «обычай» (л. 36 б.), *насаб* — *насаб* «родство», «происхождение» (л. 34 б). В написании других имеются, обусловленные фонетическими особенностями даргинского языка и другими факторами, некоторые несовпадения: *кафир* — *капур* «неверующий» (л. 29), *харадж* — *хардж* «подать» (л. 33). Третьи заимствования оформлены даргинскими аффиксами *малаку* — *мулк* + *баркьиб* «превратил в собственность», «отобрал» (л. 25), *асару* — *ясир* + *ли буциб* «плешили» (л. 24 б.).

Встречаются случаи, когда два или более, близкие по смыслу, арабские слова переведены одним словом: так, термины: эмир, малик и султан переведены одним словом *талхъан* «князь», «феодальный правитель», *вилаят* и *нахийа* — *улка* «страна», «область».

В арабском и даргинском текстах списка «А» мы находим некоторые разночтения отдельных топонимов: Шамахи — в арабском тексте, Чамахи — в даргинском, а также двойные названия одних и тех же населенных пунктов: Кала-Курейш — Урцлмуцлн-Кала-Курейш (л. 33).

Интерес представляет сравнение написанных на сюргинском (список «А») и кубачинском (список «Б») диалектах даргинского языка списков разбираемого сочинения.

Сюргинский диалект (список «А»)	Кубачинский диалект (список «Б»)	Перевод на русский язык
талхъан (л. 24)	талхъан (л. 23)	князь, феодальный правитель
мизит (л. 28 б.)	мизит (л. 24 б.)	мечеть
капурти (л. 24 б.)	капите (л. 23)	неверующие
идбаг (л. 23)	ибадаг (л. 21—22)	пророк
Табасаран (л. 25 б.)	Табасаран (л. 23 б.)	Табасаран

Следует отметить, что в списке «А» (л. 27 б) написано «юзбашин», а в списке «Б» этот социальный термин приведен в искаженном переводе на русский язык — «истаршин» (л. 24 б.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текст «Дербенд-наме» с комментариями и с исторической справкой опубликован мною на даргинском языке в альманахе «Гьалмагдеш» («Дружба»). Махачкала, 1978, № 1, с. 99—116.

² *Исаев А. А.* Новые списки «Дербенд-наме» (на даргинском языке). — В кн.: Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984, с. 93—102.

³ История Дагестана. И., 1967, т. 1, с. 155—157.

⁴ В списках нашей хроники имя этого назначенного арабами талхана — Хан-Мухаммад, сын Султан-Ахмада, в «Тарих Дагестан» Мухаммад-Рафи — Амир Чуфан, сын Султан-Алибека из потомков Гамзата. (См.: Берже А. Кайтахские рукописи. — АКАК, т. 2, с. 2073; Шихсаидов А. Р. Дагестанская историческая хроника «Тарихи Дагестан» Мухаммада-Рафи (к вопросу об изучении). — В кн.: Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. 1972. М., 1977, с. 108).

⁵ История Дагестана, т. 1, с. 157—158.

⁶ В списках «А», «Б» не указано имя этого табасаранского правителя. Согласно извлечению «Тарих Дагестан» Мухаммада Рафи, его звали Маасум-Бек. — АКАК, т. 2, с. 1073.

⁷ Магомедов Р. М. Памятник истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1964, с. 7.

⁸ Здесь и далее имеющиеся в даргинском тексте арабизмы и даргинские слова транслитированы с арабографического письма (аджам) на современный алфавит даргинского языка.

ПЕРЕВОД

Даргинский текст (список «А»)

Хвала Аллаху, сотворившему Мухаммеда из света своей красоты. Он отправил его — создателя истинной веры — для направления (людей) на правильный путь и обращения их в сторону истинной веры. Да будет милосердие и благословение сподвижникам пророка и продолжателям его дел, а в особенности его детям, детям его дочери и дорогим братьям его отца (л. 23).

После этого (да будет известно, что) группа последователей пророка опирается (восходит) на Хамзата — одного из братьев отца пророка. Из потомков Хамзата являются шейх Ахмад, шейх Абу-Ибрахим и шейх Исхак. Из потомков другого брата отца пророка Мухаммеда — Аббаса являются священный шейх Наср ад-Дин — да простит их Аллах.

Они (потомки Хамзата и Аббаса) вышли из благословенной Мекки и светлой Мединны с 2000 человек (л. 23 б) своих родственников и соплеменников по происшествии 200 лет после хиджры пророка¹. Они пришли в Шам и остановились там на некоторое время. Затем из Шама они отправились в Миср с 500000² людьми (воинами). Через некоторое время они из Мисра продолжили свой путь до страны Чаргас (л. 24). Страны Чаргас были в это время местами войн. Они сражались здесь более двух лет и с помощью Аллаха они убили одну группу из неверующих, убили их старших талханов (талхъан)³ и пленили их женщин и детей.

Затем они пришли в страну Кайтаг (Хайдакь) (л. 24 б) и обратились к населению (Кайтага с требованием мирно) согласиться (с ними) (Но кайтагцы не согласились покориться им). Тогда арабы напали на кайтагцев, убили их талхана по имени Газфар (Гъазфар) ⁴, пленили его детей, захватили его имущество, завладели его имуществом, насильно распространили среди кайтагцев ислам и назначили талханом в этой стране Хан-Мухаммада (л. 25), сына Султана-Ахмада, из потомков Хамзата-араба.

Хан-Мухаммад выдал свою дочь Бика замуж за талхана страны Табасаран (Табасаран) и утвердил его талханом Табасарана. После принятия ислама табасаранцами, Хан-Мухаммад женился на дочери табасаранского талхана (л. 25 б).

После этого в стране Кайтаг он построил много селений. До строительства этих селений в горах был один город, его называли Джалаги (Жалагы). Этот город находился на окраине (на верхней границе) их селений. (Основным) занятием кайтагцев была обработка земель и косьба сена на равнине (л. 26).

С распространением ислама и ликвидацией смут кайтагцы распространились во многие места, но они не захватили ни земли, ни сенокосы, ни сады джамаатов других селений без их согласия. Так они остались (л. 26 б) до наступления времен умиря Султан-Мухаммада ⁵.

Кайтагцы договорились, чтобы все пахотные земли сделать частной собственностью (мулк), а сенокосы и сады — общей собственностью сельских джамаатов.

Затем по истечении времени появилось насилие и угроза (для кайтагцев) со стороны жителей селения Ашра (л. 27). Тогда кайтагцы, договорившись между собою, напали на жителей селения Ашра, разрушили его и защитили свои многочисленные общинные земли. Это произошло в 705/1305—1306 году ⁶.

В это время в Кайтаге старшиной (юзбаш) являлся Осман, сын Рамазана из Габшима (Габшима) (л. 27 б). Их старшим был очень мудрый, сильно красноречивый и умевший распорядиться кадий Кайтага Манас, сын Нуха из Бутри ⁷. Он жил в селении Барша-Ма'а (Барша-Маг'ла) (л. 28).

Затем в Кайтаг пришли из племени Таифа ⁸. Их было всего десять храбрецов (игит). Они остановились в разрушенном селении Ма'а (Маг'ла), расположенном возле (селения) Барша ⁹. Они (десять человек) поручили местным жителям построить джума—мечеть возле могил умерших шагидами ¹⁰. Затем они прошли по всем селениям Кайтага (л. 28 б). Все эти десять храбрецов погибли в сражении против неверующих на горе, называемой Ирчамул (Ярчамул) ¹¹. Их похоронили рядом с могилой известного шейха Джунейда из Багдада. В этих двух селениях (Барша и Ма'а) остались жить их (погибших) родственники.

После этого население Кайтага (л. 29) собралось в местности, называемой Балхас ¹¹, и они разделили земли селений Барша и

¹¹ На этом обрывается текст списка «Б».

Ма'а, а также территорию под названием Семс¹² на две части: одну часть они взяли себе для совместного использования, а другую — оставили жителям селений из-за тех талханов, которые погибли в сражении с ирчамульскими неверующими (л. 29 б).

В то время ирчамульцы захватывали в плен женщин, девушек и детей кайтагцев, а затем, получив от их отцов и мужей выкуп, отпускали домой¹³. Потом ирчамульцы совершили нападение на кайтагцев, но потерпели от них поражение, многие из ирчамульцев погибли, оставшиеся в живых приняли ислам с раскаянием перед кайтагцами и по справедливости (л. 30).

По истечении некоторого времени у кайтагцев появился жестокий шамхал. Он жил в Маджалисе¹⁴ и захватил у кайтагцев земли, расположенные в горах и на равнине. Тогда кайтагцы попросили себе помощь от жителей Дарго. Кайтагцы и жители Дарго (л. 30 б) собрались вместе в местности Урсал-куш (Гурсал-куш)¹⁵ и договорились (действовать совместно) вплоть до наступления судного дня. Они разрушили селение Маджалис, взяли в плен талхана-наильника вместе с его детьми (л. 31). Затем они (талхан и его дети) поклялись по шарпату и справедливости (больше не притеснять кайтагцев).

После этого кайтагцы потребовали себе талхана из потомков Аббаса из Мекки¹⁶ и они договорились с шамхалом Султаном (жить) в безлюдном (свободном) месте между рек Куйсув (Къуйсув) и Хумри (Хумри)¹⁷ (л. 31 б).

После прихода в (Дагестан) сирийских войск, они захватили его место и дали ему название Шамхал. После этого родившемуся на этом месте ребенку дали имя Шамхал по названию этой местности¹⁸ (л. 32).

Затем пришел сам Шамхал-талхан со своими родственниками и насильственно захватил на этой стороне город Маза¹⁹, и он разрушил в этой стране у неверующих много селений, завладев имевшимся в этих селениях всем богатством и имуществом (л. 32 б).

После этого Шамхал-талхан договорился с урцмуцинскими²⁰ талханами. Этими талханами являются Исмаил-бек и Хасан-бек. Он брал подать (харадж) со всех горских жителей вплоть до страны Чамахи.

Ты знай традиции и обычаи потомков Хамзата (л. 33). В отношении между собой, в исполнении обязанностей талхана, в своих решениях, в сборе подати в своей стране было так, как мы напомнили. Затем после этого, этот человек (талхан) — потомок Хамзата (л. 33 б).

На должность талхана избирали старшего по возрасту и независимо от того, что он богатый или бедный. Этот талхан собирает со своей страны подать. Из этой подати он брал себе одну пятую часть, а остальную подать он раздавал своим окружающим юзбани, талханам, почетным людям, живущим в его стране (л. 34). В родственных отношениях (у потомков Хамзата) была в традиции послушность (покорность) талхану, уважение и возвеличива-

ние его. Эту традицию они соблюдали из-за уважения к своим старшим (предкам) и ради освящения слов и поступков пророка Мухаммада (л. 34 б)».

На этом обрывается текст списка «А», в нем не хватает последнего листа. Нехватающий в списке «А» текст содержится в списке «В». В конце списка «В» написано: «В это время дела всего Дарго находились в селении Бутри, а дела Кайтага — в селении Барша, а дела Ирчамула — в селении Уркаха²¹. Каднем Дарго был шейх Мухаммад, умерший в сражении с неверными кубачинцами; в этом сражении он оставшимся от шейха Яхья посохом убил до 40 кафиров. А каднем в Кайтаге был Манас б. Нух из Бутри, а в Ирчамуле — Хаджи Саид из Ширвана»²².

ПРИМЕЧАНИЯ К ПЕРЕВОДУ

¹ 200 г. х. = 815—816 г.

² В списке «Б» — 5000 человек.

³ Талхан (Талхъан) — по даргински означает князь, феодальный правитель. См.: Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Хюрклинский язык. Тифлис, 1896, с. 583, 644; Алиев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972, с. 23, 209. Термин «талхан» (талхъан) в даргинском языке употребляется и в значении мужественный, внешне подтянутой и пользующийся авторитетом среди населения мужчины.

⁴ В списке «Б» имя этого талхана — Газанфар (Гъазанфар, Гъадапфар).

⁵ О нем см.: АКАК, т. 2, с. 1074—1075.

⁶ Возле селения Хадаги (Нижний Кайтаг) в лесу с помощью местного жителя Магомеда Курбанова нам, членам историко-археологической экспедиции: Г. М. Айтберову и автору этих строк, в 1982 г. удалось обнаружить древнее кладбище под названием «Хуладнаала харби» («Могилы дедушек»). На этом кладбище мы нашли около 20 каменных саркафагообразных могил с куваческими надписями, а также остатки здания древней мечети. По сведениям Магомеда Курбанова, недалеко от этого кладбища сохранились остатки средневекового Ашра, жители которого похоронены на этом кладбище.

Согласно бытующего среди местного населения предания, в этом селении (Ашра) жил талхан южного Кайтага. Этот талхан совершал набеги на другие кайтагские села, отбирал у их жителей пахотные земли, сады, имущества, плеял их женщин, девушек. Тогда жители кайтагских селений собрались и напали на селение Ашра, разрушили его и убили его талхана-насильника.

⁷ Габшима (Хабшима) и Бутри — селения современного Акушинского района ДАССР.

⁸ В списке «В» сказано, что эти десять проповедников ислама — выходцы из селения Бутри. Об этом же говорится и в исторических преданиях. (См.: Магомедов Р. М. Памятник истории и культуры даргинцев XVII в. Махачкала, 1964, с. 11—12; Он же. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977, с. 136.

⁹ Ма а (Maḡla) и Барша — эти два расположенные рядом селения Нижнего Кайтага. С течением времени увеличилась численность их населения и оба селения срослись в одно под названием Баршамы (Баршамай).

¹⁰ Ирчамул (Ярчамул) — на кайтагском диалекте даргинского языка означает девять, а в данном тексте — название территории девяти верхнекайтаг-

ских населенных пунктов (ирчамульский магал), куда в средневековье — примерно в XIV в., заселились девять кайтагских тухумов.

Согласно преданию, рассказанному мне в 1981 г. *Абдурагимом Саламович* и другими жителями ирчамульского магала, примерно до XIV в. предки современных ирчамульцев жили на равнине. Тогда в их руках находились нефтяные месторождения, соляные озера, пахотные поля, сенокосы и другие угодья, расположенные ниже современного селения Яшикент Кайтагского района. Войска Тимура сожгли селения этих предков ирчамульцев, захватили их имущество и издевались над их женщинами. Не вытерпев издевательств чужеземных грабителей, предки ирчамульцев вынуждены были покинуть обжитые места и переселиться в горы. Переселилось девять тухумов. Один из них построил селение. Пока строили каменные дома, они жили в шалашах, построенных из бурок (по кайтагскому диалекту даргинского языка — *варси*) и столбов (— *тал*). Поэтому это селение стали называть *Варситал* или *ВарситI*. Другой тухум обосновался на вершине горы, возле огромного дерева под названием *Бажли*, и построенное здесь селение стали называть *Бажлук*. Третий тухум переселился в местность *Кирки* (*Хъирхъи*) и это селение называли так же и т. д.

Со временем увеличилась численность населения и количество населенных пунктов, и Ирчамульский магал стал одним из мощных и крупных в Кайтаге. По сведениям *Е. И. Козубского*, в конце XIX в. из всех 49 селений с общей численностью 11492 человека Кайтагского наместства, в Ирчамульский магал входили 21 селение с 3503 жителями. (*Козубский Е. И.* Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895, с. 300—305).

В настоящее время на территории, считаемой Ирчамульским магалом, имеются следующие одиннадцать селений: *Антил* (*Гантил*), *Пиляки* (*Пиляхъи*), *Киршик* (*ГъаргъечIи*), *Шурагат* (*Шурагъат*), *Варсит* (*ВарситI*), *Эклуга* (*Гецк-лугъа*), *Кирки* (*Хъирхъи*), *Турага* (*Турагъа*), *Шиланша*, *Бажлук*. Кроме того, в этом регионе сохранились остатки более 10 древних населенных пунктов, в том числе средневековых: *Джалаги* (*Жалагъи*), *Бартуга* (*Бартугъа*), *Ургаха* (*Ургъагъа*), *Чидажа* и др., а также многочисленные древние кладбища и иные памятники средневековья.

11 *Балхас* — заросший лесом склон горы, обращенный в сторону Родникового поселка Кайтагского района.

12 *Семе* — по даргински означает «речной ил» (осадок), а в тексте безымянного сочинения по истории средневекового Кайтага — название плодородной равнины, начиная от Родникового поселка до территории консервного завода Кайтагского района.

13 Об этих насильях ирчамульцев говорится и в бытующем среди местного населения историческом предании.

14 В нынешнем Кайтагском районе.

15 Мне еще не ясна локализация этой местности.

16 В списке «Г» сказано, что после того, как объединенные силы Кайтага и Дарго расправились с жившим в Маджалисе талханом, кайтагцы назначили себе нового талхана по имени *Хула-Мухаммад* (старший *Магомед*).

17 Река *Хумри* (*XIумри*) — эта *Гамри* (*XIамри*)-озень.

18 Об этимологии термина «шамхал» имеются различные мнения. (См.: *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975, с. 130—132).

19 *Маза* — селение, расположенное на территории современного Ахтынского района ДАССР.

²⁰ Урцмуци (УрцІмуцІи) — название селения Кала-Корейш (резиденция Кайтагских удмиев), которое было расположено возле селения Кубачи современного Дахадаевского района. (См.: Козубский Е. И. Указ. соч., с. 324—326.

²¹ Уркаха (Ургагъа) — селение, расположенное в Ирчамульском магале в покрытом лесом горах около современного селения Шиланша. Остатки древнего селения Уркаха и кладбище его жителей сохранились до наших дней.

²² Выражаю признательность М. М. Абдулкеримову и М. Г. Нурмагомедову за перевод списка «В» с арабского на русский язык.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

**О БОРЬБЕ УЦМИЙСТВА С ЭКСПАНСИЕЙ
СЕФЕВИДСКОГО ИРАНА В СЕРЕДИНЕ 40-х гг. XVII в.**

В исторической литературе неоднократно рассматривался вопрос о событиях 1645 г. в Кайтаге, когда уцмю Рустам-хану пришлось бороться с иранскими войсками, поддерживавшими проиранского претендента на уцмийство, его племянника Амирхан-Султана¹. В результате исследованиями, вкратце, установлено следующее: в 1645 г. уцмю первоначально удалось нанести поражение Амирхан-Султану и поддерживавшему его иранскому отряду²; только после получения подкреплений претендент вынудил Рустам-хана отойти в Верхний Кайтаг³; Амирхан-Султан принял меры к внешнеполитической изоляции уцмья⁴; Россия предприняла успешный дипломатический демарш перед Ираном, потребовав вывести шахские войска из Кайтага⁵. По утверждению М.-С. К. Умаханова, Амирхан-Султан не смог окончательно победить Рустам-хана, в результате чего Кайтаг «оказался поделенным на две части, между правителями которых в XVII веке не прекращалась борьба»⁶.

Проведенные нами изыскания в Центральном государственном архиве древних актов позволили выявить ряд документов, уточняющих датировку и более подробно освещающих историю данного дагестано-иранского конфликта.

Приведем, прежде всего, данные о личности Амирхан-Султана. Согласно полученным в Дербенте в конце декабря 1646 г. русскими посланцами в Иран С. И. Козловским и И. Зиновьевым сведениям, он являлся сыном уцмья Амир-Гамзы, убитого Рустам-ханом⁷. Амир-Гамза был «большим братом» Рустам-хана⁸ и убит не позднее 1616 г.⁹ После гибели отца Амирхан-Султан бежал к шаху Аббасу I и «жил в кизылбашех» (т. е. в Иране — А. Ш.)¹⁰. Ставленник Ирана в Кайтаге, он известен также как Аббас-Кули-хан (раб Аббаса — А. Ш.)¹¹, приняв это имя, скорее всего, в угоду шаху Аббасу I или Аббасу II.

Относительно причин нападения шахских войск на Кайтаг следует отметить, что Рустам-хан совершил ряд действий, которые могли вызвать недовольство Ирана. В 1642 г. шахские чиновники в Дербенте говорили русским посланцам, что уцмий «шаховых людей грабит и побивает»¹². Обвинялся он и в потворстве убийству

польского посла Шенберга¹³. В 1643 г. уцмий участвовал вместе с Казаналпом эндерейским в нападении на Тарки¹⁴, владение шамхала Сурхай, имевшего тесные контакты с Ираном. Представители шахской администрации говорили о кайтагцах в 1642 г., что «они де стали самовольны, никого не слушают»¹⁵. Ещё шах Сефи I планировал нападение на уцмю, «хотел на него послать своих ратных людей»¹⁵.

Что касается непосредственно борьбы уцмю Рустам-хана с иранскими войсками, то выявленные нами данные позволяют утверждать, что кайтаго-иранский конфликт продолжался в 1646 г. Примечательно, что в нем на стороне Амирхан-Султана участвовали представители шамхальства Казикумухского. Так, 9 августа 1646 г. приехавший в Терки «из гор ис Кумык индеец Бедилейко Челюлеев (видимо, индийский купец — А. Ш.) сообщил терским воеводам, что «невдавне» войска Рустам-хана в бою «убили дербенского Байрям солтана да кумыцково буйнатцкова владельца Бибагаматова сына Мурзу»¹⁷, и Амирхан-Султан после этого послал «к шаху людей своих наскоро» за помощью¹⁸. По его сообщению, они были убиты «на приступе», т. е. во время штурма укрепленного пункта, скорее всего — Кала-Корейша¹⁹. Есть сведения о ранении тогда же самого Амирхан-Султана²⁰. Произошел этот бой незадолго до 9 августа и не ранее конца июня 1646 г., поскольку 3 июля 1646 г. астраханские воеводы получили сообщение о прибытии шахского гонца Мурат-хан-бека, привезшего письма от дербентского Бахрам-султана²¹.

В ноябре 1646 г. на помощь Амирхан-султану двинулся шамхал Сурхай со своими войсками²². 16 ноября 1646 г. уздень кн. М. Черкасского Н. Табурии сообщил терским воеводам, что шамхал стоит с войском вблизи Утемиша и сзывает к себе других владельцев для похода на Рустам-хана²³. Он же сообщал чрезвычайно любопытные сведения: «кумыцкие де люди говорят так будет пондет Сурхай шевкал без шаховых ратных людей на уцмея и они де кумыцкие люди все пойдут на него уцмея с ним Суркай шевкалом вместе а будет де Суркай шевкал на уцмея пондет с шаховыми ратными людьми и они де кумыцкие люди все станут с уцмеем заодно против ево Суркай шевкала и шаховых ратных людей и шаховых де ратных людей в Кумыцкую землю пустит не хотят», опасаются того, что «завладеет де шах всею их Кумыцкою землею»²⁴. Это сообщение — свидетельство дальновидности дагестанцев, не без основания опасавшихся усиления и расширения иранской экспансии в Дагестане. Поддержка же шамхалом Амирхан-Султана объясняется давними связями шамхала с Ираном и желанием отомстить Рустам-хану за его совместное с Казаналпом эндерейским нападение на шамхальское владение Тарки в 1643 г. Однако и шамхал Сурхай был далек от безоговорочной поддержки иранских акций в Кайтаге. Так, согласно полученным в 1646 г. в Шемахе русским гонцом в Иран Я. Родноновым сведениям, шамхал был против строительства в Кайтаге иранской крепости, якобы заявив Хосров-хану шемахинскому, что «в уцмееве деревне городу

шахову отнюд быти не уметь искони де того не бывало чтоб в Ку-мыцкой земле шаху города ставить за то де станут всеми горами» и об этих речах Сурхая хан писал шаху²⁵. Дальнейшей эскалации военных действий, судя по имеющимся сведениям, не произошло. 18 декабря 1646 г. терский толмач С. Трофимов заявил воеводам в Терки, что в Кафиркумухе местный владетель «Амалхат» (Умалхад — А. III.)²⁶ сообщил ему следующее. Он, Умалхад, с шамхалом и иранским войском был в Башлах, где готовился поход на Рустам-хана, однако «прежней уцмей с нынешним уцмеем помирился», Амирхан-Султан и Рустам-хан обменялись заложниками²⁷. После этого шамхал с «ратными шаховыми людьми» пошел в Дербент, а шамхальские войска разошлись «в свои владенья»²⁸. Согласно заявлению шамхала русским послам в Иран 1 января 1646 г. в Дербенте, окончательно мир «прежнево уцмей Руслем хана с новым уцмеем» был заключен в Дербенте, при посредничестве его, шамхала²⁹. В его заключении наверняка принимал участие и беглербег Ширвана, прибывший к этому времени в этот город с войсками ввиду предполагавшегося большого похода в Кайтаг³⁰.

По утверждению Умалхада кафиркумухского, мир был заключен «на том что ево прежнево уцмня не изгонять а жить ему в Кара Курачех (Калакорейш — А. III.) и нового уцмей Амерхан-Солтановых людей ему прежнему уцмею не побивать»³¹. По дербентским сведениям послов С. И. Козловского и И. Зиновьева «прежний уцмий с новым уцмеем помирился на том что ему Руслем хану жить в Кара Курашех и Аббас Кулы хану жити в Кайдаках»³². Таким образом, по условиям мира, Амирхан-Султан был признан уцмием, а Рустам-хану позволялось остаться в Кала-Корейше, скорее всего — с определенными владельческими правами.

Сведений о дальнейших столкновениях между ними нет. Подведем итоги. Кайтаго-иранский конфликт оказался более продолжительным, чем считалось ранее: он продолжался по меньшей мере с осени 1645 г. по декабрь 1646 г.

В ходе его иранцы и их союзники потерпели 2-е серьезное поражение летом 1646 г. Шамхал и поддерживавшие его владетели во время конфликта выступили на стороне Амирхан-Султана. Казаналп же эндерейский по меньшей мере сочувствовал Рустам-хану³³.

Экспансия Ирана вызвала серьезную тревогу дагестанцев, что, вероятно, и побудило шамхала Сурхая к посредничеству в заключении мира. Несмотря на утверждение Амирхан-Султана в звании уцмня, считать безоговорочной победу Ирана нельзя, поскольку конфликт завершился компромиссным соглашением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бартольд В. В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1924; Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана.

М., 1965; История Дагестана. М., 1967, т. I; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке, Махачкала, 1976.

2 Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 88; Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 178.

3 Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 178.

4 Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 179.

5 Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 89; Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 182.

6 Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 181.

7 ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, оп. I. 1647 г., д. I, л. 558

8 Там же.

9 Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 70.

10 ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, оп. I. 1647 г., д. I, л. 558.

11 Там же.

12 Полевиков М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643 гг. Тифлис, 1928, с. 114.

13 Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Тбилиси, 1937, с. 340.

14 Умаханов М.-С. К. Указ. соч., с. 65.

15 Полевиков М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643 гг., с. 114.

16 Там же.

17 Бахрам-султан — правитель Дербента, упоминается в 1641—1642 гг. (См.: Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. I, с. 216). Мурза, сын Бий-Баммата — владетель Буйяка, участвовавший в убийстве польского посла Т. Шенберга в 1639 г. (См.: ЦГАДА, ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие горские дела, оп. I. 1640 г., д. I, л. 37).

18 ЦГАДА, ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие горские дела, оп. I. 1647 г., д. I, л. 120.

19 Там же.

20 Там же, л. 259.

21 Архив ЛОНИ АН СССР, ф. 178. Астраханская приказная палата, оп. I, д. 1772, л. I.

22 ЦГАДА, ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие горские дела, оп. I, 1647 г., д. I, л. 211.

23 Там же, л. 212.

24 Там же.

25 Там же, л. 259.

26 Умалхад, кафиркумухский владетель, упоминается также в 1659 г. (См.: ЦГАДА, ф. 121. Кумыцкие и тарковские дела, оп. I. 1659 г., д. I, л. 49).

27 ЦГАДА, ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие горские дела, оп. I, 1647 г., д. I, л. 213.

28 Там же.

29 ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, оп. I. 1647 г., д. I, л. 539,

30 Там же, л. 558, 565.

31 ЦГАДА, ф. 115. Кабардинские, черкесские и другие горские дела, оп. I. 1647 г., д. I, л. 213.

32 ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, оп. I. 1647 г., д. I, л. 558, 565.

33 Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв., с. 172.

Б. Г. АЛИЕВ, М.-С. К. УМАХАНОВ

СОЮЗЫ СЕЛЬСКИХ ОБЩИН В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ДАГЕСТАНА В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Почти половину территории средневекового Дагестана занимали союзы сельских общин. Точное количество их до настоящего времени не установлено. По сведениям С. Броневского в начале XIX в. в Дагестане насчитывалось 12 «федеративных республик»¹, под которыми он подразумевал союзы сельских общин (или «вольные общества»). По сведениям же А. А. Неверовского в середине XIX в. «вольных обществ» в Дагестане было 44². Е. Козубский³ и Х.-М. О. Хашаев⁴ насчитывали их более 60. Эта же цифра приведена в «Истории Дагестана»⁵. Р. М. Магомедов определил число союзов сельских общин в 68⁶.

Такое расхождение числа союзов сельских общин Дагестана проф. В. Г. Гаджиев объясняет тем, что «в кавказоведении еще не выработаны четкие общепризнанные определения союзов сельских общин, нет единого принципа их подсчета»⁷. Одни исследователи при подсчете берут за основу современные границы Дагестана, а другие — учитывают и джаро-белокавказские союзы сельских общин, ныне находящиеся в пределах Азербайджанской ССР.

Данная статья не преследует цели установления числа союзов сельских общин. Поэтому не станем акцентировать внимание на этом вопросе. Необходимо отметить, что дореволюционная историография архаизированно освещала социально-политический строй и общественные отношения в союзах сельских общин, сводила их к родовым, патриархальным отношениям⁸. Отголоски дореволюционных воззрений на характер и уровень общественных отношений в союзах сельских общин средневекового Дагестана находят место и в работах отдельных советских исследователей. Наиболее выразительно эти воззрения отразились в работе М. М. Блиева, в которой утверждается, что в XVIII в. в горном Дагестане «население объединялось в социально-экономических образованиях двух типов: в союзы сельских общин, находившихся на дофеодальной стадии развития, и в ханствах, представлявших собой раннефеодальные общества»⁹.

Дореволюционные исследователи недооценивали роль союзов сельских общин в политической жизни Дагестана, обходили вниманием их вклад в дело борьбы народов Дагестана за сохранение

политической независимости от иноземных завоевателей. Между тем, как указывалось в нашей исторической литературе, союзы сельских общин играли важную роль в политической жизни Дагестана¹⁰. Важный вклад внесло население союзов сельских общин и в борьбу народов Дагестана против иноземных завоевателей и захватчиков в XVII—XVIII вв.

В XVII—XVIII вв. постоянная внешнеполитическая угроза независимости Дагестана шла в основном с юга, поскольку иранские шахи, утвердившиеся в Закавказье, не прекращали своих агрессивных устремлений в отношении Дагестана. Цель агрессивной политики сменявших друг друга иранских правителей оставалась одной: каждый из них всеми силами и способами стремился захватить Дагестан, создать здесь опорные пункты для борьбы за господство как над Дагестаном, так и над всем Северным Кавказом¹¹.

Наиболее часто и в первую очередь в соприкосновение с иноземными завоевателями вступали жители союзов сельских общин южного Дагестана. Однако надо оговориться, что жители этих союзов сельских общин зачастую выступали вместе с населением феодальных владений. Согласно опубликованным А. Р. Шихсаидовым хронологическим выпискам Рамазана ал-Куштили, в 1610—1611 гг. «произошло сражение в стороне Астал между Зульфугарханом и Табасараном..., погибло множество мусульман и было отрезано много голов мусульман и голов рафизитов»¹² (под рафизитами имеются в виду кизылбаши, как называли тогда шахские войска). По мнению А. Р. Шихсаидова, эти события происходили вблизи одного из лезгинских селений Юхари-Стал, Орга-Стал или Ашага-Стал¹³. Это позволяет предположить, что в указанном сражении принимали участие и лезгины, которые находились под влиянием табасаранских майсумов. Не останавливаясь на подробностях этого конфликта, отметим, что это было второе столкновение шахских войск и табасаранцев, которых шах Аббас I хотел выбить с занятой ими еще при господстве турок на Кавказе территории в Шабране еще в 1607—1608 гг. В первом сражении кизылбаши были убиты до 1000¹⁴ табасаранцев, что вызвало возмущение во всем Дагестане.

Имеются сведения о том, что в 1614—1615 гг. жители табасаранских и кайтагских селений сражались с вторгнувшимися к ним кизылбаши¹⁵, которые в конечном итоге вынуждены были отступить. Вблизи современных селений агулов Арсуг, Худиг и Дулдуг имеются развалины разрушенных кизылбаши шести поселений. Как свидетельствуют полевые данные¹⁶, это явилось следствием нежелания агулов подчиниться иранским шахам.

Кровопролитную борьбу против захватнических устремлений шаха Аббаса I вели жители и Ахтыпаринского союза сельских общин, отличавшегося в тот период самостоятельностью и пользовавшегося большим авторитетом среди союзов сельских общин Самурской долины. В 1620—1621 гг. объединенные войска дербентского Бархудар-султана и шемахинского правителя Юсуп-хана по указу шаха Аббаса I напали на Ахты. В результате этого напа-

дения Ахты были настолько разрушены, что на их восстановление потребовалось восемь лет¹⁷. Такая жестокая расправа шахских войск с ахтынцами свидетельствует об упорном сопротивлении жителей Ахтыцаринского союза сельских общин агрессивной политике иранского шаха Аббаса I. В этом же факте можно усмотреть и интересное социального характера явление: здесь мы сталкиваемся с первым фактом выступления отдельного союза сельских общин против иноземных завоевателей.

Против захватнической политики иранских шахов в первой половине XVII в. боролись и сельские общины Верхнего Кайтага, которые после перемещения резиденции уцмиев в конце XVI в. на плоскость — в Маджалис, Башлы и т. д., по существу стали самостоятельными союзами сельских общин. Хотя нельзя сказать, что эти союзы сельских общин непосредственно вступали в конфликт с шахскими войсками по особенным своим противоречиям с ними. Это столкновение являлось следствием активного вмешательства шаха Аббаса II во внутренние дела Кайтага с целью насаждения в нем власти угодного ему Амирхан-Султана. Последний был племянником свергнутого Аббасом II с помощью иранских войск уцмья Рустем-хана, пытавшегося проводить независимую от иранских правителей политику¹⁸. Предыстория этой борьбы уцмья Рустем-хана с его племянником Амирхан-Султаном, утвердившим свою власть в Нижнем Кайтаге с помощью войск шаха Аббаса II, в исторической литературе освещена достаточно полно¹⁹. Поэтому здесь обратим внимание лишь на участие верхнекайтагских сельских общин в этой борьбе.

Согласно имеющимся данным, уцмий Рустем-хан отступил из Нижнего Кайтага в Кубачи, где укрывался некоторое время. Оттуда он вынужден был перебраться в старинную резиденцию уцмиев Калакорейш, представлявший из себя естественно укрепленную крепость, взятие которой в тогдашних условиях было нелегким делом. Тем не менее, Рустем-хан вынужден был покинуть Калакорейш и перебраться в крупный населенный пункт Уркарах, где также имелась крепость. Уркарахцы, видимо, поддержали Рустем-хана в его борьбе против объединенных с шахскими войсками отрядами Амирхан-Султана. Однако ввиду численного превосходства последних Рустем-хан вынужден был покинуть Уркарах. Согласно имеющимся сведениям последним местом укрытия Рустем-хана являлась ицаринская крепость. Ицаринцы, видимо, также поддержали Рустем-хана в его борьбе против шахских войск. Осажденные в крепости, несмотря на начавшийся голод и вынужденность питаться горными бураками, выдержали натиск шахских войск. В конечном итоге осаждавшие вынуждены были отступить и уйти, не выполнив поставленной перед ними задачи по ликвидации уцмья Рустем-хана. Поддержка, оказанная Рустем-хану уркарахцами, ицаринцами и другими окрестными сельскими обществами, дала ему возможность устоять в борьбе с Амирхан-Султаном, хотя его и поддерживали шахские войска.

В создавшейся ситуации эти события на первый взгляд кажутся

обыкновенной феодальной усобицей, суть которой заключалась в борьбе за власть в Кайтаге между уцмием Рустем-ханом и его племянником Амирхан-Султаном. Практически же тогда решался вопрос быть сельским общинам Верхнего Кайтага в зависимости от иранских правителей через их ставленника Амирхан-Султана или сохранить свою независимость, поддержав боровшегося против иранцев Рустем-хана. Именно поддержка союзов сельских общин Верхнего Кайтага гарантировала успех Рустем-хану в борьбе с шахскими войсками, проникшими в эту часть Кайтага. Однако Рустем-хану не удалось вытеснить Амирхан-Султана из Нижнего Кайтага. В результате этих событий Кайтаг оказался по существу поделенным на две части, борьба между правителями которых в XVII в. не прекращалась²⁰.

Позднее, в 1659—1660 гг. сын Рустем-хана Улуг оказался одним из руководителей антииранского восстания, в котором принимало участие до 30 тысяч горцев²¹. Среди восставших, кроме Улуга, были шамхал тарковский Сурхай и эндерейский владетель Казаналп со своими отрядами. Это восстание нанесло большой удар по колонизаторской политике иранских правителей на Кавказе, хотя оно и кончилось своего рода компромиссом²² между феодальной верхушкой дагестайцев и иранским шахом Аббасом II. Важно здесь подчеркнуть в частности участие в этой освободительной борьбе жителей кайтагских союзов сельских общин.

Важный вклад в освободительную борьбу народов Дагестана против иранских агрессоров в XVII в. внесли и другие союзы сельских общин даргинцев. Так, в селениях, входивших в бывший в прошлом союз сельских общин Каба-Дарго, сохранились предания о приходе на их территорию войск иранского шаха Аббаса I (1587—1629). Войска Аббаса I несколько раз приходили в Каба-Дарго. Первый раз они прошли через Каба-Дарго в Акуша-Дарго. Согласно имеющимся сведениям, это произошло в 1612—1613 гг. Персы прошли через селения Урахи (центр Каба-Дарго) — Н. Мулебки — В. Мулебки в Усша, где и произошло сражение между кизылбашами и горцами. Видимо, первый поход был не совсем удачным для кизылбашей, поскольку они по указанному маршруту снова предприняли поход в Акуша-Дарго в 1613—1614 гг.²³

Во время первого похода кизылбашей в Акуша-Дарго в сражении их с горцами было убито в один день 4400 горцев²⁴, как об этом свидетельствует надпись на надмогильном камне, обнаруженная на старинном кладбище вблизи селения Шукты²⁵ нынешнего Акушинского района. Такое большое количество погибших горцев является свидетельством их упорного сопротивления завоевательным устремлениям иранского шаха. Имеется и другое свидетельство участия союза Акуша-Дарго в борьбе против агрессивной политики шаха Аббаса I в отношении Дагестана. Согласно надписи на полях арабоязычной рукописи «Халлух ал Иджаз», переписанной в 1612—1613 г. жителем селения Акуша, «когда шла война против шиитов (иранцев — Б. А. и М.-С. У.) и Юсуп-хана с Дарго и Сюрги..., в конце концов Дарго победило над Юсуп-ха-

ном и неприятелями» и уничтожило из отряда Юсуп-хана «2000 человек, носивших оружие»²⁶. Видимо, и этот поход Юсуп-хана, являвшегося наместником Аббаса I в Ширване²⁷, не привел к желанным шахом результатам. Поэтому и последовал поход шахских войск под Усша и в 1613—1614 гг.²⁸, об итогах которого, к сожалению, нет никаких дополнительных сведений.

Мы имеем фольклорного характера сведения о приходе войск шаха Аббаса I под аул Урахи и об его осаде ими²⁹, а также об упорном сопротивлении осажденных племенным завоевателям.

Имеются также сведения о приходе шахских войск под Урахи в конце XVII в. В частности, на одной из арабских рукописей, обнаруженной в Мекке, сохранилась надпись о том, что в 1100 году хиджры (1689 г.) в селение Хурук пришли кизылбашские войска. В этой же рукописи имеется запись, в которой отмечается, что войска рафизитов пришли в Баршулу во время Али Султана в 1100 году. Как отмечено в историческом сочинении, «завоеватели пришли в Урахи по известному пути, который из селения Башлы вел в Маммаул-Кичи-Гамри», а оттуда в Урахи³⁰.

В целом, как видно из приведенного материала, даргинские союзы сельских общин оказывали иранским завоевателям серьезное сопротивление, не покорялись им и не дали им укрепиться в горной части Дагестана. Иранские шахи после этого все силы направили на утверждение своего господства над кумыками, жившими в основном в феодальных владениях в приморской, плоскостной части Дагестана. Покорив их, Аббас I рассчитывал начать борьбу за господство на всем Северном Кавказе³¹.

В борьбу за независимость Дагестана от иранских шахов в XVII в. были вовлечены и союзы сельских общин Западного Дагестана. Мы не располагаем архивными данными, подтверждающими этот тезис. Это можно утверждать, только ссылаясь на имеющийся историко-этнографический материал. Так, согласно полевым данным, собранным в Цунтинском районе ДАССР, рядом с селением Хупри в прошлом имелись три отдельных населенных пункта: Тариэль, Ишимхо и Кня. Согласно сохранившимся у дидойцев преданиям³², эти селения были разрушены кизылбашами. Часть жителей этих сел разбежалась, часть их была пленена кизылбашами и продана в рабство.

Такая же участь постигла жителей и селения Хибятль³³.

Указанные селения Хупри и Хибятль расположены на дороге, шедшей из Дагестана в Грузию через Кодорский перевал. Возможно, что войска шаха Аббаса I, находившиеся в первой четверти XVII в. в Грузии, и пытались проникнуть в Дагестан по этой дороге. Однако большого успеха шахские войска не достигли и углубиться в Дагестан с этой стороны они не решились. Возможно, неудачей шахских войск в этой части Дагестана и объясняется приказ Аббаса II, запрещающий возить в Аварию («в Уварскую землю» — по русским источникам³⁴) какие бы то ни было товары, что было равносильно объявлению своего рода экономической блокады Аварии. Шахские войска пошли в обход, чтобы проник-

путь в Дагестан через Северный Кавказ, но сопротивление осетин³⁵ и кабардинцев³⁶ вынудило их отказаться и от этого плана.

Союзы сельских общин Западного Дагестана отстаивали свою независимость и от грузинских правителей, пытавшихся в разные периоды подчинить их своей власти. В этой борьбе союзы сельских общин Дагестана оказывали взаимопомощь. Так, например, когда в 1640 г. кахетинский царь Теймураз напал на дидойцев и захватил часть их территории, дидойцы с помощью соседних союзов сельских общин изгнали отряды Теймураза³⁷ и положили конец его притязаниям на господство над ними.

Все это свидетельствует о том, что в XVII в. союзы сельских общин Дагестана принимали активное участие в борьбе за независимость Дагестана от иноземных правителей, главным образом от сефевидских шахов Ирана.

В конце XVII—начале XVIII в. Дагестан оказался в орбите международных интересов Турции, Ирана и России, издавна соперничавших между собой за овладение Кавказом. Особенно большую опасность представлял шахский Иран. В Дербенте находились султаны, которые, по словам И.-Г. Гербера, «всегда присылались от шаха из Исфагана и великую власть имели над всеми к Дербенту подлежащими уездами»³⁸. Наместники шаха в Дербенте неоднократно предпринимали карательные экспедиции в Южный Дагестан с целью подчинить своей власти Табасаран и союзы сельских общин Самурской долины. Султаны дербентские, писал И.-Г. Гербер, «их яко подданными к Персии почесть хотели и к тому принуждать трудились и для того часто великая команда из Дербента посылалась, чтоб их силою под владение привести, однакож дагестанцы всегда противились и высланных дербентцев кровотокущими головами назад отсылали»³⁹. Дербент и другие места южного Дагестана испытывали на себе тяжесть иранского гнета. Постоянно растущий гнет, произвол и насилие вызвали протест со стороны дагестанцев.

В XVIII в. в районах приморского и юго-западного Дагестана все еще сохранялись воздвигнутые Сефевидами в период их могущества укрепления с воинскими гарнизонами. Они служили известным препятствием свободному передвижению населения и перегону скота из Дагестана на зимние пастбища Азербайджана, мешали развитию торгово-экономических связей Дагестана с Закавказьем. Как и прежде, шахи Ирана считали Дагестан своей территорией и на этом основании вмешивались во внутренние дела дагестанских владений⁴⁰. Сефевидский Иран и в начале XVIII в. представлял для народов Дагестана, в том числе и жителей союзов сельских общин, силу, угрожающую национальной независимости и способствующую усилению социального гнета. Этим объясняется и то, что «идея антифеодального протеста сливалась в сознании горцев с их антиколониальными устремлениями»⁴¹. Надо иметь в виду и то, что горцы Дагестана, будучи суннитами, подвергались и религиозным гонениям со стороны персов-шиитов. Опираясь на поддержку шаха, шиитские проповедники насильно распространяли

шизм среди суннитского населения южного Дагестана, открывали шиитские мечети и медресе⁴².

Все это, естественно, вызывало недовольство дагестанцев.

Первыми против владычества Ирана в 1707 г. восстали аварцы Джаро-Белоканского союза сельских общин, к которым присоединились цахурцы и азербайджанцы. К восстанию со временем включилась и часть феодалов и местного мусульманского духовенства, которые намеревались использовать выступления народных масс для того, чтобы укрепить свою власть, расширить границы своих владений⁴³. Захватив руководство восстанием, феодалы и духовенство сумели придать ему исключительно антииранский характер и оно приобрело религиозную оболочку, развиваясь под лозунгом борьбы правоверных суннитов против еретиков-шиитов⁴⁴.

Шах послал против восставших своего наместника в Кахетии Имам-Кулихана. При подавлении восстания было сожжено селение Джара⁴⁵.

В 1710 г. против феодального угнетения и колониального гнета начались восстания в Кайтаге⁴⁶. К восставшим примкнул уцмий Ахмед-хан, который придал восстанию исключительно антииранский характер.

В 1711 г. против иранских завоевателей снова поднялись жители Джаро-Белоканского союза, а также лезгинских союзов и лакцы. Во главе повстанцев стоял уроженец сел. Дедели Мюшкурского уезда Хаджи-Дауд. Уцмий Кайтага отправил к Хаджи-Дауду отряд под предводительством Муртузали. Повстанцы взяли Шабран, затем Дербент и Худат и, расправившись со сторонниками Ирана, убили кубинского правителя Султан-Ахмед-хана. Одновременно с этим повстанцы Джара, Тала и Цахура разбили в Нухинском уезде шахские войска, возглавляемые правителем Ширвана Гусейн-Али-ханом.

Вскоре после взятия Худата в Кубинское ханство прибыли уцмий Кайтага Ахмед-хан и правитель Казикумуха Сурхай с многочисленными ополчениями, значительная часть которых состояла из жителей союзов сельских общин. После встречи Хаджи-Дауда с кайтагским уцмием Ахмед-ханом и с Чолак-Сурхаем движению была придана религиозная окраска и оно приняло более организованный характер. Хаджи-Дауд провозгласил лозунг борьбы за суннитское «правоверие» против шиитской «ереси»⁴⁷.

Весной 1712 г. объединенные отряды горцев во главе с Хаджи-Даудом и Чолак-Сурхаем осадили торгово-ремесленный и административный центр Северного Азербайджана Шемаху и штурмом овладели ею.

Затем повстанцы, разбившись на мелкие отряды, организовывали внезапные нападения на Акташ, Шебран, Пияз-Абад и т. д., и тем самым «сковывали и терроризировали шахскую администрацию»⁴⁸.

В 1719 г. шахские войска, воспользовавшись уходом основных сил восставших дагестанцев к себе в горы, захватили Хаджи-Дауда и заключили его в дербентскую крепость. Но Хаджи-Дауду уда-

лось бежать и он стал готовить новое выступление против Ирана. Этому способствовала и создававшаяся благоприятная обстановка — вторжение в Иран афганцев во главе с Мир-Махмудом. Хаджи-Дауд усилил антииранскую деятельность. Он рассылал в разные общества Дагестана письма с призывом подняться против Сефевидов, организовывал отряды, уговаривал феодальных владельцев Дагестана, которые в своих внешнеполитических акциях часто опирались на ополчения союзов сельских общин, выступить против Ирана. «Наиболее боеспособные людские резервы, на которые в своих внешних предприятиях старались опираться дагестанские князья,— пишет проф. Р. М. Магомедов,— были в горных вольных общинах. Успех или неуспех того или иного князя в любом деле во многом зависел от отношений вольных общин к тем или иным внешнеполитическим событиям. Так было и во время антииранского движения. Население вольных обществ играло активную роль в этом движении, и при определенных обстоятельствах вновь готово было спуститься с гор и поддержать крестьянство предгорий, страдавшее под властью иранских феодалов»⁴⁹.

Хаджи-Дауду и Сурхай-хану удалось собрать значительные силы и 21 июля 1721 г. они осадили Шемаху. Описывая эти события, И.-Г. Гербер прямо указывал на участие в них жителей союзов сельских общин. «...все куралинцы, курей, дагистанцы, лезгинцы и прочие из гор к ним пристали и с начала всю Ширванию и Кубу раззорили, потом пошли оные к Шемахе», — писал он⁵⁰. После 25-дневной осады город был взят. Беглербек Шемахи Хуссейн-хан и его военачальники («люди вышних чинов»), а также около 800 человек городской знати, как люди шаха, были убиты⁵¹. Город подвергся грабежу и разорению. При этом пострадали не только иранцы, жившие в Шемахе, но и русские купцы. Было разграблено товаров русских купцов на сумму около 4 миллионов рублей серебром или 500000 персидскою монетою⁵².

После взятия Шемахи повстанцы вблизи неё разбили войска гянджинского и эриванского ханов, затем осадили Баку, Ардебил, Дербент и другие центры. Многие ставленники шаха, в том числе и беглерберг Дербента (который еще «в 1720 г. побег свой взял в Персию к шаху»⁵³) бежали в Персию. Сефевиды были изгнаны из Дагестана и северного Азербайджана.

Хаджи-Дауд и Чолак-Сурхай разделили между собой освобожденные от Сефевидов земли. Пожимая сложность создавшейся обстановки, когда русское правительство потребовало возмещения убытков, причиненных русским купцам, они обратились в 1721 г. к турецкому султану, чтобы он принял их под свое покровительство (как писал И.-Г. Гербер, «поддались турецкому владению»⁵⁴) и прислал войска для продолжения войны с Ираном. Этим самым, пишет проф. Р. М. Магомедов, Чолак-Сурхай и Хаджи-Дауд отказались от борьбы за политическую независимость Дагестана и согласились на переход из-под власти шахского Ирана под власть султанской Турции⁵⁵.

Но в подданство Турции был принят один Хаджи-Дауд с при-

знанием его власти над всем Дагестаном и Ширваном. Все это усилило опасность турецкого вмешательства в дела Дагестана и Азербайджана. Желая обезопасить свои южные границы, Россия предпринимает решительные меры для предотвращения турецкого вторжения на Кавказ. В результате похода Петра I в 1722 г. прикаспийские районы Дагестана и Азербайджана были заняты русскими войсками. Согласно Петербургскому договору, подписанному 23 сентября 1723 г., эти земли признавались за Россией, что резко обострило русско-турецкие отношения. Но дело не дошло до военного конфликта. По Константинопольскому договору, заключенному между Турцией и Россией после долгих переговоров в июле 1724 г., за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Остальная же территория Дагестана (в том числе союзы сельских общин), Азербайджана, а также Грузия и Армения отошли к Турции.

Народы Дагестана и Закавказья, попавшие под власть Турции, оказались в тяжелом положении. По свидетельству князя В. В. Долгорукого, они были «так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и басурманы — все против них готовы, только просят, чтобы была им надежда на нас»⁵⁶. Дагестанцы давали отпор завоевателям и не позволяли им покорить себя. Так, по свидетельству И.-Г. Гербера, жители союзов сельских общин Самурской долины были «с турецкой стороны в покое оставлены», так как «силою их в подданство привести труд не заплатится, не почитая убытку, что к тому потребно будет»⁵⁷.

Более того, дагестанцы после Константинопольского договора не раз с оружием в руках выступали против турецких завоевателей. Они нападали на захваченные турками районы Азербайджана, не давали Хаджи-Дауду спокойно хозяйничать в его ханстве. Особенно же эта борьба усилилась после перехода на сторону борющихся дагестанцев казикумухского правителя Сурхай-хана, который, будучи обижен на турок за то, что он не был признан ханом Ширвана, не признал Константинопольского договора. Сурхай-хан не подчинился туркам, призывал к борьбе с ними горцев Дагестана. «Зурхай,— писал член комиссии по установлению границ,— свой уезд разделить отнюдь не дает, и турки ево к тому принуждать не хотят и не смеют и объявили России, что она вольна у Зурхай земли силою взять. Только понеже то учинить и взять трудно и еще то труднее содержать, того ради оная не окончена, поставлена в претензии, понеже Зурхай через свое богатство и частые подарки дагестанцам, куралинцам и прочим воровских народов к себе привлекал и оттого силен в почтении»⁵⁸.

Зимой 1725 г. Сурхай-хан с шеститысячным отрядом совершил поход на Мюшкюр для разорения деревни Деделли, где находился брат Хаджи-Дауда. Но взять ее Сурхай-хану не удалось. По свидетельству И.-Г. Гербера с Сурхай-ханом находились и жители союзов сельских общин Курелей и Курей, которые «за нево... крепко держутся»⁵⁹.

В борьбу с турками Сурхай-хан привлекал и жителей других союзов сельских общин. Когда турки попытались построить в Грузии крепость Толкараган и тем самым, закрыв для дагестанцев все выходы за кавказский хребет и лишив их продовольственного снабжения, принудить горцев к послушанию, джаробелоканцы, подстрекаемые Сурхай-ханом, напали на турок. Более 5 тыс. человек было убито, остальные рассеяны, а начатая крепость разрушена⁶⁰.

Видя невозможность подчинить Сурхай-хана, опиравшегося на горцев, Турция сначала передала ему Кабалу, а в 1727 г. предложила чин двухбунчужного пашы и жалованье 3 тыс. рублей. В 1728 г. Хаджи-Дауд был арестован и сослан на остров Кипр, где он и умер. Ханом Шемахи был утвержден Сурхай-хан.

В 1727 г. завершилось разграничение владений России и Турции на Кавказе.

В 30-е годы XVIII в. в результате освобождения от афганцев и прихода к власти Надира происходит усиление Ирана. Придя к власти, Надир возобновил в 1732 г. военные действия против Турции за возврат территорий, которые принадлежали раньше Сефевидскому государству⁶¹. Но это затрагивало и интересы России. Борьба за сохранение прикаспийских земель могла привести к войне с Ираном. Россия, готовясь к войне с Турцией за Азово-Черноморское побережье, не пошла на обострение отношений с Ираном. 21 января 1732 г. в Реште был заключен мирный договор между Россией и Ираном, согласно которому Ирану возвращались Гилян, Мазандаран и Астрабад. Иран же обязывался не допустить турок к Каспийскому морю.

После заключения Рештского договора военные действия были перенесены на Кавказ. Наиболее удобным пунктом для нападения на турок Иран считал Дагестан. В борьбу между этими двумя агрессорами оказались вовлечены и дагестанцы, в том числе и жители союзов сельских общин. Когда по приказу султана в Дагестан прибыло 25 тыс. крымское войско во главе с Фети-Гиресем, к нему присоединились Сурхай-хан, эдмий Кайтага и акушницы⁶².

После ряда побед Надира турки были вынуждены просить мира. Согласно Багдадскому мирному договору 1733 г. Турция обязалась уступить Ирану все ранее принадлежавшие ей территории. Однако властвовавший в Ширване Сурхай-хан не подчинился власти Ирана. Когда Турция приказала передать Ширван Ирану, Сурхай-хан убил привезшего этот приказ слугу правителя Астафы Мусы Талышинского и ответил, что завладел Ширваном при помощи мечей мусульман-лезгин, а не по пожалованию Турецкой державы⁶³.

В ответ на действия Сурхай-хана летом 1734 г. Надир двинул свою армию на Ширван. Сурхай-хан потерпел ряд поражений. Преследуя его, Надир двинулся в Дагестан. С этого времени начинается национально-освободительная борьба горцев Дагестана против персидских завоевателей, в которой самое активное участие принимали и союзы сельских общин.

По пути в Қазикумух Надир подверг грабежу и разорению Курах, Чирах, Хосрех, Кули, Кая и другие села. Разбив Сурхай-хана, он двинулся обратно на юг. Войска завоевателей грабили и разоряли все на своем пути. Горцы оказывали им сопротивление. Вблизи Ахтов они разрушили мост.

В начальный период борьбы с Надиром у дагестанских народов не было еще единства, они боролись с завоевателями в одиночку. Но в дальнейшем эта борьба принимает общедагестанский характер, в нее были вовлечены все народы Дагестана.

В марте 1735 г. в Ганджа между Россией и Ираном был заключен договор, согласно которому Россия уступала Ирану прикаспийские области. Затем Надир заключает договор с Турцией, по которому султан уступал Ирану Грузию, Восточную Армению и Азербайджан. После этого Надир приступил к покорению Дагестана. Однако дагестанцы не собирались покориться Ирану. Джаробелоканские аварцы, кубинцы, цахурцы, табасаранцы, лезгинцы не допустили у себя установления власти иранских завоевателей, на что последние ответили жестокими мерами. Посланные против горцев каратели разрушали селения, грабили имущество, издевались над населением.

Когда завоеватели были заняты в Джаро-Белоканах, кубинцы, ахтынцы и кюринцы осадили крепость Худат. В это же время против иранцев восстали табасаранцы, лакцы и кайтагцы⁶⁴.

Осенью 1735 г. Надир предпринял второй поход против дагестанских горцев. Он жестоко расправился с джарцами, а затем с Табасараном, откуда вторгся в земли кюринцев, кайтагцев. Надир совершает новый поход против Сурхай-хана, на стороне которого выступили и союзы верхнедаргинцев. После поражения Сурхай-хана вместе с другими владельцами вынужден был изъявить покорность и акушинский кадий⁶⁵. Однако и после этого горцы не мирились с потерей свободы и независимости. В 1736—1737 гг. в Ширване и Дагестане проходили крупные волнения. Весной 1736 г. Сурхай-хан во главе с горцами напал на Дербент и старую Шемаху.

В 1738 г. снова восстали жители Джаро-Белоканского союза. Был убит брат Надир-шаха Ибрагим-хан. Убийство брата и тревожные вести из Дагестана и Азербайджана, которые не признавали власти Ирана, заставили Надир-шаха предпринять поход на Кавказ. С начала февраля Надир-шах направил в Джаро-Белокану карательный отряд, который жестоко расправился с непокорными горцами⁶⁶.

Летом 1741 г. со 100-тысячной армией Надир-шах вторгся в Дагестан. На своем пути завоеватели встречали упорное сопротивление горцев, на что Надир отвечал зверствами. Озлобленный упорством дагестанцев, Надир уничтожил первые попавшиеся 14 аулов. Но чем больше враг свирепствовал, тем больше возрастало сопротивление горцев.

Бои с завоевателями происходили в районе Самура с жителями лезгинских союзов сельских общин, при Дарвахе, в Кайтаге,

близ Казикумуха, Кубачи и т. д. Везде горцы героически сражались с хорошо вооруженными и превосходящими войсками врага. Но Надир-шах жестоко подавлял выступления горцев. Сохранившиеся предания говорят о зверстве, жестокости перанских завоевателей и непокорности, упорстве, храбрости и героизме горцев⁶⁷.

В сохранившейся записи в арабской рукописи «Китаб далаил ал-хайрат» («Книга доказательств благодеяний») отражена героическая борьба сюргинцев против надировских войск. Пятнадцать дней нахкинцы, к которым на помощь пришли жители других сел Сюргинского союза и Акуша-Дарго, оказывали упорное сопротивление завоевателям. Они потеряли 1635 человек, селение было разрушено, в нем не осталось ни продуктов, ни скота⁶⁸.

Из Сюргинского союза завоеватели двинулись в Акуша-Дарго. В одной из схваток акушинцы перебили большую часть вражеского отряда, а остаток обратили в бегство. Надир-шах в ответ на это бросил на акушинцев свежие силы, которые жестоко расправились с непокорными горами⁶⁹.

Из Акуша завоеватели рассеялись в другие села Акуша-Дарго. Но везде они встречали отпор. Согласно преданиям, завоевателям не удалось взять селение Мекегн, во главе которого стоял храбрый, умный и волевой старшина Дехела Муртузали, организовавший оборону селения. Один из отрядов завоевателей, посланный в селение Н. Мулебки, также вернулся обратно, не добывшись своей цели⁷⁰.

Упорные сражения с надировскими отрядами вели жители верхнекайтагских союзов сельских общин. За оказанное сопротивление в селении Викри завоеватели разрушили его и даже мусульманскую мечеть, о чем сохранилась надпись. Во многих селах (Дибгашаи, Калкин, Меусиша, Карбачимахи и т. д.) завоеватели растоптали своей конницей на токах детей, стариков и женщин. До сих пор сохранились названия местностей («Шагыла гьуни» — дорога шаха, «Хела дурегин» — кровавый ток, «Хла шурегин» — кровавое озеро и т. д.), которые связаны с пребыванием и жестокостями, проявленными перанскими завоевателями в этих местах⁷¹.

Особенно упорное сопротивление оказали надировским войскам харбукцы, на помощь которым пришли жители всех окружающих сел. Более трех месяцев завоеватели не могли подступить к хорошо обороняемому селению. В сражении, происшедшем в местности «Чарбаркь» («Возврат»), завоеватели были разгромлены. Бросив оружие и две пушки, они бежали в свой лагерь. Напав на лагерь, харбукцы уничтожили его, захватили оружие, лошадей и пленных. Оставшиеся в живых перанцы бежали⁷².

Оказывая завоевателям отпор, основные силы дагестанцев отступали в высокогорные районы. Все, кто не желал признавать власти Ирана, бежали в Аварию, куда двинул свои войска и Надир-шах из Казикумуха. Осенью 1741 г. перанские войска вторглись в Андалал и расположились вблизи селений Чох, Согратль, Ури, Мегеб и др. Перед лицом опасности иноземного порабощения дагестанские горцы стали объединяться и стекаться в район предпола-

гаемого сражения. Когда войска Надир-шаха стали приближаться к Согратлю, согратлинский кадий разослал ко всем союзам сельских общин послания с призывом подняться на борьбу с завоевателями⁷³. Из тыла вражеских войск пробирались в Аварию лакцы, даргинцы, кубачинцы, лезгинны, кумыки, кайтаги и др.⁷⁴

В ряде сражений были уничтожены многочисленные отряды завоевателей. Решающее сражение между персидскими войсками и объединенными отрядами горцев произошло при селениях Согратль, Мегеб, Обох, Чох. Завоеватели потерпели страшное поражение. Шахские войска вынуждены были отступить. Горцы преследовали их вплоть до Дербента. Надир-шах потерял почти половину войска, 79 пушек, более 33 тыс. лошадей, верблюдов и мулов и большую часть вооружения и снаряжения⁷⁵.

Отступив в район Дербента, Надир-шах не оставил мысли покорить Дагестан и стал готовиться к затяжной войне. Для этого он занялся возведением укреплений и сторожевых башен. К северу от Дербента был построен укрепленный лагерь, который впоследствии получил название «Иран хараб» («Разруха Ирана»). Отсюда Надир-шах стал посылать карательные экспедиции в Табасаран, Кайтаг, Аварию, даргинские общества, кумыкские и лезгинские села. Только в 1742 г. Надир-шах трижды вторгнулся в Табасаран, но каждый раз вынужден был отступить⁷⁶.

Не добившись желаемых результатов, Надир-шах в октябре 1742 г. прекратил военные действия против дагестанских горцев. Он решил покорить их путем подкупов, привлечения на свою сторону феодальных правителей и старшин союзов сельских общин. Однако он и здесь потерпел неудачу.

Война с горами Дагестана не принесла ни славы, ни авторитета Ирану, она была непопулярна. Поэтому в феврале 1743 г. Надир-шах вывел свои войска из Дагестана.

Но выступления против иранских завоевателей не прекращались и после этого. За шахом в Дагестане числился только Дербент с прилегающей территорией. Дагестанцы направили свои усилия на освобождение от завоевателей и этого района. В период ираногурецкой войны широкие народные выступления опять начались в Ширване и Дагестане. К восставшим примкнул и Магомед-хан, сын Сурхай-хана казикумухского, который, по словам Г.-Э. Алкадари, привлек к себе «сообщников в Аварии и среди дагестанских старейшин» — руководителей союзов сельских общин, склонил на свою сторону также население Казикумуха, Кюры и Табасарана⁷⁷.

Посланные на подавление восстания персидские войска во главе с Гайдар-ханом были разгромлены, а сам Гайдар-хан убит.

В 1745 г. дагестанские повстанцы во главе с уцмием Кайтага Ахмед-ханом наголову разбили войска Гани-хана и взяли последний оплот завоевателей в Дагестане — Дербент. Тогда в Дагестан направился сам Надир-шах. Но и на этот раз его постигла неудача. В 1747 г. в результате заговора своих приближенных Надир-шах был убит в Иране.

Так бесславно и позорно кончились попытки Ирана покорить

народы Дагестана. В этой борьбе за свободу и независимость участвовали все народы Дагестана, в том числе и жители союзов сельских общин. Завоеватели, идя на Казикумух или Аварню, проходили через земли союзов сельских общин Самурской долины, кюринцев, агулов. Рассеявшись, отряды завоевателей доходили до сел Сюргинского союза, Акуша-Дарго. В войске уцмья Кайтага основную часть составляло население союзов сельских общин Каттагана, Шурканта, Ирчемула, Каракайтага и союзов Верхнего Кайтага. Главное сражение с надировскими полчищами произошло на территории Андалальского союза, в котором принимали участие представители и других союзов сельских общин как Аварни, так и даргинцев, лезгин и т. д. Все это является свидетельством большой роли союзов сельских общин в политической жизни и их важного вклада в освободительную борьбу народов Дагестана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, ч. I, с. 40.

² *Неверовский А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847, с. 19.

³ *Козубский Е.* Памятная книжка Дагестанской области на 1895 г. Темир-Хан-Шура, 1895, с. 165—405.

⁴ *Хашаев Х.-М.* Общественно-экономический строй Дагестана в XIX веке. На правах рукописи. (Материалы к сессии). Махачкала, 1954, с. 6.

⁵ История Дагестана. В 4-х томах. М.: Наука, т. I, с. 320.

⁶ *Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957, с. 363.

⁷ *Гаджиев В. Г.* Союзы сельских общин Дагестана. (Проблемы, история изучения, перспективы).— В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в. Махачкала, 1981, с. 5—6.

⁸ *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе. В 2-х томах. М., 1890; *Броневский С.* Указ. соч.; *Неверовский А.* Указ. соч.; *Березин И. Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. В 2-х частях. Казань, 1850; *Леонтович Ф. Н.* Алаты кавказских горцев. Одесса, 1882, вып. I.

⁹ *Блиев М. М.* Кавказская война: социальные истоки, сущность.— История СССР, 1983, № 2, с. 58.

¹⁰ *Умаханов М.-С. К.* Политические взаимоотношения союзов сельских обществ Дагестана в XVII—XVIII вв. — В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в., с. 63.

¹¹ *Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала, 1973, с. 158, 170—171, 178.

¹² *Шихсаидов А. Р.* Новые данные по средневековой истории Дагестана.— Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагфилшала АН СССР (далее: Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР). Махачкала, 1961, т. 9, с. 147.

¹³ Там же.

¹⁴ *Бакихинов А. К.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 97.

- 15 Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 154.
- 16 Полевой материал, собранный Ш. М. Ахмедовым в 1968 г.— Рукописный фонд Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагфиллиала АН СССР (далее: РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР), ф. 1, оп. 1, д. 37, л. 26.
- 17 Лавров Л. И. Южнодагестанский хронограф.— КСНЭ АН СССР. М., 1959, т. 32, с. 20—21; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964, с. 113.
- 18 Русско-дагестанские отношения XVII—первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Сост. Р. Г. Маршаев. Махачкала, 1958, с. 169.
- 19 Очерки истории Дагестана. В 2-х томах. Махачкала, 1957, т. 1, с. 99; История Дагестана. В 4-х томах. М.: Наука, 1967, т. 1, с. 273—274; Умаханов М.-С. К. Борьба народов Дагестана за независимость от иранских шахов в первой половине XVII века.— Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала 1969, т. 19, кн. 2, с. 22.
- 20 Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 181.
- 21 Там же, с. 189; Хрестоматия по истории СССР, XVI—XVII вв. Под ред. А. А. Зиминой. М.: Соцэкгиз, 1962, с. 685—689.
- 22 Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 197.
- 23 Ашев Б. Г. Памятники арабской письменности XVII—XVIII вв. по истории Верхней Даргинии.— Уч. зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Махачкала, 1970, т. 20 (серия общественных наук), с. 258; Он же. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв. Махачкала, 1972, с. 38.
- 24 Ашев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв. Автореф. дисс... канд. истор. наук. Махачкала, 1966, с. 7—8.
- 25 Там же; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 153.
- 26 Ашев Б. Г. Акуша-Дарго в XVII—XVIII вв., с. 7—8.
- 27 Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 97.
- 28 Ашев Б. Г. Памятники арабской письменности...; РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 371.
- 29 Далгат А. В огне революции. Махачкала, 1960, с. 5.
- 30 Ашев Б. Г. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв., с. 39.
- 31 Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 155—158.
- 32 Полевой материал, собранный Д. М. Магомедовым.— РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 489.
- 33 Там же.
- 34 РФ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, ф. 1, оп. 1, д. 305, л. 147.
- 35 История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, с. 125; Веселовский Н. И. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. СПб., 1892, т. 2, с. 381—382.
- 36 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII вв. М., 1963, с. 305, 307; Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения..., с. 161.
- 37 Джанашивили М. Известия грузинских летописцев и историков о Северном Кавказе и России. — СМОМПК. Тифлис, 1897, вып. 22, с. 58.
- 38 Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. — История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. Архивные материалы. Под ред. Косвена М. О. и Хашаева Х.-М. М., 1958, с. 85.
- 39 Там же, с. 77—78.
- 40 История Дагестана, т. 1, с. 340.

- 41 Там же, с. 341.
- 42 Магомедов Р. М. Общественно-экономический..., с. 317.
- 43 Неверовский А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинэв на Закавказье. СПб., 1848, с. 9.
- 44 История Дагестана, т. 1, с. 341—342.
- 45 Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931, с. 9.
- 46 Бакиханов А.-К. Указ. соч., с. 101—102.
- 47 Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала: Дагучпедгиз, 1968, с. 167.
- 48 История Дагестана, т. 1, с. 342.
- 49 Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 169.
- 50 Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 95.
- 51 Там же; История Дагестана, т. 1, с. 343.
- 52 Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869, ч. 1, с. 17; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965, с. 107.
- 53 Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 85.
- 54 Там же, с. 95.
- 55 Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 172.
- 56 Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. 4, т. 16—20, с. 955; Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 116.
- 57 Гербер И.-Г. Указ. соч., с. 78.
- 58 Там же, с. 102—103.
- 59 Там же, с. 103.
- 60 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 2, с. 88; История Дагестана, т. 1, с. 350; Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 179.
- 61 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 104—109.
- 62 Гаджиев В. Г. Указ. соч., с. 123.
- 63 Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, с. 75.
- 64 Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 187.
- 65 Хроника войн Джара в XVIII столетии, с. 38; Бакиханов А. К. Указ. соч., с. 121; Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 79.
- 66 Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 79.
- 67 Алиев Б. Г. Предания и легенды народов Дагестана.— В кн.: Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVIII—нач. XIX в., с. 159—166.
- 68 Магомедов Р. М. Легенды и факты. Из записных книжек историка. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1963, с. 119; Алиев Б. Г. Памятники арабской письменности..., с. 259.
- 69 Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 192.
- 70 Алиев Б. Г. Предания и легенды..., с. 161—162.
- 71 Там же, с. 164—166; Он же. Каба-Дарго в XVIII—XIX вв., с. 39.
- 72 Там же, с. 166.
- 73 Магомедов Р. М. История Дагестана, с. 193.
- 74 Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. 1, с. 165.
- 75 История Дагестана, т. 1, с. 367.
- 76 Бутков П. Г. Указ. соч., ч. 1, с. 213.
- 77 Алкадари Г.-Э. Указ. соч., с. 81.

А. Н. КОЗЛОВА

«НАМЕ-ЙИ АЛАМАРА-ЙИ НАДИРИ» МУХАММАД-КАЗИМА О ПЕРВОМ ЭТАПЕ ПОХОДА НАДИР-ШАХА НА ТАБАСАРАН

Эпоха Надир-шаха (1736—1747 гг.) — важнейший период истории Ирана, Среднего Востока и Кавказа. Постоянные завоевательные войны Надир-шаха принесли немало бед не только народам сопредельных стран, в частности Дагестана, но и иранскому народу.

Героическая борьба народов Дагестана с Надир-шахом в первой половине XVIII в. является одной из ярких страниц их истории. В этой борьбе они сумели отстоять свою независимость и нанести тяжелые удары завоевателям.

В дагестанской исторической литературе определенное место занимают исследования, авторы которых уделяют особое внимание походам Надир-шаха (7; 13). Однако уникальное трехтомное сочинение Мухаммад-Казима «Наме-йи аламара-йи Надири» до сих пор не использовалось в дагестанской историографии, хотя оно отличается богатым и разнообразным материалом, позволяющим осветить более подробно борьбу народов Дагестана с Надир-шахом. Объясняется это тем, что, во-первых, факсимильное издание этого сочинения, подготовленное к печати Н. Д. Миклауха-Маклаем, увидело свет только в 1960 г. (11), и стало доступно широким массам востоковедов-иранистов, и, во-вторых, тем, что не был сделан перевод глав, содержащих сведения о Дагестане¹. О борьбе народов Дагестана против войск Надир-шаха, в частности против войск под предводительством Ибрахим-хана, брата Надир-шаха и его наместника в Азербайджане, нами написана статья (6) по материалам, извлеченным из труда Мухаммада-Казима. Здесь же мы хотим изложить историю, связанную с первым этапом походов

¹ Надо отметить, что еще в 1938 г. те главы, которые имели сведения о туркменах и Туркмении были переведены и изданы (8). По этой рукописи были изданы и те главы, которые относятся к походу Надир-шаха в Индию, (10). Автором этой статьи переведены все главы, в той или иной форме связанные с Дагестаном, и вся работа готовится к печати. Публикация и перевод лишь отдельных глав, относящихся к различным регионам Кавказа и стран Среднего Востока, а не целого труда, объясняется тем, что труд Мухаммад-Казима очень обширен и охватывает период от рождения Надир-шаха до его гибели, включая всю его деятельность до и после коронации. Пока не возникла необходимость перевода этого труда полностью.

самого Надир-шаха в Табасаран. Этот период его походов очень слабо освещен в научной литературе. Надо сказать, что официальный историограф Надир-шаха Мирза Мухаммад Махди-хан Астрабади в известном труде по истории Надир-шаха /10/ дает краткие сведения об этом этапе похода на Табасаран. Он не пишет о поражениях Надир-шаха в Табасаране, не дает названий местности, где проходил бой, а лишь сообщает, что Ахмадхан уцмий после трехдневной битвы, не выдержав натиска войск Надир-шаха, бежал в Аварию; все жители Каракайтага подчинились Надир-шаху; укрепление уцмий разорено, а Сурхай и шамхал в этом походе находились при Надир-шахе. /16, 234/

В русских трудах, имеющих первостепенное значение для изучения истории Дагестана XVIII в., тоже очень немного говорится о походе Надир-шаха в Табасаран /3/. В труде в основном описывается продвижение самого Надир-шаха, но ничего не говорится об отрядах, посланных Надиром в различные районы Дагестана.

Мухаммад-Казим во втором томе своего сочинения отводит походу на Табасаран 5 глав /11, 293—315 б/, используя рассказы участников событий. Среди воинов Надир-шаха были и хорасанские стрелки и воины-узбеки.

Как мы знаем, Мухаммад-Казим долгое время жил в Хорасане и позже, по-видимому, встречался с участниками этого похода. Справедливости ради надо сказать, что автор довольно подробно описывает события, произошедшие в Табасаране, но не всегда называет места, где проходила борьба.

Как известно, весть о гибели брата Надир-шаха дошла до него в то время, когда Надир-шах был в Пешаваре и вел успешную завоевательную кампанию в Индии. Своим предводителям он заявил: «Дела областей Азербайджана таковы, что если описать тамошнее положение, то это происшествие (гибель Ибрагим-хана) станет поводом к осмелению врагов и ослаблению большинства храбрецов, сокрушающих ряды /неприятеля/. Если мы направимся в Иран, то все кочевые племена в Индии, Белуджестане и афганцы будут /нас/ преследовать и не допустят, чтобы хотя один человек ушел из этой страны (Индии — А. К.)». /11, 179 б/. Поэтому Надир-шах остался в Индии, а после покорения её «все мятежники и непокорные подчинились хакану-мирозавоевателю (Надир-шаху — А. К.)». После завоевания Туркестана, умиротворения тех областей и приведения в порядок дел округов в Хорасане, Надир потребовал в светлейшее присутствие и принял великих минбаши (тысячников) и высокопоставленных предводителей (*Саркардеган азам*).

Дело в том, что бузон сердца шахриара был подобно тюльпану, окровавленному и израненному, из-за страданий и горя по своему возлюбленному брату. День и ночь проводил он в мыслях о мести и наказании жителей Дагестана». /11, 290 а/

На этом приеме Надир-шах объявил своим военачальникам, что собирается мстить за брата: «Я взял под свою власть Хиндустан, — земли Турана и Ирана, а сейчас я так пожелал: С огромным,

бесчисленным войском вступить в царство Кумух и сделать новое клеймо (*даг*) на той стране². От такого клейма огонь пойдет по всему миру». /10, 290 а/ «В месяце упомянутого года /войско/ пришло в движение и, делая переход за переходом, двинулось в сторону Дагестана». /10, 290 б/

Несмотря на то, что автор не всегда указывает дату того или иного события (это основной недостаток первых двух томов этого труда)³, мы можем установить начало похода Надир-шаха в Дагестан, в частности в Табасаран, по книге Мехди-хана Астрабади «Тарих-и джихан-гушай Надири». Он в своей книге располагает основные события по годам. Так, он пишет, что пятнадцатого зу-л-хиджа 1154 г. х. (21 февраля 1741 г.) войска Надир-шаха прибыли к реке Каниг (Алазаль). /16, 227/

Месть за кровь брата послужила Надир-шаху предлогом для оправдания своих грабительских походов. Известно, что разноплеменное государство Надир-шаха и его правление держались только за счет награбленного в походах богатства, «ибо, — как пишет П. Г. Бутков, — ему не можно было иначе на похищенном престоле держаться, как имея всегда при себе армию, из разных варварских народов собранную, а оную пакн иметь и содержать ему нельзя было, как употреблением всегда против кого-либо, в надежде получения добычи». /3, 208/

Воины охотно шли в походы, так как Надир щедро награждал их. При этом раздел добычи производился соответственно положению, которое занимал награждаемый. Наш автор пишет, что Надир, пожаловав каждого из начальников и ханов соответственно их положению и чину, сделал их богачами в отношении имущества». /11, т. 1, 81 б/ Щедрые дары и раздел награбленного имущества не только привязывали воинов к Надиру, но и поощряли на новые походы, сулившие им еще большие награды в случае покорения той или иной страны. Все эти подробности, сообщаемые Мухаммад-Казимом, отсутствуют в других источниках, хотя именно эти детали убедительно вскрывают некоторые мотивы завоевательских походов Надир-шаха. Во всяком случае Надир-шах никогда подолгу нигде не задерживался.

Как известно, столицей Надир-шаха был город Мешхед, и «хотя этот город был его любимым городом, Надир даже там жил недолго. Он предпочитал проводить время в походах, чем в городах». /15, 191/

«По прибытии в те края (Дагестан — А. К.) /Надир/ назначил в Демуркаби примерно десять тысяч человек мулязимов⁴ стремени во главе с Мухаммад-Али-ханом Кырхлу» /10, 297 а/. «Дербентские ворота перед Надиром отворились, ибо Дербент сдан шаху еще

² Здесь игра слов: Дагестан (страна) и даг (клеймо). В персидском языке слово «клеймо» звучит «даг».

³ Третий том этого труда имеет определенные даты.

⁴ Мулязим — собственно «слуга». Так называли и простых слуг и вообще служилых людей: воинов, чиновников, обязанных службой феодалов, приближенных шаха.

русскими; он прошел через него и явился уже на северной стороне сего плато». /3, 212/ Лезгинны узнали о прибытии Сахиб-кирана⁵ и между собою порешили: «Лучше будет, если мы группу предводителей в качестве послов с покорностью и послушанием направим к победоносному стремени. Может быть /Надир/ не вступит в страну Дагестан, и наши деяния сочтет не бывшими, и вернется обратно. Некоторые же говорили: мстя за кровь своего брата, ни одного из нас не оставит в живых». /11, 297 а/

Как видим, из рассказа Мухаммад-Казима, феодальная верхушка не была сплочена воедино, и поэтому на первых порах табасаранского похода некоторые из феодалов не противодействовали Надир-шаху. «В конце концов порешили так: отправить группу людей к победоносному стремени и доставить многие дары и подношения. Лезгинский⁶ шамхал, уцмий, Муртаза-Али — сын Сурхая в Шемахе, удостоились чести целования порога и сделались гордыми и высокомерными вследствие безграничной шахиншахской милости». /11, 297/.

Надо отметить, что в данном случае Мухаммад-Казим, вероятно, ошибочно пишет о прибытии шамхала или не хочет открыто сказать, что самые главные предводители Дагестана к Надиру не явились, так как дальше он пишет: «Его величество мирозавоеватель не захотел выслушать их пустые слова и сразу отправил обратно. Сам же порешил так: Пусть все вернутся в свои края, а Сурхай, большой уцмий⁷, который есть их падишах и повелитель, должен удостоиться целования порога /Надира/ в округе Демуркаби (Железные ворота — Дербент). /11, 297 а/ Дагестанские предводители воспользовались случаем и все вернулись в родные места. Автор так пишет об этом: «Они (предводители) прибыли к Сурхаю и доложили шамхалу о встрече и сахиб-киранских милостях. Некоторые зловерные и испорченные люди говорили: «Поступки уника эпохи /Надира/ хитры и коварны. Намерения его таковы: когда высокопоставленный падишах шамхал и Сурхай явятся к нему, /он/ их пленит, подчинит всю страну Дагестан и проведет всеобщее избиение». Сурхай и прочие предводители решили бороться и биться, избрав мять своим помыслом». /11, 297 а—297 б/

Известно, что семья Мухаммад-Казима была связана с братом Надир-шаха Ибрагим-ханом, с юных лет сам автор служил у Ибрагим-хана и только после его смерти перешел на службу к Надир-шаху, поэтому труд свой он создал в тоне панегирика Надиру — «Сахиб-кирану». Мухаммад-Казим именует Надира «тенью Аллаха», государем-мирозавоевателем» и «государем семи климатов», его дворец характеризуется как «вместилище правосудия», а войско «победоносное» и «мирозавоевательное». Для противников же На-

⁵ Сахиб-киран: рожденный под знаком Венеры и Юпитера или Венеры и Солнца; обладатель счастливого сочетания звезд.

⁶ Мухаммад-Казим всех дагестанцев называет лезгинами.

⁷ Здесь Мухаммад-Казим имеет ввиду Ахмад-хана уцмия или же опять путает уцмия с шамхалом, т. к. несколько строк ниже речь идет о шамхале.

длар он не жалеет черных красок, называя их «разбойниками» (*дузд*), «чернью» (*аджамир*), «подопками» (*аубаш*) «невждами» (*аджлав*), «зловредными, злонравными и испорченными» (*баднехад*, *фасед*), а кто сопротивлялся и боролся с Надиром, тот был «бунтовщиком, поднимавшим мятеж и бунт».

Автор продолжает: «Дагестанские предводители решили, чтобы около пятидесяти тысяч туфенчи (стрелков) преградили проходы и входы в ущелья и установили охрану. Сам (Сурхай) послал людей во все города Дагестана вплоть до округов татаров⁸ и аваров, чтобы прибыли со своим войском» /11, 297 б/. Когда Надир-шах узнал о том, что Сурхай готовится к сражению «из местности Самур-чай /Надир/ направил поводья движения в Чирак⁹ в середине месяца¹⁰». /11, 297 б/ «К тому месту прибыли к священной особе /Надиру/ с покорностью и послушанием Масум-хан, Киан-хан, Курели и Сефи-Кули-хан¹¹, Хаджи Новруз, Огурлу Нугай, Асланбек, Мехди-бек, Махмуд-бек табасаранский¹². Все они обещали до конца своей жизни самоотверженно служить священной особе Надира, предоставлять ему сколько бы он ни пожелал воинов и заложников (*Ханевари*). С этой целью они отправили группу сахибкиранских ясаулов¹³ и воинов со своими кедхудами¹⁴ к своим племенам, чтобы они первым делом на своих выючных животных привезли продовольствие для победоносного войска в высочайший лагерь». /11, 297 б/

Как видно из текста, к Надир-шаху прибыли второстепенные владельцы, имена которых в известных нам русских источниках не встречаются кроме Ма'сум хана. Как пишет Неверовский, южную часть восточного Табасарана «составляло майсумство. Достоинство майсума было и есть наследственное в одной фамилии, но подвластные их никогда не отличались большою к ним преданностью, а потому власть и влияние этих владений были всегда слабы» /11, 18'.

Зная, что народ не очень подчинялся этим правителям, Надир для сбора продовольствия послал кедхудов со своими охранниками, и, как подчеркивает Мухаммад-Казим, приказал, чтобы оно было доставлено на выючных животных имешо дагестанских правителей, а самих правителей, вероятно, в качестве заложников, оставил у себя. Об этом свидетельствует следующее сообщение автора: «Упомянутые предводители остались на службе у Надира». /11,

8 Вероятно, Мухаммад-Казим имеет в виду крымских татар, которые подчинялись Турции и враждовали с Надиром.

9 Селение находится в Агульском районе на реке Чираг-чай.

10 Над словами «направил поводья в сторону» написано между строками другим почерком: «в середине месяца» года 1154 г. х. 1742. Месяц не указан.

11 После этого имени между строками добавлено еще одно имя: Хасфулад-хан-шамхал. Из последующего текста видно, что Хасфулад-шамхал к Надиру не явился.

12 После этого имени между строк добавлено «каракайтагский».

13 Яса-вол — «охранники, караульные, всадники».

14 В большинстве словарей кедхуда объясняется только как «староста», «старшина», «хозяин дома».

297 б/ Прибытие этих малых владетелей к Надиру объясняется тем, что они были заинтересованы в сохранении своих владений, а также с помощью Надира, возможно, надеялись и возвыситься. Далее автор пишет, что когда их «кедхуды прибыли в свои роды и племена /они/, отправили во все концы сборщиков налогов, чтобы те добыли и приготовили продовольствие для победоносного войска». /11, 297 б/ Эти предводители находились у Надира до тех пор, пока не было собрано продовольствие и не доставлено в его лагерь. Потом Надир отпустил предводителей с тем, чтобы пошли и успокоили остальных и привели их ко двору мирозавоевателя (Надира)» /11, 298 а/.

Мухаммад-Казим пишет: «Часть лезгин¹⁵, известная под названием табасаранцев, была зловреднейшей из упомянутого племени». /11, 298 а/

По его словам, в Табасаране было два предводителя: «один Кадн-хан, а другой Каранаф¹⁶. У каждого было под властью тридцать тысяч семей. Из предыдущего текста мы знаем, что Ма'сум находился у Надира, но когда Ма'сум-хан был отпущен и возвратился в свои края, чтобы поставлять продовольствие и мулязмов /в лагерь Надира/, ему сообщили, что Каранаф отправился к победоносному стремени». «С давних времен между этими двумя людьми была неприязнь. Из-за боязни и зависти, как бы мирозавоеватель не сделал бы Каранафа владетелем тех мест, Ма'сум хан с двумя-тремя тысячами харваров¹⁷ зерна и с другими дарами поспешил к Надиру» /11, 298 б/

Таким образом, у Надир-шаха побывали Масум-хан, Каранаф и остальные второстепенные дагестанские правители. Но Надир-шаху хотелось видеть у себя и таких влиятельных правителей, как Сурхай и шамхал. Он ждал их в течение нескольких дней, но тщетно /11:298 б/. Таким образом, феодальная верхушка Дагестана разделчилась. Часть была у Надира, а часть готовилась к сопротивлению.

В те районы, предводители которых побывали и находились у Надира, он ежедневно посылал суровых и строгих сборщиков продовольствия и заложников для возможного переселения в Хорасан. Это вызвало страх населения тех мест. Оно не желало попадать под власть иноземных завоевателей и вопреки воле своей феодальной верхушки решило сопротивляться. Мухаммад-Казим, хотя и восхваляет Надира и его победоносные войска, не может умолчать о сопротивлении, оказанном народом Дагестана. Он пишет: «Когда лезгины узнали о предстоящем переселении, страх

¹⁵ Мы уже упоминали, что Мухаммад-Казим всех дагестанцев называет лезгинами.

¹⁶ Мы знаем, что в Табасаране правили Ма'сум-хан и Кадн-хан. Вероятно, Каранаф просто очень владетельный человек.

¹⁷ Согласно персидским средневековым руководствам по административному делу, *харвар* (буквально «груз осла») представляет собой «груз лошади, вола, мула, или осла». Ясное различие между грузом вьючного животного и грузом верблюда также проводилось редко (17, 42).

и ужас овладели ими: не потребует ли теперь двух тысяч заложников, а когда подчинит всех целиком, то не отправит ли большую часть в Хорасан. Лучше будет, если мы доберемся до неприступных укреплений, прибегнем к защите тех мест и будем там сражаться. Может быть и не будем изгнаны с исконной родины в малоизвестную страну». /11, 298 б/ В это же время, как сообщает автор, прибыли гонцы от шамхала¹⁸, и довели до сведения жителей Табасарана следующее: «Нам стало известно, что вы также вошли в подчинение и повиновение унника эпохи (Надира). Если сказанное правда, то так взыщем с вас за это, что это станет назиданием /всем/ жителям Мира». /11, 298 б/ Узнав о смысле фирмана шамхала, они ответили, что и сами собирались оказать сопротивление Надиру и поэтому «В тот же день написали во все концы своих округов: в любом месте, где будут сборщики Сахибкирана из племени кызылбашей, задержать /их/ и убивать» /11:298 б/. За несколько дней многие сборщики продовольствия и те, кто набирал заложников, были убиты. Очень немногие, которые были добрее к местным жителям, смогли добраться до лагеря Надира и сообщить ему о случившемся. «От этих речей, подобно пламени страшного суда, разгорелось пламя гнева шахиншаха»¹⁹.

Надир приказал убить Каранафа, Кубад-хана, Масум хана и еще несколько человек «из почитаемых предводителей». /11, 299 а/ Были побиты все, кто привозил продовольствие в лагерь. Жители Табасарана узнали об этом злодеянии и решили драться до последнего, а как сообщает Мухаммад-Казим «Хакан, покоритель мира (Надир), приказал; «так как бунт и мятеж начали люди Табасарана и Рутула, лучше будет в первую очередь пойти на них, стереть их с лица земли и перебить жителей того края». /11, 299 а/. Для этого Надир приказал одному отряду, состоявшему из двух тысяч хорасанских стрелков, пойти на Табасаран и занять все ущелье, чтобы ни один табасаранец не мог выйти из своих мест. Однако табасаранцы собрали своих людей и преградили путь кызылбашам.

Мухаммад-Казим пишет: «Примерно тридцать тысяч лезгин закрыли вход в ущелье, ожидая прихода победоносного войска». /11, 299 а/

Думается, приведенные цифры (две тысячи кызылбашей и тридцать тысяч лезгин т. е. табасаранцев) не верны. По этим данным выходит, что табасаранцев было в пятнадцать раз больше, чем кызылбашей и все же бой длился целый день, и не было видно перевеса ничьей стороны. Когда же наступил вечер войны покинули поле сражения и вернулись в свои места. Легко можно предположить, что тридцать тысяч табасаранцев смели бы двухтысячный отряд кызылбашей, но этого почему-то не произошло.

¹⁸ Вероятно, речь идет не о Хасфулад-шамхале, так как тот был ставленником Надира.

¹⁹ Царь-царей, буквально «шах над всеми шахами».

В ту же ночь кизылбашии сообщили Надиру, что их войско мало-численно, и что многие побиты и ранены. Надир «назначил в помощь тем воинам Хан-Джаия — правителя Грузии, с подчиненным ему войском, которое насчитывало примерно десять тысяч. На следующий день Сахиб-киран с войском подобным страшному суду, также направился /туда'/». /II, 299 б/ Утром следующего дня битва возобновилась и, как пишет Мухаммад-Казим: «С обеих сторон началась смертельная стрельба. Каждый выстрел превращал в прах и кровь какого-нибудь храбрца. Но лезгинские мулязумы с вершин тех гор одолевали кизылбашей и каждая их стрела повергала на землю какого-нибудь молодца. Газии²⁰ джазаирчи (воины стрелки) поняли, что они повали в тяжелое положение». /II, 299 б/

Кизылбашии хотели перебраться в более безопасное место; но «лезгини увидели врага в таком положении, они сочли /это передвижение/ за слабость и бегство. Все вместе со страшным криком /лезгини/ спустились с гор и напали на упомянутых воинов. Газии туфенгчи не выдержали их натиска и отступили. Лезгини их окружили и каждый раз, когда стреляли, повергали в прах не менее трехсот-четырехсот человек». /II, 300 а/ В это время на помощь кизылбашам подошли грузинские войска, но наступила ночь и войска прекратили сражение.

На третий день битва продолжалась, и автор так описывает битву: «Со всех сторон Дагестана пришло много лезгин на помощь табасаранцам. Собралось огромное множество людей, так что гора, склоны её и вся земля были полны иенными лезгинскими стрелками. Со своей стороны кизылбашские газии, уповая на Али и Аллаха, вступили на поле битвы. С обеих сторон разгорелся базар битвы, и сколько кизылбашские молодцы не старались, ничто не помогло /им/. Час от часу росло могущество лезгинского племени. Целый день те два войска не щадили друг друга. Множество людей с обеих сторон было убито. Когда усталость овладела обеими сторонами поневоле, оба жаждущих мести войска направились к своим стоянкам. Но кизылбашские молодцы, среди которых было много раненных, ослабли духом. Они /кизылбашии/ удивлялись мужеству и жажде к победе победоносного племени /лезгини/'. /II, 300 а—300 б/

Как видим, Мухаммад-Казим довольно подробно пишет о сражении и неудаче надировых войск, хотя и пытается объяснить это поражение их малочисленностью.

Ночью лезгини окружили кизылбашское войско, и не пропустили ни одного гонца, пытавшегося добраться в лагерь Надира, чтобы просить у него помощи. На четвертый день опять возобновилось сражение. «Положение кизылбашских воинов сделалось трудным, они уже потеряли надежду, как вдруг, по милости единого бога задул щедрый ветерок и показались победоносные Надировы знамена. Дозорные отличили друзей от врагов и довели до августей-

²⁰ Газии — воин, сражающийся за ислам.

шего сведения, что лезгины окружили посланное им войско». /11, 300 б/ Надир послал отряд туркестанских войск, но лезгины приняв сражение, смогли отойти. Кизылбаши и Надир остались на этом месте, так как не могли продвигаться вперед.

Об этом рассказ в следующей главе, которую Мухаммад-Казим озаглавил так: «Отправка войск его Величества Сахиб-кираном в Дагестан и поражение воинов Владыки эпохи».

Сколько дней провел Надир-шах в Табасаране нам не известно; но Мухаммад-Казим далее пишет: «ко двору основы вселенной прибыло несколько раненных и искалеченных разведчиков, которые оставались дозорными в горах и ущельях тех мест. Они доложили Надиру: «Из места Барсарли²¹ и Дюбек²² прибыли лезгины и сражались с нами. Численно лезгин было больше, и мы не выдержали их натиска и отвернулись с поля битвы». /11, 301 б/ Надир послал разведчиков выяснить положение дел, а остальным воинам приказал быть в боевой готовности и выступить следом за разведкой. Разведывательный отряд выяснил положение дел и доложил Надиру «Сурхай, Рустам-хан Барсарли, Хасан-бек, Мамай-бек, Бек-Али, Амир-Хамза табасаранец, Муртаза-Кули Султан примерно с шестьюдесятью тысячами человек расположились на стоянке Дюбек и хотят сражаться с владыкой мирозавоевателем». /11, 302 а/.

Заслуживает внимания, что автор «Наме-йн аламара-йн Надири» упоминает много имен предводителей дагестанского войска, из которых ни одно имя, кроме имени Сурхай-хана, в известных нам персидских и русских источниках пока не встречалось. По сведениям Мухаммад-Казима, против Надира выступило довольно много феодалов Южного Дагестана.

Надир поспешил к селению Дюбек для сражения. «Лезгины заняли вершины и склоны той горы²³, со всех сторон преградили путь для движения, перекрыли проходы так, что если даже птица пролетала, они повергали её смертельным выстрелом». /11, 302 б/ Надир пришел в ярость и приказал стрелкам любым способом войти в ущелье и занять склоны горы. Сам же направился в ту сторону, где воевал Сурхай. В битве с Сурхаем Надир был ранен в руку, но не покинул поле битвы, лезгины же в битве были стойкими. Сражение длилось до темноты. Ночью лезгины ушли в горы, а Надир вернулся в свой лагерь. На следующий день он приказал своимтысячникам со всех сторон напасть на лезгин. «В течение часа ни та, ни другая сторона не могли одолеть друг друга» /11, 303 а/, но потом часть лезгин удалилась, остальные поднялись в горы. Мухаммад-Казим пишет: «В конце концов ветер победы подул в счастливое знамя Надира» /11, 303 а/, но тут же сообщает: «Надир послал разведчиков во все концы, чтобы они по возмож-

²¹ Вероятно, это селение Баршаман, ныне находится в Кайтагском р-не, или селение Башли (по-даргински Баршли) Каякентского района, оба эти селения находятся недалеко от Дюбека.

²² Дюбек — селение в Южном Дагестане.

²³ Автор не дает названия горы.

ности нашли пути в Кумух, Қайтаг и Табасаран, но это не увенчалось успехом, все проходы и тропы были заняты и укреплены лезгинами». /11, 303 а/.

Таким образом, Надир с войском был окружен. Поневоле они стали спускаться в долину, по лезгины в огромном числе и в полном снаряжении окружали кизылбашей. Надиру ничего не оставалось, кроме как разделить свое войско на отряды и послать в разные концы, чтобы прорвать окружение и выйти из него. «Двенадцать тысяч человек из хорасанских стрелков и туфенгчи под предводительством Заман-бека и Исмаил-бека, тысячникков из Мешхеда и десять тысяч во главе с Рахим-ханом узбекском должны были пойти на жителей Табасарана». /11, 303 а/

Другой отряд из одиннадцати тысяч человек был послан в Дюбек. Мухаммад-Казим не сообщает, кто руководил этим отрядом. В рукописи в этом месте оставлено место, которое так и не было заполнено.

Два отряда поспешно ушли в Табасаран. Примерно пять тысяч табасаранцев преградили путь надпровым войскам и между ними произошла тяжелая битва. Табасаранцы после первой битвы ушли в горы и перевели свои семьи на укрепленные вершины. Там собралось «около восьми тысяч табасаранцев, рутульцев и Масари²⁴, они решили идти в сторону Дербенда. Одновременно примерно десять тысяч человек аварцев пришли на помощь и поддержку того племени и они вместе направились в сторону Дербенда». /11, 303—303 б/

В изучаемом источнике автор сообщает нам интересный факт о том, что различные народы Дагестана перед лицом внешних врагов сплотились, и рука об руку вели борьбу против иноземных завоевателей. Как видим, аварцы пришли на помощь табасаранцам, а Сурхай-казикумухский с первых дней вместе с табасаранцами боролся против Надира. Смешанные отряды дагестанцев преградили путь кизылбашам.

Дагестанцы решили: примерно пятьсот человек послать вперед и преградить путь кизылбашам, заманить отряды Надира в горы. Основная масса дагестанцев спряталась в лесу, покрывавшем горы. «Победоносные воины с большой уверенностью вступили в те горы и увидели небольшое количество лезгин. Сразу же лезгины стали преследовать кизылбашей. Все стрелки джазаирчи, которых было примерно десять тысяч, сразу спустились в ущелье». /11, 304 а/ Отряд Рахим-хана узбека с туркестанскими воинами в тот день находился за горой.

В ущелье «в течение двух часов примерно восемь-десять тысяч человек /кизылбашей/ покинули этот беспокойный мир». /11, 304 а/ Заман-бек минбашни (тысячник) и тысяча человек из подчиненного ему отряда стояли на вершине тех гор и не могли продвигнуться и прийти на помощь, так как лезгины открыли смертельную стрельбу из тридцати-сорока тысяч ружей.

²⁴ Установить, кто такие жители Масари нам пока не удалось.

Поневоле /Заман-бек/ бежал с той горы и присоединился к Рахим-хану. А малая часть воинов, которых пощадила смерть, раненные и рассеянные, присоединились к узбекским казиям. Когда Рахим-хан увидел такое положение дел, волей-неволей он стал собираться для возвращения в ставку Сахиб-кирана. Когда мирозавоеватель узнал о происшедшем, он приказал связать руки и сбросить с вершины горы Заман-бека минбаши и еще четырех пятисотников и предводителей за то, что не оказали помощь в сражении» /11, 304 а/.

Таким образом, Мухаммад-Казим сообщает о жестокости Надир-шаха, расправлявшегося за свои неудачи даже со своими военачальниками. Отряд, который был послан в Дюбек, трое суток сражался с Сурхаем и отступил, а Сурхай ушел в горы. «Когда его Величество мирозавоеватель увидел столько смелости и отваги со стороны лезгин, поневоле вернулся в Дербент» /11, 304 б/.

Так закончился первый этап похода Надира на Табасаран. В этом походе, как сообщает Мухаммад-Казим, «большое число победоносных воинов было убито или взято в плен, а остальные газин были без оружия и экипировки. /11, 306 б/ Наступила зима, поэтому Надир двинулся в Ширван. Ту зиму его воины провели в округах Мугана, Ганджи, Карабага и прочих районов Шемахи, чтобы набраться сил и подготовиться к предстоящим походам.

История борьбы с Надир-шахом составляет одну из славных страниц прошлого народов Дагестана.

Еще раз важно подчеркнуть, что Мухаммад-Казим, ревностный почитатель Надир-шаха, несколько не сочувствовавший населению Дагестана, тем не менее вынужден был отдать должное мужеству, проявленному дагестанцами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Бакихинов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-Ирам. Баку, 1970.
- 2 Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927.
- 3 Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. /Сост. Бутков П. Г. СПб., 1869, ч. 1.
- 4 Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря, между Астраханью и рекою Курой, народах и землях и о их состоянии в 1728 году, сочиненное полковником артиллерии Иваном Густавом Гербером. Б. м., Б. г.
- 5 Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 1, кн. 1.
- 6 Козлова А. И. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана.— В кн.: Страны и народы Востока. М.: Наука, 1976, вып. 18.
- 7 Магомедов Р. М. Разгром войск персидского завоевателя Надир-шаха в горах Дагестана. Махачкала: Дагкиноиздат, 1940.
- 8 Материалы по истории туркмен и Туркмени. Т. 2. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.; Л., 1938.
- 9 Микорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. М., 1963.
- 10 Мухаммад-Казим. Поход Надир-шаха в Индию (извлечение из Тарих-и Аламара-йи Ндири). /Пер., пред. и прим. Петрова П. И. М., 1961.

¹¹ *Мухаммад-Казим*. Наме-йи Аламара-йи Надири («Мироукрашающая Надирова книга»). /Изд. текста, пред. и общая ред. Миклухо-Маклая Н. Д. Указатели и аннотированное оглавление Щегловой О. П. М., 1955, т. 2.

¹² *Неверовский*. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан. СПб., 1848.

¹³ *Тамай А. И.* К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743 гг.). — Ученые записки Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфиллиала АН СССР, 1958.

¹⁴ *Шемахеци Аюп*. Походы Тихмасп-Кули-хана (Надир-шаха) и избранное его шахом. /Пер. с армянского Тер Аветисяна. Ереван, 1932.

¹⁵ Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources by L. Lockhart, with a foreword by E. Denisson Rass, London, 1938.

¹⁶ *Мухаммад Мехди ибн Насир Астрабади*. Тарих-и джихангуша-йи Надири. Бомбей, 1309 г. х.

¹⁷ *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.

Г. М. МИРЗАМАГОМЕДОВ

К ИСТОРИИ БОРЬБЫ ДАГЕСТАНЦЕВ ПРОТИВ НАДИР-ШАХА

(По дагестанским арабоязычным источникам)

Дагестан в силу своего стратегического положения не раз в истории привлекал взоры иноземных завоевателей, которые огнем и мечом пытались покорить свободолюбивые народы этого края. Имя одного из них — шаха Ирана Надир-шах — стало для дагестанцев синонимом зла и крайней жестокости, с помощью которой он хотел поставить на колени народы Дагестана, но познал лишь горечь поражений и проклятия народов.

К изучению истории завоеваний Надир-шаха и возникших вследствие этих завоеваний освободительных движений угнетенных народов обращались многие советские и зарубежные исследователи. При этом широко использовались данные русских, персидских, армянских и грузинских источников. Особенно интересны, в этой связи, арабоязычные местные источники, ибо в Дагестане «основным и часто единственным общепринятым письменным языком оказывается арабский ... и на нем производится вся административно-деловая переписка»¹.

Основной объект нашего исследования — письма дагестанских владетелей. «Их основные преимущества в том, что они являются источниками не со стороны, а возникли в той самой среде, которой посвящены»².

Первая проба сил между вооруженным ополчением дагестанцев и войсками Надира (тогда еще именовавшего себя Тахмасп-Кулли-хан) произошла вне пределов Дагестана, на территории Ширвана³, близ Кабалы, где объединенные силы дагестанцев и азербайджанцев во главе с Сурхай-ханом Казикумухским потерпели поражение от регулярного, хорошо вооруженного персидского войска⁴. Сурхай бежал, оставив все деревни числом до 150⁵. В конце 1734 года, преследуя Сурхай-хана, «Тахмас-Кулли-хан со своим многочисленным войском вошел в вилайат Дагестана и завоевал город Гумук, и достигло его войско селения Шалиб»⁶; так скупое, всего лишь несколькими строками сообщает неизвестный дагестанский хронограф о начале кампании «умиротворения» Дагестана буду-

гим «Грозой Вселенной», продолжавшейся с небольшими перерывами до 1745 года и принесшей неисчислимые жертвы и страдания народам. Первый поход был недолгим, побыв неделю в Казикумухе и разграбив близлежащие села, надирово воинство вернулось назад⁷. Решив, что дагестанцы получили наглядный урок о силе его сружия и непобедимости его воинов, Надир стал рассылать письма и фирманы, требуя покорности и послушания. Однако за исключением некоторых феодалов, изъявивших покорность Надиру, большинство горцев, не желая покориться власти Ирана, уходило в горы, чтобы оттуда продолжать войну с персами⁸.

Среди первых, кто прибыл к Надиру с небольшим отрядом, был тарковский владетель Хасбулат, позднее он принял участие в сражении против лезгин в Кубинском уезде⁹. В награду за услуги, оказанные Хасбулатом, Надир восстановил шамхальское достоинство, а его самого назначил шамхалом¹⁰.

Действия тарковского владетеля вызвали законное возмущение горцев, и это дало повод ряду исследователей истории Дагестана называть Хасбулата «предателем своего народа», «холопом» и «верным вассалом» иранского шаха. Однако возникает вполне резонный вопрос, каким образом после смерти Надир-шаха Хасбулат сумел сохранить власть, и, более того, играть значительную роль в решении вопросов общедагестанского характера вплоть до своей кончины, тогда как все сторонники и ставленники шаха Надира поспешили убраться подальше или же были отстранены от власти (как, например, Сурхай-хан). Ответом на этот вопрос могут служить данные наших источников, из которых следует, что «верный вассал» не так уж рьяно проявлял свои «верноподданнические чувства», напротив, чаще он выступал на стороне горцев Дагестана против шахских войск. И это было не после поражений, нанесенных Надиру дагестанцами (как можно было предполагать), а почти с самого начала завоевательной кампании шаха в Дагестане.

Признавая себя подданным шаха, Хасбулат преследовал политические цели, а именно восстановления в своем лице шамхальского достоинства. Тем самым он рассчитывал получить материальные выгоды, которые ранее следовали шамхалам от шахов Персии¹¹, к тому же признанием Надира он получал преимущества перед своими политическими противниками, среди которых были и претенденты на власть в шамхальстве¹². Это был сугубо тактический ход, направленный на усиление бдительности опасного и более сильного противника, каким являлся шах с его многочисленным войском.

В первый же год своего правления Хасбулат-шамхал добился от Надира освобождения всех пленных казикумухцев¹³. Однако это не смогло реабилитировать его в глазах народа. В начале 1735 г. Уммахан Аварский с набранным войском, воспользовавшись отсутствием Хасбулата, напал на его владение, но был разбит¹⁴. В том же году по прибытии крымско-татарского войска Сурхай-хан Казикумухский, уцмий и акушинцы сместили шамхала

Хасбулата, а на его место поставили его двоюродного брата Ил-дара¹⁵.

Противникам Хасбулата не удалось полностью вытеснить его из его владений, в руках свергнутого шамхала остались Тарки и Казанище¹⁶, которые Илдар намеревался захватить с помощью цудахарцев и союза Акуша-Дарго /См. Письмо от Илдар-шамхала к обществу Цудахар/. Правление Илдар-шамхала не затянулось, и в том же году Хасбулат с помощью Надира вернул утраченную власть¹⁷. Платой за помощь шаха послужил ряд совместных походов Хасбулат-шамхала и персов против дагестанцев¹⁸.

Отход Хасбулат-шамхала от союза с Надиром начался в 1736 году, после Муганского курултая, где народ «избрал» Надира шахом. Осуществив свои честолюбивые замыслы, Надир, теперь уже шах Ирана, отбросил всякие церемонии в отношении своих верных вассалов (как он считал дагестанских феодалов, отдавшихся под его покровительство) и потребовал от них выплаты непомерно тяжелой дани. Однако по словам одного русского дипломата «от того никакого доброго следствия ожидать неможно. Ибо неуповательно есть, что оные горские владельцы допустили на себя поборы расположить, понеже с них никаких податей никогда не бирано, но еще они сами от шахов получали награждение»¹⁹. При таких обстоятельствах дагестанские феодалы, даже те, которые признали себя подданными шаха, отказывались ему повиноваться, обращались к турецкому султану, объявляя себя его приверженцами²⁰. Чтобы вести успешную борьбу с шахом Хасбулат-шамхалу нужен был сильный союзник, которым могли быть Россия и Турция.

Россия, только вышедшая из войны с Турцией и связанная договором 1735 г. с Ираном, не могла оказать вооруженную помощь Дагестану²¹. Выбор Хасбулат-шамхала падает на турецкого султана, которому он присягает на верность и по его приказу набирает войско из горцев, чтобы идти войной на кизилбашей и их союзницу Грузию. «До сих пор я находился в подчинении очень коварного человека /Надир-шаха — Г. М./..., однако сейчас я порвал с ним и соединился с могущественным имамом /турецким султаном — Г. М./»²², — пишет Хасбулат-шамхал жителям селения Кудали. Хасбулат был умен и хитер, когда обстановка показывала, что уже пора приостановить действие оружием и вступить на путь переговоров, он вступал на этот путь, не теряя из виду основной своей цели — сохранение независимости своего правления.

Мужественную кровопролитную борьбу горцев Дагестана ослабляла непоследовательность её владетелей-феодалов, которые в это критическое для судеб народов время не могли положить конец междоусобным войнам. Нередко для достижения узкоклассовых целей они предавали их интересы. Многие из местных феодалов договаривались с врагом и переходили на его сторону. Лишь народные массы оставались верны родине²³. Установившаяся к этому времени форма политических взаимоотношений была выгодной для дагестанских феодалов проиранской ориентации, видевших в покровительстве персидского шаха залог своего успеха в феодальных

междоусобицах. В целях укрепления своих позиций Надир-шах умело использовал разногласия среди дагестанской знати, выдвигая и поддерживая власть наиболее верных ему людей взамен «строптивых» правителей, не желавших идти к нему в услужение. Так был смещен один из самых непримиримых противников Надир-Ахмад-хан-уцмий, новым правителем Кайтага шах назначил некоего Али-хана, не раз впоследствии доказывавшего ему преданность.

Всё владение вновьвоенного уцмья ограничивалось небольшой прибрежной полосой с центром в селении Башлы, а чаще, — очередной раз изгнанный из «пожалованного» шахом владения, он проводил время в ставке шаха или его наместника. Фактически признанным правителем Кайтага в продолжение всей военной кампании шаха в Дагестане оставался Ахмад-хан-уцмий, избравший своей резиденцией крепость Калакорейш.

Характерно, что составитель истории Надира Мухаммед-Казим²⁵, подчеркивая значение, большую роль Ахмед-хана в борьбе против шаха, называет его Бузург-усми, т. е. «Большой уцмий»; имя же шахского ставленника Али-хана он вовсе не упоминает, называя его пренебрежительно Кучек-усми, т. е. «Маленький уцми», видимо в соответствии с размерами владения, в котором он временами распоряжался.

Владетели Дагестана, противостоявшие намерениям шаха-завоевателя, в том числе и вышеупомянутый Ахмад-хан-уцмий, вынуждены были в случае опасности со стороны превосходящих сил персов, искать убежище и защиту в горных районах Дагестана, куда не могла дотянуться «карающая рука» шаха. Там же они набирали войско, оставляли раненых и больных заготавливали необходимое для военных походов снаряжение.

Одной из колоритнейших фигур, выдвинувшейся в ходе борьбы народов Дагестана за свою независимость, был упомянутый в документе вместе с Ахмад-хан-усмием Мухаммад-бек /см. письмо от кадия Акуша-Дарго Хаджи Айба к жителям Аварии/. Пожалуй, он один из немногих дагестанских владетелей, из уст которого ни шах, ни его наместники так и не услышали слов покорности: «...он совсем не повиновался Надир-шаху, и от начала до конца был его врагом»²⁶. Мухаммад-бек организовал ряд крупных вооруженных выступлений против персидских войск и сыграл решающую роль в восстании Сам-Мирзы в Ширване, которое шаху удалось подавить с большим трудом²⁷.

Так же, как и для кайтагского усмья горы Аварии стали для казикумухского бека вторым домом, базовым лагерем, где отдыхали и укомплектовывались боевые отряды горцев. Естественно, что для «Грозы Вселенной» маленькая, но свободная Авария была как бельмо в глазу. Все попытки завоевать её горные районы оканчивались безрезультатно. В 1741 году Надир-шах предпринял самый значительный по масштабам поход в Аварию, где объединенные силы дагестанцев, встретив врага в Андалальском ущелье, наголову разгромили противника — из 52-х тысяч воинов, которых

Надир привел в Дагестан, осталось не более 27 тысяч, «между которых весьма много хворых и раненых и все в гнусном состоянии содержатся»²⁸. Подобным результатом заканчивались многие походы персов в горы Дагестана.

Наместнику шаха на завоеванных землях часто приходилось приглашать к себе владетелей Дагестана, чтобы щедрыми подарками и ласковыми речами склонить к сотрудничеству с персидской администрацией, однако не было случая, чтобы удалось собрать сразу хотя бы сколько-нибудь более или менее значительных по влиянию феодалов Дагестана. В то время, как одна часть дагестанской знати «клялась в верности» и принимала дары, другая, собрав в очередной раз значительные силы горцев, организовывала нападения на военные гарнизоны, громила обозы, захватывала имущество персидских воинов. В следующий раз владетели менялись ролями. Иранская администрация не могла спокойно существовать даже в тех районах Дагестана, через которые Надир прошел, — как только он удалялся с основным войском, горцы отказывались повиноваться его ставленникам. Мало того, они сами нападали на иранские гарнизоны²⁹.

Надир рассчитывал, подавив сопротивление горцев, поставить их себе на службу и с помощью тех же дагестанцев покорить весь обширный кавказский регион, ибо персы считали «великими воинами шефкальцев /дагестанцев — Г. М./»³⁰. Героическая борьба горцев Дагестана опрокинула расчеты Надира, содействовала подъему широкого освободительного движения угнетенных масс соседних братских народов³¹. В длительной борьбе с иранцами народные массы начали осознавать преимущества объединения и солидарности³². В конечном итоге все это привело к развалу империи Надир-шаха и освобождению угнетенных народов от иноземного ига.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крачковский Н. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1963, т. 6, с. 574.

² Там же, с. 560.

³ С 1728 г. по 1734 г. Ширван состоял под управлением дагестанского владетеля Сурхай-хана Казикумухского. (См.: История Дагестана. М., 1968, т. 1, с. 351).

⁴ Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958, с. 187.

⁵ Путешествие И. Лерха, продолжавшееся с 1733 по 1735 гг. из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря, — новые ежемесячные сочинения, ч. XIII, 1790, январь, с. 52.

⁶ Рукописный фонд Института ист., яз. и лит-ры Дагфилнала АН СССР (далее: РФ ИИЯЛ), ф. 14, № 1293, арабская запись на обратной стороне обложки.

⁷ Там же.

⁸ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 126—127.

⁹ *Алкадари Г. Э.* Асарн Дагестан. — Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее: СМОМПК). Махачкала, 1929, вып. 46, с. 74.

¹⁰ *Бакыханов А.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, с. 114.

¹¹ Шахи Персии, чтобы «содержать син земля /Дагестан — Г. М./ в добром порядке и народ в обуздании» и чтобы «иметь знатное число войск, давали шамхалам ежегодно по 40 тыс. рублей» (См.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв.: (Архивные материалы). М., 1958, с. 71). Хасбулат-шамхал ежегодно получал по 3000 рублей российского производства. (См.: Путешествие И. Лерха..., с. 14).

¹² В частности сыновья Муртазали, старшего брата бывшего шамхала Адил-Ипрея-Махди и Илдар также претендовали на звание шамхала. Враждебное отношение Махди к шамхалу Хасбулату послужило причиной его ареста шахом и высылкой в Астрабад (См.: *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 85).

¹³ *Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения лезгинов на Закавказье. СПб., 1848, с. 25.

¹⁴ Там же, с. 22.

¹⁵ *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб, 1869, ч. I, с. 32.

¹⁶ Казанище все же был захвачен Илдаром, откуда он, совместно с узником и Сурхай-ханом, намеревался окончательно разделаться с противниками (См.: *Неверовский А. А.* Указ. соч., с. 27).

¹⁷ *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 76.

¹⁸ В сел. Кутниша Левашинского района ДАССР сохранилась надпись на камне: «В 1148 г. х. во время Сурхай-хана шах Тахмаз завоевал часть Дагестана» при помощи Хасбулат-шамхала, вместе с (которым было) Верхнее Дарго» (См.: *Айтберов Т. М.* Эпиграфические памятники из Центрального Дагестана. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1977—1978 гг.: (Тез. докл.). Махачкала, 1980, с. 45.

¹⁹ Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. Сношения России с Персией, 1737, д. 7, л. 209.

²⁰ *Арунова М. Р., Ашрафян К. З.* Указ. соч., с. 190.

²¹ История Дагестана, т. 1, с. 270. Однако в июне 1742 г. он был принят под протекторат России, а в 1743 г. дал присягу, хотя и проявлял кажущееся повиновение шаху Надиру. (См.: *Бутков П. Г.* Указ. соч., ч. I, с. 513).

²² Письмо от Тарковского шамхала Хасбулата к жителям с. Кудали (См.: РФ ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, № 2357).

²³ *Тамай А.* К истории борьбы народов Дагестана и Азербайджана за свою независимость (первая половина XVIII в.). М., 1951, с. 12.

²⁴ Калакорейш дважды, в нач. 1735 г. и весной 1742 г., был взят Надири-шахом.

²⁵ *Мухаммад-Казим.* Наме-йи аламара-йи Надири. Издание текста, предисловие и общая редакция Миклухо-Маклая Н. Д. М., 1960, т. 1—3.

²⁶ *Алкадари Г.* Указ. соч., с. 84.

²⁷ Казикумухские и Кюринские ханы. — ССКГ, Тифлис, 1869, вып. 2, с. 13.

²⁸ АВПР, Сношения России с Персией, 1741, д. 7, л. 304, 395.

²⁹ *Гаджиев В. Г.* Указ. соч., ч. 129.

³⁰ Центр. госархив древн. актов (далее: ЦГАДА). Сношения России с Персией, ф. 77, оп. 1, ед. хр. 2, с. 606 (об.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Письмо от шамхала Илдара к старейшинам, ученым и молодежи общества Цудахар=1735¹ — РФ ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, № 2530.

Подлинник, написан на листе белой бумаги европейского происхождения, размер 15,4×13,8, черными чернилами, почерк — наск, количество строк 18. На обороте — оттиск прямоугольной печати серого цвета, размер 1,5×1,7. Легенда: — Владыка. Нет божества кроме Аллаха. — Очевидная истина. Раб его. Илдар.

Перевод:

Мир вам и милость Аллаха всевышнего и благодеяния его. От Илдар-хан-шамхала³ (2) к старейшинам, ученым, знатокам, молодежи и обществу Цудакар⁴. Да сохранит нас Аллах от (3) козней времени! Аминь.

А затем.

(4) Сообщаем вам, чтобы вы знали, что вы намереваетесь войти в селение Газаниш⁵ и Таргу⁶ (5), а они ведут с нами соответствующие речи. Мы собрали войско, и пришло (6) к нам известие о кизилбашах⁷, что они находятся в трех или четырех днях /пути/. Теперь (7), если вы верны договору, обязательно пришлите лучших (8) из вашей молодежи триста человек для этого дела. Не откладывайте (9) этого дела, если вы наши друзья. Остальное ваше войско пусть приходит вместе с Дарго⁸ (10). Не оттягивайте и не задерживайте прибытие, ведь вы умные люди. Подумайте о последствиях дел (11). Нет силы и нет мощи /кроме как у Аллаха Всев./.

(12) Затем, я хочу вашего прибытия, чтобы продемонстрировать шаху (13) вашу службу и дружбу от остального народа (14), вашу приязнь и добро от остального народа (15). Остальные наши слова передаст податель (16) этого письма Курбан (17). Не откладывайте прибытия (18). Обязательно.

2. Письмо от Хаджи Айнуба кадия Акуша-Дарго к кадиям, старейшинам и всем жителям Аварии 1735/36 г. — РФ ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, № 1624. Подлинник, написан на листе белой бумаги восточного производства, размер 18×10,5 черными чернилами, количество строк — 27. Текст частично огласован. Нижняя часть листа оторвана. На обороте оттиск овальной печати темно-серого цвета, размер 1,2×1,8 см.

Легенда:

Раб его Хаджи Айгун
кади 1143²

Перевод:

Мир вам, милость Аллаха Всевышнего и благословение его. От Хаджи-Айнуба⁹ и его товарищей (2) к праведникам, ка-

дням, старейшинам и всем жителям (3) Авара¹⁰. Да сохранит Вас Аллах от злых намерений в эти времена. (4) Аминь.

(5) А затем.

Мы слава Всевышнему Аллаху прибыли в Куба¹¹ (6) благополучно и имели встречу с наместником¹², шамхалом¹³, Хасаном¹⁴ и (7) Али-хан-усми¹⁵. Однако когда услышали они известие о выступлении (8) Хасбулата¹⁶ и его вступлении в Газданиш¹⁷ (9) не согласились они на это и огорчились их и наши сердца (10) этим /поступком/. Испугались мы и они, что это послужит (11) явной причиной для возвращения шаха¹⁸ в Дагестан (12), потому что он /Хасбулат/ сделал это без его /шаха/ позволения. Он не прибыл к нему (13), хотя обещал это, в случае, если к нему придет указание (14). Шах послал его /указание/ вместе со знатым посланником, однако, Хасбулат не сдержал (15) своего слова и обещания и это его большой проступок по отношению к шаху (16). Большая просьба к вам не верить (17) его словам, словам Ахмад-хана¹⁹, Мухаммад-бека²⁰ (18) и других и быть надежными относительно соглашения — и службы шаху, а если нет, то вы раскаетесь и окажетесь в (20)... (21) (22). Подумайте /о деле. Нет силы (23) и нет мощи, кроме как у Аллаха высокого и могущественного (24).

Затем, Мы хотим от вас, чтобы вы послали (25) в Баршлы²¹ около 30 всадников, (26), а это большая услуга от вас (27) шаху и хану²². И мир.

3. Письмо шамхала Хасбулата к жителям селения Кудали.
= 1736—1745 — РФ ИИЯЛ, ф. 16, оп. 1, № 2357.

Подлинник написан на листе бумаги белого цвета, восточного производства, размер листа 11×10, черными чернилами, почерк — насх, количество строк 10. Текст частично огласован. Верхняя часть лица с указанием имени адресанта оторвана. На обороте оттиск печати темно-серого цвета, размер 2×1,6.

Легенда: /Он/ — Владыка. Нет божества кроме Аллаха. /Он/ — Очевидная истина. Раб его Хасфулад.

Перевод:

(1) ... селение Кудил²³, сохранит ...

(2) от болезней и печалей. Аминь.

А затем.

Я отправил (3) посланников к служителю двух благородных святых^{23(a)}, имаму ислама (4) гункару²⁴ и ответил он мне подарками и приветствием и приказал мне послать (5) наши войска в Харс²⁵, с тем, чтобы захватить сокровища, воевать и взять имущество (6) в Грузии. Я посылаю предводителя, обязательно прибывайте вместе с ним. (7) Поговорите с теми, кто рядом с вами из Кухул²⁶, Сулул²⁷ и Ма алал²⁸.

(8) До сих пор я находился в подчинении очень коварного человека²⁹, (9) опасаясь его злобы, но сейчас я порвал с ним и соединился (10) с могущественным имамом. Боже помоги исламу! Аминь!

4. Письмо от Хасбулата к обществу Кудутль.

= 1736—1745.— РФ Ленингр. отд. Ин-та востоковедения АН СССР. Документальный фонд, А-2. Подлинник, написан черными чернилами на листе белой бумаги восточного производства, почерк — насх, количество строк 15. Нижний левый край листа оторван. На обороте сохранилась лишь часть оттиска прямоугольной печати серого цвета, аналогичной оттиску в док. № 2357.

Перевод:

(1) От знатного Хасбулата-шамхала ко всему (2) обществу Кудук³⁰. Мир многочисленный.

А затем.

(3) Мое желание /сообщить/, что я выступаю походом на кизилбашей (4) после праздника³¹. Будьте готовы (5) выступить со мной, как выступают все /жители/ равнины и (6) гор. Что касается богатства и добычи, то они будут многочисленными (7) /тому/, кто пойдет со мной вместе с /провизией/ туда (8) и обратно. Я хочу чтобы вы были (9) со мной в этом походе. Выходите (10), у кого есть лошадь. Пусть готовится (11), кто хочет богатства (12). И мир.

ПРИМЕЧАНИЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ

1 Письма в Дагестане, как правило не датировались. Наша датировка приблизительная.

2 1143 г. х. /1730—31.

3 Илдар II Казанищенский, сын Муртазали, сына Будая II, шамхал 1735 г. (См.: *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. 1980, М., ч. 3, с. 107). В нач. 30-х годов XVIII в. состоял владельцем Буйнака вместе с братьями Махди, Сурхаем и «Салтан-муратом». (См.: История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX в., М., 1958, с. 121).

4 Цудахарский союз сельских обществ с центром в с. Цудахар Левашинского района Дагестанской АССР входил в союз Акуша-Дарго и был вторым по значению и силе после Акушинского союза сельских обществ.

5 Казанище — ныне селение Буйнакского района Дагестанской АССР. Входило в состав удела одного из членов шамхальского дома Баммата, управлявшего независимо от шамхалов. См.: Феодальные отношения в Дагестане XIX в. нач. XX в. М., 1969, с. 37, прим.).

6 Ныне часть территории Махачкалы. Столица Тарковского шамхальства.

7 Объяснение термина кизилбаш см.: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в XII—XV веках. Л., 1966, с. 367.

8 Дарго — древнейшая форма наименования одной из племенных групп, потом распространившегося на союз племен (См.: *Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1968, с. 75). Дарго или Акуша-Дарго — союз, состоявший из 5 даргинских союзов сельских обществ: Акушинского, Усишинского, Мугинского, Мекегинского и Цудахарского. Главой союза являлся Акушинский кадий, соединивший в своем лице как духовную, так и светскую власть. Дарго поддерживало тесные связи с шамхальством, и по традиции ни один из избранных в

Тарках шамхалов не считался законным, если его не признавали даргинские большие общества (См.: Магомедов Р. М. Указ. соч., с. 208).

⁹ Хаджи-Айнуб (или Хаджи-Айгун) — Акушинский кадий и соответственно глава союза Акуша-Дарго. Ум. в 1171 /1757—58/ — РФ ИИЯЛ, ф. 1, оп. 1, л. 531, л. 17/. Дата, указанная в печати владельца, говорит о том, что Хаджи-Айнуб занимал должность кадья с начала 30-х годов XVIII в. (возможно — ранее).

¹⁰ Авария занимает в основном горную часть Дагестана. В понятие Авария входит территория Аварского ханства и аварских вольных обществ.

¹¹ Куба — город в Азербайджанской ССР. Во времена Надир-шаха — резиденция наместника Грузии, Азербайджана и Дагестана. Во 2-й половине XVIII в. — столица Кубинского ханства.

¹² В этот период наместником шаха в Кубе был брат Надира Ибрахим-хан. В 1738 г. он во главе 32-тысячного войска предпринял поход для наказания «усми». Общества Джара и Тала, на территории которых он намеревался построить крепость, обратились за помощью к «Большому усми» /Ахмад-хан-уцмий — Г. М./, Сурхай-хану Казикумухскому и жителям Табасарана. Уцмий, собрав войско из народов Табасарана, Хиналука, Ахты-пара и Курали, прибыл в Джар /Мухаммад-Казим. Наме-ий аламара-ий Надири ..., 173(а)/. В середине ноября 1738 г. недалеко от «города» Джаника произошло сражение, и персидское войско потерпело жестокое поражение, предводители войска Ибрахим-хан и Угурлу-хан Ганджинский были убиты (См.: Арцнова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Аршара, с. 150).

¹³ Илдар-шамхал.

¹⁴ По-видимому, Хасан-бек брат уцмий Ахмад-хана, который в свое время был отправлен в Турки в качестве аманата (См.: Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII в. Махачкала, 1958, с. 242—243); в нач. XVIII в. находился на службе у шаха Хусейна и получал от него жалование (См.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, т. 2, с. 1079).

¹⁵ Ставленник шаха Надира. Возможно, что шах Надир лишь утвердил его в этом звании, а назначен он был еще российским правительством, которое в сентябре 1733 года лишило уцмий Ахмад-хана его владения за измену и сообщничество с крымцами при нападении на Дербент (См.: Феодалные отношения в Дагестане, с. 82).

¹⁶ Хасбулат-шамхал, сын Адил-Гирей-шамхала, правил 1734—1758 (См.: Лауров Л. И. Указ. соч., т. 3, с. 70). До назначения шамхалом вместе со своими братьями Будаем и Саадат-Гиреем владел деревнями Казанище, Аракен, Буглеи, Щук, Кадар, Темирхан-Шура, Марсель-аул, Алберу-аул, Атлыбоюн (См.: Истор., географ., этногр. Дагестана (далее: ИГЭД), с. 122).

¹⁷ Казанище, будучи одной из самых населенных деревень шамхальства, занимало особое место в политической борьбе различных группировок шамхальства.

¹⁸ Надир-шах.

¹⁹ Ахмад-хан-уцмий — правитель Кайтага первой половины XVIII в. Умер в 1749 г. после пятидесяти лет правления (См.: Общественный строй Союзов сельских общин Дагестана в XIV в. Махачкала, 1981, с. 145).

²⁰ Мухаммад-бек, сын Сурхай-хана Казикумухского. Незадолго до смерти Надира-шаха взял в свои руки власть в ханстве. Правил до 1789 г.

²¹ Баршан или Башлы в первой трети XVIII в. являлось резиденцией уцмия Ахмад-хана. (См.: ИГЭД, с. 83). Располагалось оно неподалеку от современного Башлыкента Каякептского района ДАССР.

²² Имеется в виду брат Надир-шаха Ибрагим-хан. (См. прим. 12).

²³ Кудали — ныне селение Гунибского района Дагестанской АССР.

²⁴ Хункар — название падишаха из дома Османа. Произошло от персидского «повелитель». В Дагестане часто писали гункар (См.: *Маргвелашвили Т. С. Языковые особенности арабоязычных памятников северокавказского происхождения*. — Труды Института языкознания. (Сер. вост. яз. Тбилиси, 1954, с. 230).

²⁵ Карс — город в Турции.

²⁶ С. Кегер Гунибского района Дагестанской АССР.

²⁷ С. Салта того же района.

²⁸ С. Маали Гергебильского района ДАССР.

²⁹ Надир-шаха.

³⁰ Кудутль /сел. Гергебильского района ДАССР. Кудутль (Кодутль) входил в Койсубулинский союз сельских обществ (Комаров А. В. Список населенных мест Дагестанской области. Тифлис, 1869, с. 35).

³¹ Имеется в виду праздник разговения (ар. *ид ал-фитр*), второй по значению праздник мусульман.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

Н. А. СОТАВОВ

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
В СВЕТЕ РУССКО-ИРАНСКИХ
И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ XVIII в.**

(В освещении зарубежной историографии)

Северный Кавказ, выдвинувшийся в круг важных проблем международной политики в XVIII в., привлек внимание исследователей в контексте политики соперничавших держав и освободительной борьбы местных народов. Историография проблемы русско-иранских и русско-турецких отношений и освободительной борьбы народов Северного Кавказа исследуется нашими учеными в плане освещения кавказской политики России и восточного вопроса в целом. Однако имеющиеся в трудах наших ученых обзоры по этой теме касаются в основном русской и советской историографии. Зарубежная историография проблемы изучена недостаточно, хотя отдельные её стороны с позиций марксистской методологии освещены в трудах Л. П. Новосельцева, Х. М. Ибрагимбейли, Е. А. Соловьева¹ и др.

Проблема освободительной борьбы народов Северного Кавказа, их взаимоотношений с сопредельными странами, места и роли этого региона в русско-иранских и русско-турецких отношениях стали предметом различной, порой извращённой, интерпретации как в описаниях современников событий, так и зарубежных авторов последующего периода, в том числе и нашего времени. Вышедшая за последние годы по этой теме зарубежная литература не вошла в широкий научный оборот и не получила соответствующей оценки с позиций марксистско-ленинской методологии. Исходя из сказанного, в статье предпринимается попытка критически оценить зарубежную литературу, её источниковую базу и концептуальные взгляды, а также рассматриваемые в буржуазной историографии проблемы.

По самому характеру темы конкретный материал отложился в трудах иранских, турецких и европейских авторов, бывших непосредственными участниками и современниками событий: Мирзы Мехди-хана Астрабади, Мухаммад-Казима, Мухаммада Али Хазина, Вильяма Джонса, Джеймса Фрезера, Джонса Ханвея и других, затронувших с различных сторон отдельные вопросы кавказ-

ской политики Турции, Ирана и России, русско-иранских и русско-турецких отношений на Северном Кавказе.

Для характеристики источниковой базы и взглядов этих авторов представляют интерес труды личного историографа Надир-шаха Мирзы Мехди-хана, мервского визиря Мухаммад-Казима, известного историка и географа Мухаммада Али Хазина, а также трёхтомное сочинение агента английской Ост-Индской компании Джонса Ханвея.

Труд Мирзы Мехди-хана «Тарих-и Надир» («История Надир-ра»), переизданный в 1962 г. под названием «Джахонгоша-йе Надир» («Завоевания Надир-ра») ², представляющий собой сборник военных реляций о событиях того времени, содержит ценные сведения по интересующему нас вопросу: об антииранских восстаниях с начала XVIII в., о свержении иранского владычества на Кавказе в 1721 г., взаимоотношениях местных правителей с Ираном, Россией, Турцией и Крымом, завоевательных походах Надир-шаха в Ширван и Дагестан в 1734, 1735, 1741 гг., политике соперничавших держав на Кавказе. Важно отметить, что, расценивая освободительную борьбу народов Кавказа как проявление «разбоев», «грабежей» и «мятежей», Мирза Мехди-хан признаёт, что в ходе этой борьбы среди местного населения усиливалась ориентация на Россию. По словам автора, когда русский царь в 1722 г. с большим войском прибыл в Дербент, то жители города добровольно отдались под его покровительство, и он «без большой войны» получил от Ирана прикаспийские области с городами Дербент и Баку ³. Однако, описывая нашествие иранских войск в виде победных реляций, он умалчивает об их жестокости, массовом истреблении местного населения, нанесившего крупные потери захватчикам. Не случайно такому важному событию, как поражение иранских полчищ в Дагестане, автор уделит всего несколько строк, да и то мотивировал его суровыми холодами («замерзала вода в желудках рыб»), вынудившими шаха в начале 1745 г. отступить в Иран ⁴. «Завоевания Надир-ра» — это попытка оправдать завоевательную политику Ирана на Кавказе, идеализировать личность Надир-шаха и его жестокие деяния.

Сокращённым вариантом того же труда является «Книга истории завоеваний моего Надир-ра», в которой содержатся дополнительные сведения, имеющие значение для полноты освещения нашей темы: например, о том, что территория от Ниязабада до Астрабада была занята русскими войсками без сопротивления на основе русско-иранского Петербургского договора 1723 г., о нашествиях крымских ханов на Северный Кавказ в 1733, 1735 гг., о попытках османов привлечь на свою сторону местное население под лозунгом сунизма и о поражении иранских полчищ на Северном Кавказе ⁵. По-видимому, в книгу вошли по большей части те разделы труда Мирзы Мехди-хана, которые были написаны после смерти Надир-шаха, когда в его адрес стали звучать более критические нотки.

В 1945 г. в Тегеране под общим названием «Надершах» вышел сборник, куда вошли, как указано в предисловии, «очищенная»,

«переработанная», «отредактированная» Пакбазом работа Мирзы Мехди-хана под названием «Жемчужина Надир», а также две работы Мухаммада Али Хазина: «Путешествие шейха Мухаммада Али Хазина» и «История Хазина, содержащая последний период правления Сефевидов: афганская авантюра и царствование Надир-шаха». В общем предисловии сборника, вслед за утверждением о том, что Надир-шах был более талантливым стратегом и полководцем, чем Наполеон Бонапарт, выражается упрек в адрес «необразованного» иранского народа, который не оценил его величия и заслуг перед Ираном. Однако вслед за столь многообещающим началом издатели не раскрыли содержания труда Мирзы Мехди-хана: из него оказались выпущенными разделы, касающиеся антииранских восстаний с начала XVIII в. и возрастания прорусской ориентации народов Кавказа. Сопrotивление местных жителей «победному» шествию иранских войск объясняется их «близорукостью», «хитростью», «коварством», за что шах решил «разрубить их корни», «растоптать их лошадьми»⁶. В работе нет хронологических данных, события излагаются без конкретного анализа, но с крайних националистических позиций.

Названные работы Мухаммада Али Хазина «Путешествие...»⁷ и «История...»⁸ во многом идентичны и включают события, очевидцем которых он являлся со времени осады Исфахана афганцами в 1722 г. до захвата Дели иранскими войсками в 1739 г. Написанные в форме автобиографических очерков, они кратко упоминают о походе русских войск в Прикаспье в 1722 г. и завоевательных походах иранских войск в Ширван и Дагестан в 1735 и 1741 гг. Как указывает подготовивший их к изданию М. Маулайери, эти работы, ставшие библиографической редкостью, идеализируют образ шаха Тахмасиба II, рисуя в негативном плане личность Надир-шаха.

Наиболее ценной работой по истории Ирана XVIII в. является трёхтомный труд Мухаммад-Казима «Мироукрашающая Надирова книга» или «Книга о Надире», получивший высокую оценку видных советских востоковедов В. В. Бартольда, И. П. Петрушевского и подготовившего этот труд к изданию ленинградского учёного Миклухо-Маклая⁹. Извлечения из него, касающиеся похода иранских войск в Дагестан в 1738 г., опубликованы в переводе А. Н. Козловой¹⁰.

Непосредственный участник многих описываемых событий, Мухаммад-Казим описал на базе многочисленных документов афгано-иранские и ирано-турецкие войны 1728—1733 гг., антииранские восстания в I четверти XVIII в. в Дагестане и Ширване и походы Надир-шаха для их подавления в 30—40-х гг. В отличие от Мирзы Мехди-хана, он признаёт героизм горцев Дагестана, жестокость иранских завоевателей, показывает упадок их морального духа в результате понесённых на Кавказе серьёзных поражений в 1741—1745 гг., попытки османов воспользоваться этим в своих гегемонистских целях¹¹. Однако Мухаммад-Казим, будучи представителем господствующих кругов Ирана, оправдывает их завоеватель-

ную политику, что требует критического подхода к его выводам и оценкам.

Следует также отметить, что обширный труд Джонса Ханвея «Исторический очерк британской торговли на Каспийском море», содержащий конкретные сведения о кавказской политике Ирана, России и Турции, но написанный в духе апологетики английской колониальной политики и вражды по отношению к народам Кавказа, вызывает необходимость тщательного анализа фактического материала и строгой критической оценки выводов и концептуальных взглядов автора¹².

Историческая наука XIX—начала XX в. за рубежом дала ряд капитальных трудов по истории Турции. Крупным вкладом в турецкую историографию явились многотомные сочинения Ахмеда Джевдет Паша «История Джевдета», Ахмеда Расима «Османская история в рисунках и картах», Иозефа фон Хаммера «История Османской империи», Иоганна Цинкайзена «История османского государства в Европе», Николая Йорги «История Османского государства, составленная на основании источников». Следует подчеркнуть, что упомянутые авторы, в отличие от своих предшественников, охватили более широкие территориальные и хронологические рамки событий XVIII в. — от Стамбула до Петербурга и от Исфахана до Кабула. При этом Ахмед Джевдет, акцентируя внимание на антииранских восстаниях и походе Петра I в 1722 г., не скрывает антирусских гегемонистских замыслов Турции на Кавказе. Отмечая, что для достижения этих целей османы строили крепости на берегу Чёрного моря, чтобы доставить оружие в Тбилиси и Шемаху, он пишет: «... в царствование султана Махмуда I (1730—1754 гг. — Н. С.) было задумано овладеть Дагестаном. Эту мысль лелеяли до самого времени султана Хамид-хана (Абдулхамид I (1757—1774 гг. — Н. С.), надеясь рано или поздно объединить кавказские племена как силу, противостоящую русским»¹³.

Вместе с тем, являясь официальным историографом турецкого двора и активным проводником этой политики в конце XIX в., Ахмед Джевдет оправдывает проведение аналогичной политики и в предшествующий период. Так, в работе «Краткая история Крыма и Кавказа», вопреки общепризнанным международным правовым нормам, он пытается оспаривать вхождение этих народов в состав России: «Хотя они официально отделились по Кайнарджийскому договору от суннитского государства, — подчёркивает автор, — но ввиду единства веры и единства моральных устоев связь с Османской империей не была прервана»¹⁴.

Другой историк того же периода Ахмед Расим, полностью солидаризируясь с Ахмедом Джевдетом, выступил с ещё более выраженных антирусских позиций. Игнорируя факт обращения Ирана за помощью к России в условиях разгара антирусских восстаний на Кавказе и нашествия афганцев на Иран, он пишет: «Пётр Великий, захвативший Дагестан, дал понять Порте, что тем самым Россия не намерена допустить османов на побережье Каспия». Отстаивая тезис о «преемственности» агрессивной внешней поли-

тики России на протяжении XVIII в., он заключает, что «стремление к выходу на Чёрное море, на Кубань и на Кавказ оставалось неизменным»¹⁵.

Что касается сочинений Йозефа Хаммера, Иоганна Цинкайзена и Николая Йорги, коснувшихся внешнеполитической истории Турции на базе большого количества военно-дипломатических документов и турецких источников, они также сообщают нужные сведения по интересующему нас вопросу. В работе Хаммера оживают многочисленные набеги крымских и османских феодалов на Кабарду, их походы через Северный Кавказ и Закавказье в Иран в 1733 и 1735 гг. Характеризуя политику Турции и Крыма на Кавказе, он обращает внимание на использование ислама как орудия порабощения и истребления местного населения¹⁶. Касаясь того же вопроса, И. Цинкайзен указывает на их жестокость и бесчеловечное обращение с пленными. «Горе стране, на которую они напали! — восклицает автор. — Огнём и мечом опустошали они края, угоняя в рабство сотни тысяч людей»¹⁷. Н. Йорга больше затронул международные аспекты кавказской проблемы. По его мнению, по Константинопольскому договору 1724 г. «турки получили те области, к которым они стремились в течение двух столетий». Он также подтверждает, что освободительная борьба народов Кавказа находила поддержку со стороны России: когда «шах напал на лезгин Дагестана, они успешно защищались и решили обратиться к русской императрице, так что в начале 1743 г. Надиршах вынужден был оттянуть свои войска из диких кавказских ущелий»¹⁸. Однако следует иметь в виду, что эти авторы не избежали ошибок методологического характера: проводимая ими периодизация истории ненаучна, не вскрываются побудительные мотивы внешнеполитических событий, их выводы и обобщения не лишены элементов тенденциозности и субъективизма.

Таким образом, завершая обзор зарубежной историографии дооктябрьского периода и её источниковой базы, надо подчеркнуть, что эти авторы, особенно иранские и турецкие, являясь официальными историографами или представителями господствующих кругов своих стран, выступили с позиций защиты проводимой ими политики, идеализации деятельности иранских шахов, турецких султанов и крымских ханов, в том числе в области внешнеполитической. В вопросах освещения русско-кавказских связей, взаимоотношений народов Кавказа с Турцией, Ираном и Крымом они отстаивали господствующую официальную концепцию о постоянной направленности русской агрессии против народов Кавказа, Ирана и Турции, что требует строго критического подхода к сообщаемым ими сведениям, особенно к их выводам и обобщениям.

Несмотря на несостоятельность подобных утверждений, такие же оценки кавказской политики России, русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в., нашли отражение в работах иранских, турецких и западноевропейских историков, написанных под влиянием фашистской и империалистической пропаганды в 30—40 годах нашего столетия: Хусейна Навая, Мухаммада Хекмата,

Реза Пазуки, Реза Сардари, Аббаса Экбалья, Неджефа Мозззи и других. В этом плане характерны работы М. А. Хекмата «Исследование истории ирано-оттоманских политических отношений с 1722 по 1747 гг.» и Р. Сардари «Ирано-русские отношения с XVI в. до 1917 г.», в которых приводятся данные о политике Ирана, России, Турции и Крыма, о военных действиях между ними, дипломатических миссиях и подписанных договорах в 1723, 1724, 1729, 1732, 1747 годах с интерпретацией их текстов в качестве приложения.

Так, например, отталкиваясь от Зохабского договора от 17. V. — 1639 г., разделившего Кавказ между Ираном и Турцией, Хекмат пишет, что наступивший после этого между ними мир был нарушен походом Петра I в Прикаспье. «1722 г. — делается отсюда вывод, — является фундаментальной датой для истории Ирана и, может быть, для истории всей Передней Азии». Этим же фактом оправдывается оккупация северо-западного Ирана турецкими войсками: «Обоснование России на Восточном Кавказе, — голословно утверждает автор, — могло иметь немедленным последствием окружение Оттоманской империи»¹⁹.

Поддерживая тот же тезис, Р. Сардари дополняет его утверждением «преемственности» агрессивной политики России при преемниках Петра I, особенно в период правления Екатерины II: «Восточные завоевания Петра были настолько же блестящими, насколько и эфемерными... И только в 1792 г. Екатерина Великая с успехом восстановила территориальные амбиции своего предшественника»²⁰.

С аналогичных позиций освещают политику России на Кавказе упомянутые выше Х. Наваи, Р. Пазуки, А. Экбаль, Н. Мозззи, а также авторы коллективного труда по истории Турции, отражающие точку зрения представителей стамбульской и анкарской школы турецких историков²¹. Поэтому следует иметь в виду, что хотя в своих сочинениях они сообщают необходимые для нашей темы сведения, но, оказавшись под влиянием своих предшественников (Мирза Мехди-хан, Мухаммад-Казим, Ахмед Джемдет, Ахмед Расим) и западной буржуазной историографии (Д. Уркварт, Д. Малькольм, Г. Юберсбергер, П. Сайкс), они не только искажают суть описываемых событий, но и преднамеренно протаскивают давно опровергнутую советскими историками пресловутую легенду о мнимом «Завещании Петра Великого», определившем, по их мнению, «исконную», «плановую» агрессивность политики России в отношении народов Востока²².

За последние 30 лет иранская, турецкая и западная буржуазная историография пополнилась новыми работами, посвященными военно-политической и дипломатической истории Ирана (в том числе: Али Акбара Бина, Махди-Гули Хедаята, Мухаммеда Хусейна Мейманди-Нежада, Гулам Хусейна Мухтадара, Мухаммеда Хусейна Годдуси, Исмаила Доулатшахи, Паризи Бастанни, Мухаммада Шафи Техрани, Раджаби Парвизи, Хасана Фазиза, Ханака Эшги, Ханбаба Биани, Абутораба Сардадвара), охватившими последний

период правления Сефевидов, подробную историю Надир-шаха, Зендов и Каджаров.

Для оценки исходных позиций и выводов этих авторов обратимся к трудам двух военных историков — Мухтадара Гулам Хусейна и Сардадвара Абутораба, подробно описавших основные военно-политические и дипломатические события 2-й четверти XVIII в., в том числе и на Кавказе, особенно в Дагестане и Ширване, связанные с завоевательными походами Надир-шаха, нашептываемым крымских ханов, гегемонистской политикой Османской империи, деятельностью русской и западноевропейской дипломатии.

Не случайно в работах этих авторов, написанных по заказу свергнутого шаха, среди широкого круга вопросов, затронутых ими, центральное место занимает идеализированный образ Надир-шаха как «спасителя» нации, «непревзойдённого» полководца, «добротного» правителя, «общительного» и «доступного» простому народу. В то же время, оперируя многочисленными фактами, они признают, что освободительная борьба народов Кавказа, ставшая одним из важных факторов крушения державы Надир-шаха, находила понимание со стороны России, старавшейся разрешить кавказскую проблему мирным путём. Касаясь русско-иранского Гянджинского договора 1735 г., Мухтадар пишет, что «спустя 12 лет Каспийское побережье было оставлено русскими без боя». По его же словам, поражение сотысячной армии Надир-шаха на Кавказе вызвало многочисленные восстания в самом Иране и подвластных шаху областях²³. Продолжая ту же мысль, Сардадвар заключает: «Этот великий полководец за 40 лет не видел такого случая, чтобы противник мог с ним так расправиться». Интересно мнение этого военного историка о том, что догадывающийся о негласной поддержке освободительной борьбы горцев Кавказа со стороны России шах Надир не только стремился покорить Северный Кавказ, но и показать русской императрице свою ударную силу²⁴.

Однако даже эти авторы, написавшие свои исследования на базе широкого круга восточных и западных источников, не ударжились от того, чтобы не перейти на антирусские позиции. Так, Мухтадар Гулам Хусейн, цитируя мнимое «Завещание Петра Великому», приходит к выводу, что для достижения своих гегемонистских целей он стремился овладеть Каспийским морем, чтобы оттуда «достать Индию через Иран»²⁵. Без всяких доказательств, игнорируя Рештский (1732 г.) и Гянджинский (1735 г.) договоры, Абутораб Сардадвар также утверждает, что «когда русские услышали, что неустрашимый Надир встретится в ними, то быстро ушли из Ирана»²⁶. Остаётся добавить, что для перечисленных ранее иранских авторов²⁷ характерна ещё более выраженная направленность антирусских оценок, что требует особенно тщательного отбора фактических данных и строгого анализа суждений концептуального характера.

Тенденция к более объективному изложению материала, касающегося 2-й половины XVIII в., проявляется в работах Парвиза Раджаби Тебризи «Иран под властью Карим-хана», Хасана Фази-

за «История Персии под властью Каджаров» и Ханака Эшги «Военная политика России в Иране: 1790—1815 гг.». Первый из них, проанализировав значительный фактический материал, пришёл к выводу, что Надир-шах, оставивший потомству «одни лишь развалины», заставлял вносить в казну с каждой провинции от 15 до 100 тыс. туманов (750 тыс. — 5 млн. золотых). «Даже если бы листья на деревьях были золотыми, — цитирует он Мирзу Мехди-хана, — то и тогда не хватило бы для уплаты налогов». Кровавые сцены борьбы за власть между Зендами и Каджарами чередуются с описанием ирано-турецких и англо-иранских отношений, крайней экономической разрухи, чем воспользовалась английская Ост-Индская компания, навязавшая Ирану кабальный договор 2/VII—1763 г.²⁸

В отличие от П. Т. Раджаби, Фазиз Хасан больше остановился на анализе русско-иранских и русско-кавказских отношений в конце XVIII века, особенно завоевательных походов Ага Мухамад-шаха Каджара в Закавказье, в связи с которыми, как показывает автор, усиливалась ориентация местных народов на Россию, оказывавшую им своё покровительство, хотя этот исторический факт он склонен рассматривать как проявление агрессивных намерений России против Ирана²⁹. По существу дальнейшим развитием этой темы явилась работа Эшги Ханака, в которой с тех же позиций рассматривается политика России на Кавказе и одновременно раскрываются гегемонистские замыслы Турции, постоянно вмешивавшейся во «внутренние дела Северного Кавказа и Дагестана». Подспудно внушая мысль, что кровавые походы Каджаров в Закавказье были выражением объединительных устремлений Ага Мухамад-шаха, автор возрождает «греческий проект»: «Появление этой мысли, — внушает он читателю, — связано с Петром I с 1722 г., т. е. с тем временем, когда он во времена похода на Иран имел некоторые успехи в этом районе»³⁰. В то же время привлечение автором различных источников, в том числе исследований наших учёных, позволило ему шире показать процесс добровольного вхождения народов Кавказа в состав России.

Обстоятельный анализ современной турецкой и англо-американской историографии в специальных публикациях наших учёных даёт нам возможность ограничиться характеристикой сочинений некоторых турецких авторов, рассматривающих с субъективистских антирусских позиций отдельные вопросы нашей темы, оказавшись под влиянием «концептуального характера» своих предшественников — «двух крупных историков султанского периода — Ахмеда Джевдета и Ахмеда Расима»³¹.

Особой тенденциозностью среди них отличаются работы выходцев из кавказской белоэмигрантской среды: Кадиржана Кафлы, Исмаила Беркока, Пшимахо Коцева, Шерафеддина Эрела, Вассан-Гирея Джанбагиева и др. Так, Кадиржан Кафлы, выделяя особо в русско-кавказских связях периоды правления Петра I и Екатерины II, «стремившихся захватить» территорию от Стамбула до Индии, утверждает, что русско-иранский Петербургский договор

1723 г., подписанный с учётом интересов обеих сторон, был встречен современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724 г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, открывал русским путь «на Малую Азию». Выступая с позиций пантюркизма и панисламизма, он внушает мысль, что объявление Турцией войны России в 1768 г. подняло дух мусульманского населения Кавказа³². Для автора характерно стремление возродить религиозный фанатизм и антирусские чувства горцев Кавказа. Не случайно работа Кафлы «Северный Кавказ» была опубликована в разгар битвы за Кавказ, когда в правящих кругах Турции возобладали прогитлеровские элементы, вынашивавшие планы нападения на Советский Союз.

С таких же позиций и претензий на освещение роли Кавказа во всемирной истории выступил Исмаил Беркок. Говоря о намерениях Петра I установить господство на Каспийском море, охватить Северный Кавказ с востока и с юга, он «забывает» об агрессивных намерениях Порты, утверждая, что «несмотря на это, османы изъявили желание придти к взаимному соглашению с русскими». Ссылаясь на религиозную общность кавказских суннитов с османами и крымцами, определяющую якобы их взаимное тяготение, он жалеет, что «на пути этого союза стояли русские, расположенные в Кизляре». Подводя итоги решения кавказской проблемы с начала XVIII в. до присоединения к России Крыма, он заключает: «Эта стадия, охватывающая период в 83 года, составляет важнейший период кавказско-русской борьбы. На этой стадии русские начали лобовые атаки на Кавказ»³³. Руководствуясь крайними антирусскими субъективными соображениями, Беркок выделяет отдельные эпизоды русско-кавказских связей, излагая их поверхностно и бездоказательно, не выделяя причин и диалектики их развития.

По существу с открыто антирусских позиций написана работа Пшимахо Коцева, претендующая на освещение освободительной борьбы народов Кавказа. Знаменательно уже то, что она насыщена такими умозаключениями: «Петр I был жестоким империалистическим правителем. Чтобы достичь своей цели, жаждавший власти царь Пётр десять лет стремился открыть себе дорогу на Кавказ и Индию... В связи с воцарением Екатерины II нашествие русских на Кавказ возобновилось. На этот раз удар был направлен против черкесов, кабардинцев, абазин». Не утруждая себя ссылками на источники и доказательствами, автор ограничивается голословными заявлениями о миролюбии османов и постоянной нацеленности политики русских против народов Кавказа³⁴.

Касаясь более подробно той же темы, Шерафеддин Эрел внушает мысль о жестокости русских, которые «заставили» кабардинцев принять их подданство. Сожалея по поводу отсутствия единства среди тюркоязычных народов Кавказа и Поволжья, он пишет: «Хорошо знавшая эту обстановку Екатерина II, исполняя завещание Петра, ...подготовила армию и направила её на Кав-

каз»³⁵. Сцены военных действий изобилуют описанием «жесточких расправ» русских над местным населением.

Ещё дальше в антирусских измышлениях зашёл Вассан-Гирей Джабагиев. Рассматривая вопрос о заселении и освоении Кавказа русскими переселенцами, он делает вывод: «Настоящая цель русских — полное уничтожение кавказских племён». По готовой схеме эта политика приписывается и Екатерине II. Как только она стала императрицей, утверждает автор, «империалистические устремления русских царей возобновились... войны происходили в зоне Чёрного моря, на Северном Кавказе и завершились захватом этих мест». Оценивая последствия Георгиевского трактата 1783 г. для народов Северного Кавказа, он безосновательно утверждает, что этот исторический акт явился «смертельным ударом для их свободы»³⁶.

Тенденция к более критическому осмыслению влияния западных держав на Османскую империю и её внешнюю политику проявилась в работах Тахсина Унала, Эивера Зия Карала и Исманла Хаккы Узунчаршылы, которые, однако, более выделяют агрессивные замыслы России против Турции и Крыма. Правильно подмечая «корыстную» направленность «интересов» Англии и Франции «против Османской империи», Т. Унал особо подчёркивает, что Россия «искала повод к войне с Турцией, чтобы разделить её»³⁷. Бегло обозревая русско-турецкие отношения, Э. Карал утверждает, что Англия выступала за сохранение целостности Османской империи «не из-за симпатий к Турции», а из-за боязни того, что «Россия будет угрожать её интересам в Индии»³⁸. Справедливо осуждая Англию и Францию за попытки превратить Турцию «в своего подручного», верно утверждая, что причиной похода русских войск в Прикаспье в 1722 г. было «стремление турок захватить Дербент», И. Х. Узунчаршылы повторяет надуманный тезис о намерении Екатерины II надеть на своего внука «венец крымского короля»³⁹. Хотя в трудах этих авторов содержится значительный фактический материал, но в своих выводах они не избежали субъективизма, идеализации деятельности правящих кругов Турции, стремившихся, по их мнению, «создать своим разумным управлением «гармонию» на завоеванных землях»⁴⁰.

Попытки объективного анализа внешней политики Турции и русско-турецких отношений в русле кавказской проблемы больше не встречаются. Мало того, работы современных турецких историков, непосредственно затронувших эту проблему (Акдеса Нимета Курата, Халука Гюрсея, Халила Иналжика, Дерина Четина, Рахми Туна и Джемала Гёкдже) отличаются крайней тенденциозностью и субъективизмом. Оказавшись в плену буржуазной пропаганды и собственных идеалистических воззрений, они фактически извратили сущность кавказской проблемы, придав ей односторонний антирусский характер. Так, например, по мнению А. Н. Курата, с конца XVI в. «русская политика расширения преследовала цель сделать своим Северный Кавказ и страны вокруг Азовского моря... Крымские ханы должны были держать русских

варваров в узде». Представляя внешнюю политику России как непрерывную цепь агрессии против Турции, Крыма и Кавказа, он заключает: «Здесь лежит, собственно говоря, центральный пункт русско-турецких разногласий к началу XVIII в.»⁴¹.

Примечательно, что подобными измышлениями отличаются и работы других авторов. Пётр I, утверждает Халук Гюрсель, разработал глобальные планы завоевания Чёрного моря, проливов и Стамбула, на основе которых действовали последующие русские цари. «Чем дальше, тем больше, — подчёркивает автор, — Россия приобретала империалистические тенденции»⁴². Вслед за ним Иналжик Халил, Четин Дерин и Рахми Туна пытаются доказать, что османы по вине главнокомандующего Балтаджи-паши упустили возможность разбить русских на Пруте⁴³, подвергавшиеся «огню и мечу» дагестанские горцы искали спасения в сближении с османами⁴⁴, вмешательство извне, особенно России, превратило Кавказ в «постоянно кипящий котёл»⁴⁵.

Рассматривая проблему кавказской политики Турции более подробно, но с тех же исходных позиций, Джемал Гёкдже также не избежал тенденциозности и фактических ошибок в своих суждениях и выводах. Например: шамхал Адиль-Герей, находившийся в подданстве России и оказавший серьёзные услуги Петру I во время его похода, узнав о высадке русских войск в устье р. Аграхани, почему-то «должен был капитулировать перед силой»; русские войска, якобы остановленные османами и ширванским правителем Дауд-беком перед Баку, заняли иранские провинции Гилян, Мазендаран и Астрабад, «сломав сопротивление иранских войск»; после смерти Надир-шаха иранский народ стал «искать убежища в Османской империи»⁴⁶.

Подобные измышления, преподносимые вышеназванными турецкими авторами вопреки общепозвестным фактам, не выдерживают элементарной критики. Наоборот, документальные источники и исследования наших учёных, написанные на их основе, подтверждают, что Кабарда присоединилась к России добровольно в 1557 г., поход Петра I в Прикаспье проходил в исключительно благоприятной для России обстановке, а Гилян, Мазендаран и Астрабад были уступлены Ираном на основе Петербургского договора 1723 г.⁴⁷

В зарубежной западной иранистике применительно к нашей теме особое место занимают две работы английского ориенталиста Лоуренса Локкарта «Надир-шах» и «Падение Сефевидской династии и афганская оккупация Персии», написанные с привлечением иранских, европейских и русских источников. По существу в них автор сделал первую попытку научного анализа русско-иранских и русско-турецких отношений на широком фоне международных событий от похода Петра I в Прикаспье до позорных провалов походов Надир-шаха на Кавказ⁴⁸. Примечательно, что автор, вскрывая антирусский характер деятельности западно-европейской дипломатии и пособническую роль английской Ост-Индской компании Надир-шаху в борьбе против народов Кавказа, не удер-

жался от негативной оценки политики России в отношении Ирана. Оценивая Петербургский договор 1723 г., он заключает, что «подписание этого документа навело тонкий внешний лоск законности агрессивным акциям Петра в Северной Персии»⁴⁹.

Касаясь кавказской политики России сквозь призму буржуазного «объективизма» и пресловутой концепции «плюрализма», представители западной историографии, так же как и их предшественники, выделяют в ней два этапа: период Петра I (1682—1725) и период Екатерины II (1762—1796). Так, например, Роберт Мант-ран, выделяя Карловицкий договор 1699 г. как начальную точку отсчёта наделения могущества Турции, доводит эту сюжетную линию до Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г., после которого «Отоманская империя... становится для своих соседей соблазнительной добычей»⁵⁰. Вполне солидаризируясь с этим, Лавендер Касселс утверждает, что стратегической целью внешней политики России на протяжении XVIII в. оставалось «пробить окно к Чёрному морю», как это Пётр I «сделал на Балтике»⁵¹.

Оставаясь на тех же позициях, с претензией на полное освещение политики соперничавших держав в русле решения кавказской проблемы и восточного вопроса в целом, выступили Роухоллах К. Рамазани, Ричард Фрай, Фироз Касем-заде, Марк Раев, Роберт Олсон, М. С. Андерсон, среди которых наибольшее внимание этим вопросам уделили Роухоллах Рамазани и Роберт Олсон. При этом, выступая под видом объективного и всестороннего анализа событий, Рамазани последовательно проводит мысль о том, что «турецкое вторжение» на побережье Каспия «было ускорено русским продвижением в Иран... Русские экспансионистские цели на Среднем Востоке в 1722 г. были нацелены на огромную территорию, расположенную между Каспийским и Чёрным морями»⁵².

Акцентируя особое внимание на деятельности Петра I и его преемников, как начальной стадии восточной политики России, Фрай пишет, что со вступлением Петра I на трон отношения между Россией и Ираном изменились. «Русское назойливое устремление на Востоке, — подчёркивает он, — активно покровительствовалось Петром, который, возможно, мечтал использовать Каспийское море как путь в Центральную Азию и Индию»⁵³.

Примерно в аналогичном духе преподносят внешнюю политику России Касем-заде и Раев. По мнению Касем-заде, «правительство Анны имело большие территориальные амбиции». Вопреки общезвестной истине, он далее утверждает, что «так называемый союз Кабарды и России в XVI столетии был всего лишь фикцией»⁵⁴. Как бы завершая эту сюжетную линию, Раев заключает, что Екатерина II «успешно осуществила старые амбиции Великого Петра, захватив северные берега Чёрного моря и Крыма, создав тем самым основы для дальнейшего продвижения на Кавказ»⁵⁵.

Не обошлись без субъективизма и личной пристрастности в оценке русско-ирано-турецких отношений Дж. С. Хурвитц и М. С. Андерсон. Объясняя политику России в отношении Ирана стремлением «к наживе», Хурвитц пишет: «Царь Пётр I (1682—

1825), казалось, решил превратить Каспийское море в русское озеро, но оттоманы взяли уже под свою протекцию суннитский Ширван»⁵⁶. Обеспокоенные активностью России, пишет Андерсон, «современники были убеждены, что русские серьёзно угрожали существованию Османской империи»⁵⁷.

Анализируя более подробно русско-ирано-турецкие отношения и решение Порты от 15/V—1722 г. о том, что «нет причин, которые могли бы удержать (Турцию — Н. С.) от объявления войны Персии», Роберт Олсон тем не менее делает вывод, что это решение дивана в значительной степени было продиктовано опасениями османов в связи с агрессивными намерениями России относительно Кавказа, Турции и Ирана. Турецкое вторжение в Ширван «против русской интервенции», поучает он далее, основывалось «на праве Порты защищать суннитов Дагестана против неверных русских». По мнению Олсона, одним из главных препятствий сближения Ирана с Россией «было русское присутствие на Кавказе»⁵⁸.

Более откровенно антирусские настроения выразились в совместной работе английских и турецких историков В. Д. Перри, Х. Иналджика, А. Н. Курата и Дж. С. Бромлея, в которой утверждается, что взятием Азова в 1696 г. «царь Пётр открыл новую эру в истории русско-турецких отношений так же, как и в русской истории». Оценивая русско-иранский Петербургский договор 1723 г., они приходят к выводу, что «с тех пор турецкая внешняя политика определялась «революцией в Персии и угрозами русских на берегу Каспийского моря». По мнению тех же авторов, Константинопольский русско-турецкий договор 1724 г. был «первым и последним событием, на которое согласились русские и оттоманские правители по поводу деления соседнего мусульманского государства»⁵⁹.

С аналогичных антирусских позиций кавказская политика России преднамеренно трактуется американскими историками Стаффорд Д. Шоу и Е. К. Шоу, которые утверждают, что с конца XVII в. Россия вела агрессивную кампанию, которая в течение одного столетия сделала Чёрное море «русским озером». Обвиняя Петра I в том, что он занял Дербент и Баку, они в то же время оправдывают турецкие захваты: «Оттоманцы, естественно, боялись, что Россия завоюет Иран так же, как и Кавказ». Касаясь причин русско-турецкой войны 1768—1774 гг., вопреки историческим фактам, они утверждают: «Новая война с Россией была прямым результатом агрессивной империалистической политики, которой руководствовалась Екатерина Великая». Кучук-Кайнарджийский мир 1774 г. был, по их мнению, «одним из самых роковых документов оттоманской империи и её территориальные претензии были лимитированы». После «аннексии» Крыма в 1783 г., заключают они, «русская опасность становилась более угрожающей, чем когда-либо она была»⁶⁰.

Несколько шире русско-иранские отношения в последней четверти XVIII в. рассмотрел Мурнел Аткин. Подчёркивая, что русская экспансия в сторону Востока принимает систематический

характер со времени Петра I, он более подробно останавливается на политике Екатерины II, постоянно внушая мысль, что главным объектом этой политики был Иран. По мнению автора, после Кучук-Канарджийского договора «колониализм становится доминирующим фактором во внешней политике Екатерины II». Утверждая, что с тех пор «были сделаны успешные попытки использовать часть Кавказа для борьбы против Османской империи», Аткин убеждает, что «начало этой экспансии совпало с объединительной политикой Каджаров»⁶¹.

Почти с аналогичных позиций выступили авторы недавно изданных трудов Норман Изткович и Рогер Савори. Если первый из них излагает русско-иранские и русско-турецкие отношения с более раннего периода, то второй коснулся преимущественно I четверти XVIII в. Так, Н. Изткович, ссылаясь на территориальные потери османов по Карловицкому миру 1699 г., заключает: «Впервые территория, которая долгое время была мусульманской, должна была перейти под христианский контроль»⁶². Так же, как и вышеупомянутый автор, Савори произвольно трактует исторические события, нередко апеллируя к антирусским мотивам. Вопреки историческим фактам он утверждает, что нашествие афганцев на Персию явилось следствием того, что «Пётр I стремился совершить агрессию в Иран и аннексировать Грузию и Армению». Столь же беспочвенны заверения автора, что султан Ахмед III и верховный визирь Дамад Ибрагим-паша проводили в отношении Ирана «дружественную политику невмешательства», что же касается политики Петра I, то она оставалась «неопределённой». По-видимому, такая путаница подлинных фактов понадобилась ему для следующего заключения: «Появление русского флота на берегах каспийских провинций вызвало серьёзное беспокойство в Стамбуле ... и лишь смерть Петра Великого положила конец русской экспансии в этом районе»⁶³.

И, наконец, материалы справочного характера о последствиях поражения Надир-шаха на Кавказе сообщает Дж. Перри: «Его дагестанская кампания 1741—1742 гг. потерпела фиаско, и постоянные восстания по всей области от Дербента до Тбилиси усложняли любые планы, которые он мог претворять для сохранения в качестве вассальных территорий Ирана»⁶⁴.

Подвергнув краткому анализу зарубежную историографию проблемы взаимоотношений народов Северного Кавказа с сопредельными странами, подведём некоторые итоги:

1. Труды зарубежных авторов (преимущественно иранских и турецких, в меньшей мере — западных) имеют немаловажное значение для изучения истории Северного Кавказа и кавказской политики сопредельных стран — Ирана, России и Турции в XVIII в. Содержащийся в них фактический материал позволяет судить о политике этих стран на Северном Кавказе и характере сложившихся там русско-иранских и русско-турецких отношений.

2. Методологическая несостоятельность и классовая ограниченность воззрений представителей буржуазной историографии

не даёт им возможность правильно раскрыть сущность кавказской политики упомянутых стран и объективно-прогрессивный характер русско-северокавказских связей в указанный период, оказавших значительное влияние на вхождение этих народов в состав России в конце XVIII—начале XIX в.

3. Имеющая хождение в зарубежной историографии легенда о мнимом «завещании» Петра I и «греческом проекте» Екатерины II преследуют цель доказать пресловутый тезис об «извечной», «плановой» агрессивности политики России, в том числе и Советской, против народов Востока, чтобы извратить ленинскую внешнюю политику СССР, отождествляя её с колониальной политикой царизма⁶⁵.

4. Узловые проблемы формирования и развития русско-северокавказских связей, русская и советская историография этого вопроса достаточно освещены в трудах наших учёных⁶⁶. Критическое изучение сочинений зарубежных авторов по теме нашего исследования, разоблачение их антинаучных субъективистских и фальсификаторских измышлений на базе марксистско-ленинской методологии остаётся важной задачей как для правильного освещения кавказской проблемы в целом, так и выявления роли и места Северного Кавказа в русско-иранских и русско-турецких отношениях XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Новосельцев А. П.* Русско-иранские отношения XVII—первой половины XVIII в. в освещении современной буржуазной историографии. — История СССР, 1960, № 3; *Ибрагимбеги Х.-М.* Россия и Северный Кавказ в XVI—первой половине XIX вв. в освещении современной буржуазной историографии. — История СССР, 1982, № 2; *Соловьёв Е. А.* Критика современной англо-американской историографии истории России эпохи Петра I. Дис. ...кандид. истор. наук. Всесоюзная государственная публичная библиотека им. В. И. Ленина.

² *Астрабади Мирза Мехди-хан.* Джахонгоша-йе Надири. Тегеран, 1341/1962. Как указывает автор предисловия С. А. Анвар, рукопись «Джахонгоша-йе Надири» в 1765 г. была доставлена датским путешественником Харстеном Нибуром из Шираза в Копенгаген и в сокращённом варианте «История Надир-шаха» издана в Лондоне Вильямом Джонсом в 1770 г. В 1773 г. этот экземпляр был переведён на французский и немецкий языки, а несколько позже — на грузинский язык. С. А. Анвар, ставящий Надира в один ряд с Г. Ганнибалом, А. Македонским, Тамерланом и Наполеоном I, уточняет, что до сих пор обнаружено 5 экземпляров этой рукописи, напечатанных «каменным способом» (литографией — Н. С.) и 3 — в рукописном виде, которые и послужили основой настоящего дополненного и исправленного издания.

³ *Астрабади Мирза Мехди-хан.* Джахонгоша-йе..., с. 8—9, 17—18.

⁴ Там же, с. 232—239, 260—277, 396—399—405—406.

⁵ *Китаб-е тарих-е Джахонгоша-йе Надери-е ман.* Бомбей, 1265/1849, с. 4, 6, 13, 164—165, 226, 235, 248.

⁶ *Дорр-е Надери /Пакиште-е ан./.* Тегеран: Изд-во Парчам, 1364/1945, с. 6, 29, 31, 32, 46, 48.

7 Сафар намэ-йе Мохаммад Али-е Хазин /Пакшоде-е ан/. Тегеран, 1364/1945, с. 70, 73—74, 92—93, 115, 122.

8 Тарих-е Хазин. Шамел: авахар-е Сафавие Фетнее Афган Салтанате. Исфахан, 3-е изд., 1350/1932, с. 59—62, 76—77, 89, 105, 118.

9 Бартольд В. В. Исторический обзор. Сочинения. М., 1971, т. 7, с. 302; Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, с. 41—43; Мухаммад-Казим. Намэ-йи Аламара-йи Надири. М., 1960, т. 1, с. 17.

10 Козлова А. Н. Страница истории освободительной борьбы народов Дагестана. — Страны и народы Востока. М., 1976, вып. 18, с. 125—134.

11 Мухаммад-Казим. Намэ-йи..., т. 1, с. 206, 336, 163—164, 1986, 225, 278—280, 282—284, 324—326; 1961, т. 2, с. 2786, 318, 320, 327; 1966, т. 3, с. 127а, 1286, 129—1306, 134, 1366—137.

12 Hanway J. A historical account of the British trade over the Caspian Sea London, 1762, vol. II, p. 46, 87, 146, 208, 333—3334, 409, 421.

13 Ahmet Cevdet Pasa. Tarih-i Cevdet. Cilt I. Istanbul. 1386/1966, S. 376.

14 Cevdet Ahmet Pasa. Krim ve Kafkas tarihçesi. Istanbul, 1307/1889, S. 10—11, 50.

15 Rasim Ahmet. Resimli ve haritali Osmanli tarihi. Cilt. 2. Istanbul, 1333/1335 (1914/1916), S. 355—356, 398.

16 Hammer v. I. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. IV. Pest, 1830, S. 202—208; Bd. VII, 1835, S. 442—447, 450—453.

17 Zinkeisen I. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Bd. III. Gotha, 1880, S. 186—187.

18 Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nach den Quellen dargestellt. Bd. IV. Gotha, 1911, S. 405, 453.

19 Hecmat M. A. Essai sur l'histoire des relations politiques irano-ottomanes de 1722 a' 1747. Paris, 1937, p. 39, 83, 97.

20 Sardari R. Les Traités entre l'Iran et la Russie depuis le XVI-e siècle jusqu'à 1917. Paris, 1941, p. 40—43, 50.

21 Navai H. Les relations commerciales irano-russes. Paris, 1936, p. 12, 14—15; Пазуки Р. Тарих-е Иран аз могул афшари-йе. Тегеран, 1352/1937, с. 382—384; Экбаль А. Тарих-е мофессол-е Иран аз эстила-йе могул та энгераз-е Каджари-йе. Тегеран, 1360/1941, с. 319—321; Мозэзи Н. Х. Тарих-е равабат-е сийаси-йе Иран ба донья. Тегеран, 1365/1946, с. 300—308, 312, 323; История Турции. М., 1937, т. 2, ч. 2, /Пер. Е. С. Гольцмана/ на правах рукописи/, с. 12.

22 См.: Новосельцев А. П. Указ. соч. — История СССР, 1960, № 3, с. 188.

23 Мухтадар Г. Х. Набардхое бозорг-е Надершах. I-е изд. Тегеран, 1380/1960, с. 5, 8, 22—23, 33, 44—52, 105—110, 137.

24 Сардадвар А. Т. Тарихе незами ва сийаси-йе довраи Надершах-е Афшар. Тегеран, 1395/1975, с. 736, 740, 743, 748—749, 760.

25 Мухтадар Г. Х. Набардхое бозорг-е ..., с. 1—2.

26 Сардадвар А. Т. Тарихе незами ..., с. 346.

27 Бина А. А. Тарих-е сийаси-йе ва дипломаси-йе Иран, /1722—1828/. Тегеран, 1374/1954, т. 1, с. 9—10, 11; Хедаят М. Г. Гозареш. Гесмат-е севном Сафавие, Зандие, Афшарие, Гажарие. Тегеран, 1374/1954, с. 148—151, 156—157, 166, 180; Мейманди-Нежад М. Х. Зендеги-йе пор мажара-йе Надершах-е Афшар. Тегеран, 1375/1955, т. 1, с. 30, 103—104; т. 11, с. 9, 98—100; Годдуси М. Х. Надер-намэ. Хорасан /Мешхед/, 1379/1960, с. 244—248, 251—256, 268—271;

Доудатшахи И. Лешкаркаши-е Петер-е Кабир ба Иран. — Сохан. Тегеран, 1384/1964, № 8—9; с. 741, 742, 743; *Паризи Б.* Снасат ва эктесад-е аср-е Сафави. Тегеран, 1398/1969, с. 354, 358, 363; *Техрани Ш. М.* Тарих-е Надершахи. Надер-намэ. Тегеран, 1390/1970, с. 39, 41—42; *Биани Х.* Тарих-е незами-йе Иран доур-е Сафавийе. Тегеран, 1394/1974, с. 355—356, 475.

²⁸ Radjabi P. T. Iran under Karim Han (1752—1779). Göttingen, 1970, S. 4—5, 58, 74, 80, 145—149.

²⁹ Fasaïs H. History of Persia under Gajar rule. New York and London, 1972, p. 65—67, 71—72, 78, 80.

³⁰ Эшиг Х. Сиясат-е незами-е Русси-е дар Иран: 1790—1815. Тегеран, 1394/1974, с. 16, 21—24, 25, 27—29.

³¹ *Ибрагимбейли Х. М.* Указ. соч. — История СССР, 1982, № 2, с. 192—193; *Ибрагимбейли Х. М., Шеремет В. И.* Современная турецкая историография Восточной /Крымской/ войны. — Вопросы истории, 1978, № 4, с. 45—57.

³² Kafli K. Simali Kafkasya. Istanbul, 1942, S. 74, 75, 79, 84—90.

³³ Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958, S. 353, 355, 361—363.

³⁴ Kosok P. Kuzey Kafkasya. Hürriyet ve istiklal savasi tarihinden yapraklar. Istanbul, 1960, S. 22, 23, 24, 25.

³⁵ Erel S. Dagistan ve dagisfanlilar. Istanbul, S. 101, 107, 114.

³⁶ Sabagiev W. G. Kafkasya-rus mücadelesi. Istanbul, 1967, S. 49, 30, 33, 37.

³⁷ Unal T. 1700-den 1958-e kadar Türk siyasi Tarihi. Ankara, 1958, S. 24, 35, 101.

³⁸ Karal E. Z. Osmanli Tarihi. Cilt VI. Ankara, 1954, S. 15—16.

³⁹ Uzuncarsili I. H. Osmanli Tarihi. Cilt VI. Ankara, 1956, S. 187, 190, 461, 469.

⁴⁰ Мейер М. С. Некоторые черты аграрных отношений в Османской империи. — Историография стран Востока. М., 1977, с. 283.

⁴¹ Kurat A. N. Der Prutfeldzug und Prutfrieden von 1711. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge: Band 10, Jahrgang 1962. Heft 1/April 1962. Wiesbaden, 1962, S. 14—15.

⁴² Gürsel H. Tarich boyunca türk-rus iliskileri. Istanbul, 1968, S. 56.

⁴³ Inalcik H. Kırım hanligi. — Türk dünyasi el kitabı. Ankara, 1976, S. 97.

⁴⁴ Getin D. Osmanli devletini Siyasi tarihi. — Türk dünyasi., S. 997.

⁴⁵ Tuna R. Konferans № 3: Çerkeslerin Kafkasyadan Goçü. — Kafkasya üsere bes konferans. Istanbul, 1977, S. 117.

⁴⁶ Cökçe C. Kafkasya ve Osmani İmparatorlugunun Kafkasya siyaseti. Istanbul, 1979, S. 30, 31, 32, 33.

⁴⁷ *Ибрагимбейли Х. М.* Указ. соч. — История СССР, 1982, № 2, с. 191—194, 192—193—195; Русско-дагестанские отношения в XVII—первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958, с. 235—237, 243, 246, 254, 257; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. Документы и материалы. М., 1957, т. 2, с. 20—22, 30—31; *Гаджиев В. Г.* Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 104—107; *Абдуллаев Г. Б.* Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965, с. 19—20, 21—22; *Агаян Ц. П.* Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978, с. 74—76, 78; *Пайчадзе Г. Г.* Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983, с. 50, 51, 52, 54.

⁴⁸ Lockhart L. Nadir Shach. A critical study based mainly upon contemporary sources. London, 1938, p. 87, 94, 95, 98, 200, 206, 210.

⁴⁹ Lockhart L. The Fall of the Safavi Dynasty and Afghan Occupation of Persia. Cambridge, 1958, p. 176, 179, 186, 212, 213, 219—220, 248.

⁵⁰ Mantran R. Histoire de la Turgue. Paris, 1961, p. 71, 78, 82.

⁵¹ Cassels L. The struggle for the Ottoman Empire 1717—1740. London, 1966, p. 78, 79, 98.

⁵² Ramasani R. K. The Foreign Policy of Iran. A Developing Nation in World Affairs 1500—1941. Charlottesville, 1966, p. 20—21, 22, 24, 25.

⁵³ Frye R. N. Persia. London, 1968, p. 76, 96.

⁵⁴ Kasemzadeh F. Russian Penetration of the Caucasus. — In: Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974, p. 243, 245, 246, 253.

⁵⁵ Raeff M. Imperial Russia 1682—1825. The Comming of Age of Modern Russia. N. Y., 1971, p. 4, 26.

⁵⁶ Hurewicz C. Diplomacy in the Near and Middle East. A Documentary Record: 1535—1914. Vol. 1, New York, 1972, p. 42.

⁵⁷ Anderson M. S. The Great Powers and the Near East 1774—1823. New York, 1973, p. 9.

⁵⁸ Olson R. The Siege Mosul and Ottoman-Persian Relations 1718—1743. Bloomington, 1975, p. 44, 45, 46, 98, 117, 119.

⁵⁹ Parry V. I., Inalcik H., Kurat A. N. and Bromley I. S. A History of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976, p. 176, 217.

⁶⁰ St. J. Shaw, E. K. Shaw. History of the Ottoman Empire and Modern Turkeu. Vol. 1, Cambridge, 1976, p. 223, 239, 247, 250, 258.

⁶¹ Atkin M. Russia and Iran 1780—1828. Minneapolis, 1980, p. 4, 6—7, 25, 162, 164.

⁶² Iztkowitz N. Ottoman Empire and Islamic Tradition. Chicago, 1980, p. 63, 84, 100.

⁶³ Savori R. Iran under the Safavids. Cambridge, 1980, p. 246, 251, 252.

⁶⁴ Perry J. R. Karim Khan Zand. A History of Iran 1747—1779. Chicago, 1979, p. 209, 251, 252.

⁶⁵ См.: Новосельцев А. П. Указ. соч.—История СССР, 1960, № 3, с. 188—189; Павленко П. И. Три так называемых завещания Петра I. — Вопросы истории, 1979, № 2, с. 142—144; Ибрагимбеги Х.-М. Критика современной англо-американской буржуазной историографии присоединения Северного Кавказа к России. — Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: (Материалы Всероссийской научной конференции). Грозный, 1980, вып. 2, с. 122—125; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М., 1984, с. 405, 407—408.

⁶⁶ Нарочницкий А. Л. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времён до наших дней. — Истоки великой дружбы. Грозный, 1978, с. 16—19, 21—26; Магомедов Р. М. Методологические вопросы вхождения народов Северо-Восточного Кавказа в состав России. — Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона..., вып. 2, с. 13—19; Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография М., 1981, с. 128, 143, 158, 160—177; Блюев М. М. Историография проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России. — Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI в. — 70-е годы XX века): (Материалы Всероссийской научной конференции). Грозный, 1982, с. 241—248.

МАТЕРИАЛЫ

Источники по средневековой истории Дагестана написаны на многих языках, которые одному человеку познать практически невозможно. Это является серьезным тормозом для её плодотворного изучения. Учитывая это, авторы этих строк решили дать в качестве приложения к сборнику перевод нескольких ранее неизвестных науке дагестанских арабоязычных текстов, несущих ценную информацию об эпохе средневековья в Дагестане.

Т. М. Айтберов, А. Р. Шихсаидов

АКТ О РАЗДЕЛАХ ИМУЩЕСТВА МЕЖДУ НАСЛЕДНИКАМИ ШАКРАКА, СЫНА АХМАДА (748/1347-48 г.)

В 1979 г. археографическая экспедиция сектора востоковедения ИИЯЛ, при участии авторов этих строк, обнаружила в мечети с. Уркарах Дахадаевского района арабскую рукопись «Кисас ал-аибийа» без начала и конца (всего 50 листов)¹. Написана она черными чернилами, каламом, на листах (23×16 см) плотной, толстой, желтовато-белой бумаги восточного производства. Частично огласованный её текст (10×16 см) написан весьма красивым насхом, разновидностью его, характерной для Среднего Востока XIV в. и несколько более раннего времени.

«Акт о разделах» написан на листах 19 б—20 б серовато-черными чернилами, широко заточенным каламом, на полях названной рукописи из Уркараха. Почерк — насх; начертание некоторых букв (например, «ба», «та», «лам», «нун» в конечном написании, а также «ра» и «зейн» в начальном) имеет параллели в памятниках дагестанской эпиграфики XIII—XIV вв.² Текст акта частично огласован. В нем употреблены — для передачи звуков табасаранского языка, не имеющих достаточно близких параллелей в арабском — буквы: «кяф» с тремя точками вверху и «та» с тремя точками вверху; первая передает, видимо, звук «г» либо «кI», а вторая — «тIтI». В конце акта стоят три значка, похожие по форме на цифру «два» в её арабском написании. Это, скорее всего, арабское «Тамма, тамма, тамма», что можно перевести как «Конец».

В разбираемом документе содержатся табасаранские слова (*бархал, батIтил, курмяс, мукъу*)³, отражающие реалии быта, имевшего место в доме Шакрака и понятные при этом его наследникам и свидетелям, присутствовавшим при написании «Акта о разделах». Имеются в тексте последнего и топонимы (пашни

Шакаридна и Гаринак, принадлежавшие Шакраку), объясняемые, хотя бы отчасти табасаранским языком. Поэтому есть основания считать, что «Акт о разделах» сообщает о событиях 748/1347—48 гг., происходивших на территории распространения табасаранского языка (часть Табасаранского и Хивского районов ДАССР). В данной связи, однако, обращают на себя внимание два факта: первый — при составлении «Акта о разделах» в числе свидетелей был в 1348 г. носитель редкого имени Асмад (А-с-м-д); второй — в с. Хив Хивского района сохраняется надгробие некоего Асада, сына Иусуфа, скончавшегося в 758/1356—57 г.⁴ Для отождествления этих двух Асмадов, живших в первой половине XIV в. на территории, где употреблялся табасаранский язык, определенные основания, по-видимому, есть. Следовательно, вполне вероятно, что события, описываемые в «Акте о разделах» следует локализовать более узко — на территории нынешнего Хивского района.

Почерк, которым написан анализируемый акт, является весьма древним. Особенности написания некоторых букв — на это выше нами уже обращалось внимание — позволяет относить его к XIV в. Вместе с тем, однако, местонахождение «Акта о разделах» имущества, происходивших в весьма влиятельной и богатой семье — на полях рукописной книги (со всех четырех сторон), а также отсутствие печатей или тамг наводят на мысль, что мы имеем дело не с подлинным текстом документа, а с очень старой копией. Возможно, она относится к XIV в.

Перевод^а

Шакрак^б, сын Ахмада, умер во вторник двадцать пятого числа месяца раджаб^в. После него остались наследники (варис): две его дочери, его жена и сестра. Имя одной из дочерей — Сафра^г, имя другой — Азай^г, имя его жены — Кисрин^б, имя его сестры Каджума.

Каджума затем умерла, оставив после себя дочь, которая была женой Кабли^д. Они заспорили тогда по поводу наследства [доставшегося от] Шакрака и разделили это наследство между двумя его дочерьми, его женой и дочерью его сестры. Долю дочери его сестры составили следующие пашни и луга: одна пашня Иакаридна^е

^а Здесь и далее в переводах документы начинаются с традиционного мусульманского приветствия.

^б В тексте: «Ш-к-р-к».

^в В тексте: «С-ф-рай».

^г Можно иначе: «Аза».

^д Над кяф стоят три точки.

^е Над кяф стоят три точки. В тексте: «Й-к-р-диа».

размером в сандас^а; один луг Йакаридна размером в вурдуф^б; одна пашня [охватывающая] весь Гаринак.

Этот раздел засвидетельствовали: Дагал-бек^в, Аммар, Занки, Амур и Кимким^г.

От этого раздела они стали довольными и расселись по своим домам.

Они, однако, заспорили затем по поводу домашнего имущества.

Из домашнего имущества перешло дочери сестры Шакрака^д шесть ратлов чистой конопля; один бархал^е; один калак^ж, в котором восемь сандасов муки. Кабли и его жена перенесли это выделенное [им] домашнее имущество в свое селение.

Они заспорили затем по поводу доли [от] крепости, усадьбы (*дур*)^з загона и «концов» (*хашийа*)^и. Примирились на [условии предоставления] взамен этих признаков владельческого достоинства (*малака*)^к — батила^л в пять ратлов^м; одного бархала; одного курмаса^н; сорока локтей конопляной ткани^о; одной бычьей шкуры; одного муку^п.

Это примирение заключил Мухаммад-Факих, сын Бакур-Йусуфа.

Свидетели этого примирения: Дагал-бек, Асмад, Аммар из селения Кахраи^н, Абдул, Усман, Кудай^к и Амур.

Воскресенье, семнадцатое число месяца шаввал семьсот сорок восьмого (1348) года после хиджры избранного пророка.

«А кто изменит это после того, как слышал, то грех будет только на тех, которые изменяют это. Поистине Аллах — слышащий, знающий!»^л.

Кабли — с ним Амур^м — перенес назначенное ему в свой дом, согласно этому примирению и при этих свидетелях.

Конец^н

^а В тексте: «с-н-д-с».

^б В тексте: «в-р-дуф».

^в В тексте: «Д-г-л-б-к».

^г Можно иначе: «Ким-ким-р».

^д В тексте: «его».

^е Можно иначе: «жилища (*дар*: мн. ч. — *дур*)».

^ж Можно иначе: «за эти объекты владения».

^з В тексте: «одежд из конопля».

^и В тексте: «К-х-ра-и».

^к Можно иначе: «Куда».

^л Коран, II, 177, (181).

^м В тексте: «А-м-р».

^н Это слово написано в арабском тексте акта аббревиатурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ныне она хранится в Рукоп. фонде Ин-та ист., яз. и лит-ры Дагфильяла АН СССР (далее: РФ ИИЯЛ). ф. 14, № 2381.

² См.: *Шихсаидов А. Р.* Эпиграфические памятники Дагестана, с. 46, 82, 83, 334, 336.

³ При работе над табасаранским языковым материалом, встреченным в этом и других актах мы пользовались любезными консультациями сотрудников ИИЯЛ, табасаранцев М. Г. Юсуфова и К. Т. Шалбузова.

⁴ *Шихсаидов А. Р.* Указ. раб., с. 64—66.

⁵ Видимо, 25 раджаба 748 г. х., что соответствует 1. XI. 1347 г.

⁶ В настоящее время табасаранцы это имя произносят «Кесрен».

⁷ *Бархал* (табас.) «палас».

⁸ В настоящее время табасаранцам слово *калак* с примерным значением «вместилеще» неизвестно. Обращает на себя внимание, однако, что в соседнем, родственном табасаранскому даргинском языке имеется слово *гавлаг* «мешок»; в персидском *кулак* «корзина, коробочка». Вполне возможно поэтому, что слово *калак*, имелось в табасаранском языке XIV в. и обозначало нечто вроде: мешок, торба, корзинка и т. д.

⁹ Возможно, речь идет о службах, входивших в систему укрепленной усадьбы.

¹⁰ *Бат/Тил* (табас.) «кастрюля».

¹¹ Это арабское по происхождению название меры объема было употребляемо во многих языках Дагестана. [См. Материалы по метрологии народов Дагестана. — В кн.: Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1974, вып. I, с. 167—178, 182].

¹² *Курмяс* (табас.) — разновидность паласа.

¹³ *Мукъу* (табас.) — «лемех».

АКТ О ПРОДАЖЕ ЧЕЛОВЕКОМ ПО ИМЕНИ КАБЛИ ПАШНИ И ЛУГА ПЯКАРИДИЯ БАЛАС-АХМАДУ И ЕГО ЖЕНЕ КЕСРЕН (ПОСЛЕ 1348 г.)

Документ этот начертан той же рукой, которая написала и «Акт о разделе имущества между наследниками Шакрака, сына Ахмада». Находится «Акт о продаже» на полях той же рукописи «Кинсас ал-анбийа» из Уркараха (л. 21а).

Табасаранский звук «кI», отсутствующий в арабском языке, передан буквой «каф».

В «Акте о продаже» упоминаются Кабли и Кесрен, известные нам из «Акта о разделе», датированного 1348 г. Мало того, в первом из названных документов речь идет о продаже пашни и луга Пякаридна, которые согласно «Акту о разделе», являлись долей жены Кабли, оставленной в наследство Шакраком. Следовательно, этот «Акт о продаже», как и предыдущий, был составлен после 1348 г. По причинам, о которых уже говорилось в предисловии к «Акту о разделе», есть основания считать, что разбираемый здесь «Акт о продаже» является старой копией, снятой, возможно, в XIV в.

Кабли продал Балас^а-Ахмаду и его жене пашню Йакаридиа^б за^в одного быка, черный щит и один из йарбакских^г луков.

Кабли продал затем Балас-Ахмаду и его жене Кисрин луг Йакаридиа за^г одну корову, сорок локтей конопляной ткани^д, и подушку из камки (*камха*)^е.

Эти два акта засвидетельствовали: Амур^с, Даджи-Муса, Убхар-Салма^ж, Аммар сын Али-Даджаджа и Гасар^з. В этом месте [были] и другие люди, не записанные.

К о н е ц

^а В тексте: «Б-л-с».

^б В тексте: «Па-к-ри-д-а»; над буквой «кяф» стоят три точки.

^в Букв. «за стоимость».

^г Букв. «за стоимость».

^д Букв. «одежд из конопли».

^е После этого и других собственных имен в арабском тексте стоит слово «один».

^ж Возможно, что произносить следует «Убхад-Салман».

^з В тексте: «Г-с-р».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Йарбак* (табас.) — с. Кубачи.

² Разновидность шелковой ткани, парчи.

³ *Даж* (табас.) — «осел».

АКТ О ПРОДАЖЕ ЧЕЛОВЕКОМ ПО ИМЕНИ КАБЛИ ПАШНИ ГАРИНАК

НЕКОМУ АСМАДУ И ЕГО ЖЕНЕ САЛВАН. (ПОСЛЕ 1348 г.)

Документ этот начертан той же рукой, которая написала и «Акт о разделах имущества между наследниками Шакрака, сына Ахмада». Находится «Акт о продаже» на полях той же рукописи «Кисас ал-анбийа» (л. 20 б).

В «Акте о продаже» упоминаются Кабли и Асмад, известные нам из «Акта о разделе», датированного 1348 г. Мало того, в первом документе речь идет о продаже пашни Гаринак, которая, согласно «Акту о разделе» от 1348 г., являлась долей жены Кабли в наследстве, оставленном ей Шакраком. Следовательно, «Акт о продаже» был составлен после 1348 г. По причинам, о которых уже говорилось в предисловии к «Акту о разделе», есть основания считать, что «Акт о продаже» является старой копией, относящейся, возможно, к XIV в. Добавим, что названный вывод подтверждается фактом пропуска в тексте документа объема сосуда, пошедшего в уплату за пашню: «батил, в который [помещается столько-то]».

Перевод

Кабли продал Асмаду и его жене Салван^а пашню Гаринак за^б: одну красную корову; один батил, в который [помещается столько-то]^в: тулак^г; двадцать с половиной локтей хлопчатой ткани^д.

Эту продажу засвидетельствовали: Ахир-Аммар^е, Дагал-бек, брат Кабли [по имени] Гамр^ж, Мал-хан^з, сын Дабаргани^и.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В современном табасаранском языке *тулакъ* — «обмотки».

а В тексте: «С-л-вап»; можно, однако, иначе: «С-л-ваз».

б Букв.: «за стоимость».

в Данные об объеме этого батия были, видимо, пропущены при переписке.

г В тексте: «т-лак»; возможно, и чтение «т-лаф».

д Букв.: «одежды».

е Можно иначе: «другой Аммар».

ж В тексте «Г-м-р».

Можно иначе: «...Дагал-бек, Гамрах, Кабли».

з В тексте: «М-л-х-н».

и В тексте: «Д-б-р-гани».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Народы Дагестана в средневековую эпоху своей истории не раз были вынуждены сражаться за свободу с нашествиями войск различных феодальных империй. В этой в целом успешной борьбе дагестанцы показывали чудеса храбрости, самоотверженности, воинского мастерства и любви к родной земле. Победы горцев в освободительных войнах, ставшие примером для дагестанских воинов, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, вдохновили многих старинных народных певцов и современных профессиональных поэтов и прозаиков на создание прекрасных произведений. Из этого вытекает, что освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья достойна постоянного углубленного изучения.

Авторский коллектив данного сборника попытался внести свой вклад в разработку ряда частных вопросов, касающихся различных сторон изучения освободительной борьбы народов Дагестана VII—XVIII вв. против восточных завоевателей. Такой «узкий» подход к проблеме на нынешнем уровне развития дагестанской историографии является, однако, наиболее уместным, ибо не разобравшись полностью в хронологии, не изучив основательно маршруты прохождения войск и места сражений, не уточнив имен военачальников нападающей и защищающейся сторон, не поняв тактику и стратегию воюющих и т. д. невозможно сделать даже маленького шага вперед по сравнению с трудами, написанными в 50—60 годы нашего столетия.

Авторы надеются, что сборник «Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья» будет небесполезным для будущих научных разысканий дагестановедов и ориенталистов, для повышения уровня конкретных знаний у студентов-историков и удовлетворения естественного интереса общественности к прошлому Кавказского региона нашей Родины. Хочется надеяться, что сборник внесет определенный, пусть даже и опосредствованный вклад в дело военно-патриотического воспитания подрастающего поколения нашей республики.

ЛИТЕРАТУРА

Айтберов Т. Еще раз о монгольском нашествии на Дагестан. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М., 1977, вып. 12, ч. 1.

Алиев Ф. М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975.

Алиев Б. Г., Шихсайдова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1385—1396 гг. через Дагестан. — «Ученые записки Института истории, языка и литературы». Махачкала, 1979, т. 22.

Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956.

Алкадари Г. Асари Дагестан. Махачкала, 1929.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936.

Бакиханов А.-К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

Бакиханов А.-К. О походе Шах-Надира в Дагестан.—В кн.: *Бакиханов А.-К.* Сочинения, записки, письма. Баку, 1983.

Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

История Дагестана. М., 1965, т. 1.

Ичалов Г. Х. Борьба народов Дагестана против Тимура.— В кн.: Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975, вып. 2.

Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.

Криштопа А. Е. К вопросу об участии народов Дагестана в борьбе против первых Сефевидов. — В кн.: Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970, вып. 2.

Козлова А. И. Страницы истории освободительной борьбы народов Дагестана. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1976, вып. 18.

Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI—30-е годы XVII в.). М., 1963.

Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ.— В кн.: История СССР, 1965, № 5.

Лавров Л. И. Тарки до XVIII века. — Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1958, т. 4.

Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966, ч. 1; М., 1968, ч. 2; М., 1980, ч. 3.

Магомедов Р. М., Криштопа А. Е. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды.— Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1978, № 3.

Магомедов Р. М. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX в. Махачкала, 1968.

- Магомедов Р. М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX веков. Махачкала, 1957.
- Магомедов Р. М.* Разгром войск персидского завоевателя Надир-шаха в горах Дагестана. Махачкала, 1940.
- Маршаев Р. Г.* Казикумухское шамхальство в русско-турецких и русско-персидских отношениях во второй половине XVI—начале XVII в. — Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1963, т. II.
- Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
- Неверовский А. А.* Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1848.
- Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957, т. 1.
- Попко И.* Терские казаки. М., 1880.
- Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб., 1887.
- Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.* Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
- Тамай А. И.* К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира [1741—1743]. — Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1958, т. 5.
- Умаханов М.-С. К.* Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973.
- Умаханов М.-С. К.* Отношение России к борьбе народов Дагестана с иранской агрессией в XVII в. — В кн.: Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976.
- Хизриев Х. А.* География походов Тимура на Северный Кавказ. — В кн.: Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.
- Шихсаидов А. Р.* О пребывании монголов в Рича и Кумухе. — Ученые записки Института ИЯЛ. Махачкала, 1958, т. 4.

Содержание

1. Введение	3
2. Шихсаидов А. Р. Освободительная борьба народов Дагестана против халифата в VII—VIII вв. (в трудах арабских авторов)	5
3. Айтберов Т. М. Центральная часть Восточного Дагестана в VII—XIII вв. (к хронологии и географии борьбы с мусульманами)	22
4. Исаев А. А. Из истории освободительной борьбы в средневековом Каптаге	41
5. Шмелев А. С. О борьбе уцмийства с экспансией сефевидского Ирана в середине 40-х годов XVII в.	51
6. Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII—первой половине XVIII в.	55
7. Козлова А. Н. «Наме-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима с первым этапе похода Надир-шаха на Табасаран	71
8. Мирзамагомедов Г. М. К истории борьбы дагестанцев против Надир-шаха (по дагестанским арабоязычным источникам)	83
9. Сотавов Н. А. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIII в. (в освещении зарубежной историографии)	94
10. Материалы	112
11. Заключение	117
12. Литература	119

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**



instituteofhistory.ru

**ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА
В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Сборник

Редактор *Е. И. Чернигова*
Технический редактор *Н. В. Жукова*

Н/К

Сдано в набор 4. X. 86. Подписано к печати 3. XII. 86. С 05538.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. п. л. 7,7. Уч.-изд. л. 8,5. Заказ 949. Тираж 500 экз.

Цена 70 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10